

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА

ФАРАХ АДиль КЫЗЫ ГУСЕЙН

**ОСМАНО-СЕФЕВИДСКАЯ
ВОЙНА 1578-1590 гг.**

*по материалам трудов османского летописца
Ибрахима Рахимизаде*

Баку - «Нурлан» - 2005

*Печатается по решению Ученого Совета Института
истории имени А.А.Бакиханова НАН Азербайджана*

Научные редакторы:

Эфендиев О.А.
член-корреспондент НАН
Азербайджана, профессор

Фарзалибейли Ш.Ф.
д.и.н., профессор

Рецензенты:

к.и.н. **Наджафли Т.Г.**
к.и.н. **Ахмедов С.А.**

**Фарах Гусейн. Осmano-сефевидская война 1578-1590
гг. Баку, «Нурлан», 2005, - 216 стр.**

В работе на материале трудов османского летописца XVI века Ибрахима Рахимизаде анализируются причины, ход и результаты осmano-сефевидской войны 1578-1590 гг. В книгу включены извлечения из трудов Рахимизаде.

4602000000
N(098) – 2005 **С грифом**

© Гусейн Ф.А., 2005

ВВЕДЕНИЕ

Исторический путь каждого народа зафиксирован в памятниках материальной и духовной культуры, которые, по сути, являются единственными источниками для более или менее полного воспроизведения отдаленных от нас во времени исторических эпох. С этой точки зрения, изучение и привлечение в научный обиход исторических памятников всегда имело актуальное значение и было неотъемлемой составляющей исторической науки.

В полной мере вышесказанное относится к изучению истории азербайджанского государства Сефевидов, в частности в аспекте его взаимоотношений с Османской империей. Созданное в 1501 году кызылбашскими племенами шамлу, устаджлу, гаджар, зулькадар, афшар, румлу, текелю, варсаг во главе с юным потомком ардебильских шейхов ордена Сефевийе шахом Исмаилом I (1501-1524), Сефевидское государство вскоре превратилось в одну из сильнейших империй Ближнего Востока и на протяжении более чем двухсот лет определяло судьбы региона. Являясь наивысшей вехой в истории государственности нашего народа за период средневековья, Сефевидская империя в то же время была всего лишь звеном в цепи предшествующих и последующих азербайджанских государств, которые, сменяя друг друга на остовах азербайджанской государственности, формировали ее многовековую традицию. С этой точки зрения, полагаем, было бы правомерным рассматривать сефевидо-османские отношения как один из этапов общего процесса развития отношений между Османской империей с одной стороны и азербайджанскими государствами с другой. Если проследить историю этих взаимоотношений с самого их зарождения в начале XV века по сей день, то можно убедиться, что в ней немало периодов мирного сосуществования. Более того, в нее вписаны яркие страницы поистине братской взаимопомощи турецкого и азербайджанского на-

родов в наиболее тяжелые, трагические времена, причем сказанное относится не только к известным событиям относительно недавней истории, но и к самым истокам этих отношений, в частности, к взаимоотношениям османов и караююнлинцев. Эти исторические факты запечатлены в памяти наших народов и являются ориентиром в будущем.

Однако процессу исторического развития неизбежно сопутствуют конфликты, обусловленные столкновением интересов отдельных государств и народов. Конфликт, подспудно нарождавшийся в регионе и обусловленный совокупностью политических, экономических и социальных факторов, с утверждением кызылбашского государства достиг своей кульминационной точки и вылился в форму противостояния Османского и Сефевидского государств. Острота конфликта вкупе с амбициями правителей привела к крайней поляризации этих двух политических сил и столкновения их в затяжных, изматывающих войнах.

Материалы по истории кызылбашского государства, в частности проблематике сефевидо-османских взаимоотношений содержатся в многочисленных письменных источниках, которые можно подразделить на три основные группы: персоязычные, османские и европейские. Помимо языкового признака такое подразделение оправдано и характерными особенностями этих групп источников. Так, если персоязычные источники, как правило, являются систематическим изложением истории кызылбашского государства по канонам классических образцов восточной исторической литературы, а источники на европейских языках – это, главным образом, отчеты, записи или наблюдения представителей дипломатических миссий, путешественников и коммерсантов из европейских государств, то среди османских источников особую категорию составляют описания военных походов, происходивших между этими государствами. «Азербайджан попадает в сферу внимания турецких летописцев в связи с походами османских султанов

на восток...» (86,с.144). Многие известные османские историки того времени участвовали в этих военных кампаниях (73,с.5;72,с.70-78) и одним из представителей этой плеяды был османский летописец XVI века Ибрахим Рахимизаде.

В данной монографии мы ставили своей целью на основе материалов рукописных сочинений Ибрахима Рахимизаде исследовать взаимоотношения Османской империи и государства Сефевидов в последней четверти XVI века. Труд Рахимизаде охватывает сравнительно небольшой отрезок истории, а именно является изложением событий войны, развязанной против кызылбашского государства в 1578 году султаном Мурадом III (1574-1595) и завершившейся подписанием Стамбульского мирного договора в 1590 году.

Ибрахим Рахимизаде по поручению главнокомандующего (сардара) османской армии Лала Мустафа-паши принимал участие в этой военной кампании и по ходу действий составил описание военных событий. Таким образом, на свет появилась трилогия – «Зафарнаме-йи Хазрат Султан Мурад хан» («Книга побед его величества Султана Мурад-хана»), «Гонче-йи баг-и Мурад» («Бутон в цветнике Мурада») и «Гянджине-йи фатх-и Гянджа» («Сокровищница завоеваний в Гяндже»), которая в хронологической последовательности повествует о происходивших событиях. Эти сочинения представляют для нас особый интерес потому, что вышли из-под пера не просто современника, а очевидца описываемых сцен.

Однако сочинения Рахимизаде не лишены недостатков, главным из которых является ярко выраженная тенденциозность автора. Как апологет официальной османской идеологии, направленной на культивирование антикызылбашских настроений, он по долгу службы обязан был оправдать и возвеличить действия османских войск, и дискредитировать противника. Это не позволяет автору быть объективным при изложении тех или иных событий, а за-

частую сводит его на явно оскорбительный тон (подробнее об источниковедческой характеристике трудов Рахимизаде говорится в главе I).

Поскольку критическое изучение предполагает сравнение и сопоставление материалов этих трудов с данными других источников, мы в своей работе обращались также к материалам других синхронных источников, в которых отражена проблематика осmano-сефевидской войны 1578-1590-х гг.

Труд правителя Бидлиса Шараф-хана Бидлиси, написанный в конце 90-х гг. XVI века, особенно его заключительная часть – Хатиме, задуманная автором как летописное изложение событий, произошедших в Турции, Иране, Азербайджане и сопредельных странах с 1290 по 1596-1597 гг., представляет для нас особый интерес как описание военных действий и батальных сцен, имевших место в ходе осmano-сефевидских войн, здесь же рассказывается и о блестящих победах, одержанных над турками наследным принцем сефевидского престола Хамза Мирзой (12).

«Книга Орудж-бека Байата Дон-Жуана Персидского» описывает политические события, связанные с началом осmano-сефевидской войны, частично основываясь на сочинении итальянского автора Минадои, но описание похода Осман-паши в Тебриз в 1585 г. является воспоминанием самого автора – представителя рода кызылбашского племени Байат – Орудж-бека, который сам был активным участником и очевидцем этих сражений (11; 80; 81). Книга Орудж-бека интересна тем, что ее автор не ограничивается лишь голым повествованием, а пытается вникнуть в суть происходивших событий. Так, анализируя причины падения Тебриза, он приходит к выводу, что именно межплеменная вражда стала основной причиной оккупации города османскими войсками в 1585 году.

Проблема сефевидо-османских отношений в рассматриваемый период отражена в ряде османских источни-

ков. Из числа доступных нам следует отметить «Печеве Тарихи» видного османского историка Ибрахима Эфенди Печеве. Частично этот труд носит компилятивный характер, но со времени восшествия на престол султана Мурада III, Печеве описывает уже как очевидец и по рассказам очевидцев (4).

Мы обращались также к материалам ряда османских источников, извлечения из которых опубликованы в Азербайджане. Это «Тарих-и Селяники (1563-1600 гг.)», автор которого принимал личное участие в войне 1578-1590 гг. и был свидетелем взятия османами Гянджи (8), «Тарих» Мехмеда Солакзаде (9).

Особую категорию османских источников по истории сефевидо-османских взаимоотношений представляют т.н. *Mühimme defterleri*. В отличие от авторских трудов, они, будучи официальной документацией османской государственной канцелярии, носят более достоверный характер и включают постановления и решения по обсуждавшимся на султанском Диване вопросам (110, с.506). Но, к сожалению, эта категория документов доступна нам лишь в том объеме, в каком издана в вышедшем в свет в Турции двухтомнике. Основную часть этого сборника, как видно и из названия, составляют документы, имеющие отношение к периоду азербайджанских ханств, и лишь незначительную часть – документы сефевидской эпохи (2;3). Часть этих документов издана турецким исследователем Кырзыюглу Ф. в качестве приложения к своей монографии (103).

Наряду с источниками нами использованы и исследовательские работы. История Азербайджанского Государства Сефевидов и его взаимоотношений с Османской империей всегда привлекала пристальное внимание как отечественных, так и зарубежных историков. Наряду с общими фундаментальными работами по истории этих государств, в которых, в частности, отражена и история сефевидо-осман-

ских взаимоотношений, существуют многочисленные исследования, посвященные специально этой проблематике.

Прежде всего, следует назвать исследовательские работы Петрушевского И.П., объективно отражающие причины возникновения осmano-сефевидских войн (60), фундаментальную монографию Эфендиева О.А., в которой на основе широкого спектра первоисточников впервые всесторонне исследуется история азербайджанского государства Сефевидов со времени его создания до конца XVI века, в частности широко освещены и события войны 1578-1590-х гг. (79). Большой интерес для нас представляет исследовательский труд Рахмани А.А., в котором автор на основе материалов «Тарих-и алам арай-и Аббаси» Искендера Мюнши среди прочего описывает события, связанные с нашествиями османов на территорию Азербайджана, и вторжениями грабительских орд крымских татар на Ширван (65), а также работа Мамедова С.А. (49).

Проблема взаимоотношений азербайджанских государств с Османской империей в рассматриваемый период в качестве самостоятельной темы разработана в работах азербайджанских исследователей Фарзалибейли Ш.Ф. (16), Фарзалиева А.М. (74), а также турецких ученых Кютюкоглу Б.С. (104), Кырзыоглу М.Ф. (103).

Наряду со специальными монографиями в работе использованы исторические сочинения обобщающего характера по истории, как Азербайджана, так и Турции, в которых в той или иной степени нашли отражение события интересующего нас периода. К таким работам относятся, в первую очередь, «Гюлистан-и Ирам» Бакиханова А.А., являющаяся, по определению Буниятова З.М., «первым монографическим исследованием истории Азербайджана академического плана» (32), академическое издание истории Азербайджана «Azərbaycan tarixi» (13), исследования по истории Османской империи – Дж. Хаммера (97), Узунчаршылы И.Х. (119), Яшара Ю. и Али С. (122) и др.

При освещении факторов, обусловивших развязывание османо-сефевидской войны, для нас полезными оказались работы Инальджика Х. (99; 100), Махмудова Я.М. (50), а также Смирнова Н.А., Кушевой Е.Н., Тихомирова и пр. (67; 68;48;70).

Данная книга публикуется на основе диссертационной работы. В виду этого хочу выразить глубокую благодарность своим научным руководителям – члену-корреспонденту НАН Азербайджана, профессору Эфендиеву О.А., д.и.н., профессору Фарзалибейли Ш.Ф., научным оппонентам д.и.н., профессору Махмудову Я.М., к.и.н. Мустафаеву Ш.М., а также всем сотрудникам отдела средневековой истории Азербайджана Института истории имени А.Бакиханова НАН Азербайджана, кафедры истории Азербайджана Азербайджанского педагогического университета за ценные советы и замечания, высказанные в ходе обсуждения работы.

ГЛАВА I

О ЛИЧНОСТИ И ТРУДАХ ИБРАХИМА РАХИМИЗАДЕ

Османская историческая литература как одна из отраслей всей турецкой литературы достигает своего расцвета в XVI-XVII веках (107,с.248; 42,с.150). Об этом свидетельствуют созданные в этот период многочисленные исторические труды, различные как по своим жанровым, так и по языковым, стилистическим особенностям. Основная часть этих трудов написана в духе официальной историографии, призванной в художественной и панегирической форме описать деяния турецких султанов.

К числу таких сочинений относятся и исторические труды Ибрахима Рахимизаде. Сама рукопись хранится в Турции в библиотеке Стамбульского Университета под шифром 2372. Мы же пользовались фотокопией рукописи, хранящейся в Рукописном Институте НАНА (5).

О самом авторе нам известно немного, и эта информация почерпнута, главным образом, из его же произведений. При ознакомлении с трудами Рахимизаде встречается поэтический псевдоним автора – Харими. Он называет себя также Рахимизаде Ибрахим Чавуш (7, л.98 б).

Бабингер Ф. в своем библиографическом обзоре османской историографии называет его «чавуш Рахимизаде» и отмечает, что он был мюнши – секретарём при дворе султана Мурада III (88,с.131;86,с.145). Турецкие исследователи Кютюкоглу Б.С. и Кырзыоглу М.Ф. дают полное имя автора – Рахимизаде Ибрахим Харими Чавуш. Кырзыоглу также пишет, что Рахимизаде из Дербента через Кыпчакскую степь и Кафу (Феодосия) доставлял официальные письма в Стамбул, а обратно – приказы (104, с.288; 103, с.399).

Короткую библиографическую справку о нашем авторе мы нашли в «Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi» под именем Харими Ибрахим-бей. Здесь сообщается, что придворный поэт Харими был сыном алайбека (командир полка) Рахимбека, служил в чине чавуша (нижний чин в войске), а затем был наделен зеаметом*. Примечательно, что ничего не сообщая об исторических трудах Харими, авторы отмечают, что славу ему принесли главным образом мактели – литературные произведения, написанные в память убиения Хусейна во время трагедии в Кербела (98; 106).

Рахимизаде сообщает, что в 1578 году он прибыл в местечко Сагга западнее города Кютахья, где был назначен сбор войск под командованием сардара Лала Мустафа-паши для завоевания «Халифат-и мюльк-и Иран ва мамлакат-и Ширван». Здесь, встретившись с сардаром и выразив ему свое почтение, «этот раб, совершивший много грехов», как пишет о себе Рахимизаде, получил задание сардара сопровождать войска в походе, и описывать все события войны. Из дальнейших слов автора можно предположить, что вероятно, отец Рахимизаде когда-то служил вместе с Сардаром: «Предавшись воспоминаниям о счастливых днях [былого]», сардар «подробно рассказал об их совместной службе 40-50 лет тому назад» (5, л.2а-2б). Покойный отец нашего автора, по словам Мустафа-паши, «рассыпал перлы красноречия в поэзии и в прозе, был замечен и возвышен султаном» (5, л.3а-3б).

Как выясняется из вышесказанного, отец Рахимизаде был человеком образованным, а возможно, даже писателем и находился на службе при дворе султана. Следовательно, Рахимизаде принадлежал к высшему сословию, что, конечно, не могло определенным образом не сказаться на его воспитании и формировании взглядов.

* См. примечание 11.

Когда Рахимизаде было поручено написать книгу, которая являлась бы «лучшим напоминанием о событиях этого победоносного похода до скончания мира», он поначалу отказался, считая, что не обладает в достаточной степени «мастерством чистой поэзии и ярчайшей прозы», необходимого для создания такого произведения. К тому же, по его мнению, чтобы создать «чарующее произведение, достойное проникательных умов», нужно было вникать в суть происходящих событий. Однако сардар не принял отказа, сочтя опасения Рахимизаде необоснованными, поскольку «непосредственное наблюдение за происходящими событиями и доступ к корреспонденции обеспечат достоверное их изложение» в книге, а повествование, по его мнению, достаточно вести обычным «повседневным языком» (5, л. 3а - 3б). Итак, Рахимизаде приступил к созданию своего первого сочинения, озаглавленного в честь «могущественного падишаха» «Зафарнаме-йи Хазрат Султан Мурад-хан» (в дальнейшем – Зафарнаме). В последующем им были написаны еще два произведения: поэтическое «Гонче-йи баг-и Мурад», (в дальнейшем – Гонче) и «Гянджине-йи фатх-и Гянджа» (в дальнейшем – Гянджине).

Все три сочинения охватывают 12-и летний период с 1578 по 1590 годы с небольшими перерывами и посвящены, в основном, военным событиям, имевшим место в ходе османо-сефевидской войны 1578-90-х гг. Достоверно известно, что Рахимизаде, принимая личное участие в Восточном походе османской армии, был свидетелем битвы при Чылдыре, взятия Тифлиса, покорения грузинских правителей, сражений под Шемахой, а также укрытия Осман-паши в Дербенте. Таким образом, материалы его трудов являются свидетельством очевидца. Однако при их изучении следует иметь в виду, что они написаны официальным историографом Османской империи, обязанным по долгу службы отражать интересы правящей верхушки. Фарзалиев А., исследовавший исторические труды известного османского

историка XVI века Мустафа Али Эфенди, характеризует его творчество словами Тверитиновой А.С., которая писала, что эти авторы, состоя «на службе или непосредственно при султанском дворе или в каком-либо государственном учреждении, ... входили в сословие людей, в той или иной мере привилегированных, а потому, естественно, их точка зрения на происходившие события почти всегда отражала взгляды господствующего класса» (69,с.13;74,с.11). Вышеприведенное определение вполне применимо и к творчеству Рахимизаде.

Этим объясняется тенденциозность, присущая Рахимизаде, преувеличение и восхваление успехов османской армии и пренебрежительный, а зачастую явно оскорбительный тон в отношении противника.

Для Рахимизаде характерно ненавистное отношение к «врагам веры», коими, с точки зрения представителей османской идеологической доктрины, являлись, кызылбашы. Это проявляется в том, что автор, не скрывая своих чувств, щедро «одаривает» кызылбашей оскорбительными прозвищами и эпитетами. Так, сефевидского шаха Мухаммеда Худабенде он называет «заблудшим шахом» (шах-и гумрах) или же «сыном дьявола» (Тахмас ибн Хуннас), «вождем проклятых» (пишва-йи мелаин), «предводителем сатанинской армии» (сер аскер джунуди шайатин). Автор изощряется в придумывании прозвищ для кызылбашских эмиров и их соратников: «бунтарь Токмак» (Токмак-ак), «проклятый хан» (хан-и мердуд) Зиядоглу Гаджар, «распутный Левенд» (Левенд-и бедмааш), «неотесанный Симон» (Симон-и нате-раш). А сами кызылбашские племена называет не иначе, как «нечестивыми безбожниками» (мулахиде-и бедаин), «кызылбашской чернью» (кызылбаш-и овбаш) и пр. Если в персоязычных хрониках азербайджанские племена, приведшие Сефевидов к власти, и все подданные Сефевидов называются кызылбашами (от азерб. кызылбаш – «красно-головой»), то большинство османских хронистов, в том числе

и Рахимизаде, вместо тюркского «кызылбаш» нередко употребляют его персидский эквивалент «сорхсар». В этом отражалась религиозная враждебность османов-суннитов к кызылбашам-шиитам (86,с.147-148), иначе говоря, использование иноязычного термина было своего рода признаком отчуждения, противопоставления тюрков-кызылбашев тюркам-османам.

Относительно языка рукописи следует отметить, что в противовес наставлению Мустафа-паши писать простым и понятным языком, Зафарнаме и Гянджине написаны в характерном для османской историографии этого периода высокопарном стиле, содержат много стихотворных отрывков, либо отрывков в виде рифмованной прозы. «Эпигонство, крайняя вычурность и формальная изошренность, гипертрофированное развитие формы в ущерб содержанию – особенности т.н. индоиранского стиля в восточной литературе» (46,с.48) – характеризуют сочинения Рахимизаде. В отличие от двух вышеназванных книг Гонче написана сравнительно понятным, приближенным к народному языком. Текст произведений изобилует славословиями и восхвалениями в честь турецкого султана, полководцев османской армии. Так, к примеру, упоминание султана Мурада III сопровождается нагромождением всяческих эпитетов и пышной титулатурой. Для иллюстрации приведем один из отрывков.

«[Султан Мурад III] – это тот, «кто в войне – покоритель, а по завершении её – ставящий печать, симург царства Гаф, феникс [на] высотах халифата, сокол в гнезде государства, покровитель народа.

Стихи: Мыслями [подобный] Сулейману, обликом – Юсифу, разумом – Ахмеду, устами – Яхье, поведением – Хизру, бездонной душой, замечательными делами [подобный] Мусе, дыханием – Мессии, решимостью – Искандеру, воинственностью – Рустаму, в пиру как хакан, [подобно] Дарию, издающий справедливые приказы, величественный шах с превосходным житием.

Проза: Могущественный и яростный герой, добродетельный потомок избранных предков, созидающий основы исламской религии, обладающий источниками перлов в океане знаний, знаменосец мира и спокойствия, распространяющий справедливость и благие деяния, султан материков и хакан морей, слуга двух священных городов, твердыня, [опирающаяся] на заповеди Аллаха, завоевывающий и побеждающий по милости Аллаха, лучший собеседник Аллаха, источающий великодушие, возрождающий закон посланника Аллаха, владыка природы и повелитель людей, султан ибн султан Мурад-хан ибн султан Селим-хан, покоряющий и побеждающий при благосклонности Всевышнего...» (5, л.4б-5а).

Использование автором сложных персидских и арабских выражений и фразеологических оборотов еще в большей степени затрудняет понимание текста. Для наглядности ниже в транслитерации на латинский алфавит мы приводим небольшой отрывок из рукописи, в котором автор говорит о своей встрече с начальником Баб-и саадет* Мехмет-агой и преподнесении ему завершеного варианта Гянджине.

... Vakı olan cidal ü kital ila vuku'ul-hal bir risale-yi bedi' ul-beyan talif olunub paye-yi serir-i ma'dilat-i masira isal için bir ruz-i piruz aftab-i alem efruz eş'eeyi delfiruz ile cihanı münevver ve etriyyat-i canfezasıyla dimağ-i kovni muatter kıldıği halde bir vakt-i şerif ve bir saat-i latif ihtiyar olunub dergah-i keyvan eyvan ve bargah-i felek ünvan terabına yüz sürmek şeref-i ümidine müteveccih ve revan olub ol mukassım-ı erzak olan tak-revak gövs-güzehveş zahir-ü eyan olıcak bir zat-i ali himmet ve bir vücud-i hüsn-i hislet

Matla: menba'-i lütf-ü cudü kan-i saha
bir felek menzilet-i meleksima

* См. примечание 114.

Nesr: ki, perverde-yi atifet-sayeyi ilahi ve mezher-i iltifat-i himayet-i padişah mükerreb-i dergah-i zillilah ve mu'temed-i padişah-i alempenah semiyi hazret-i sahibvefa ağa-yi bab-i saadet, izzetlü Mehmed-ağa tavalallah Teala umrehu ve devletehu ila yevm-ül ceza hazretlerinin hakpayi kehlasalarıyla dide-yi ümidim rüvşen olmak nesib olub (7, l.103b-104a).

Перевод:

... Когда было завершено написание художественного произведения, по ходу действий [отражающего] происходившие военные события, то в один из счастливых дней, когда освещающее вселенную солнце своими радующими сердце лучами озарило мир и живительным ароматом услаждало дух бытия, было назначено благоприятное время и добрый час для того, чтобы преподнести его подножию престола – место устремления правосудия. Лелея надежду быть удостоенным чести поцеловать прах вершителя во дворце Сатурна и чертогах судьбы, [автор] отправился в путь. Как только подобно радуге завиднелся свод купола источника счастья, и [появилась] особа, обладающая высокой нравственной и физической красотой

Матла*:

родник милости и щедрости, великодушие источающий, ангелоподобный, на небесах обитающий.

Проза: что взлелеян благосклонной защитой Всевышнего, средоточие покровительства и внимания падишаха, приближенный царского двора, охраняемого Аллахом, пользующийся доверием падишаха, убежища мира, высокочтимый начальник Баб-и саадет Мехмет-ага, да продлит всевышний Аллах его жизнь и могущество до Судного дня, я имел удовольствие при-

* Матла – первый бейт газели.

пасть к праху его величества и моя заветная мечта сбылась.

Структура сочинений Рахимизаде

Все три сочинения сброшюрованы в одну книгу, которая содержит 160 двойных листов, т.е. 320 страниц. Рукопись написана почерком насталик, пагинация сплошная. Каждая страница содержит по 15 строк. Следует отметить, что на отдельных страницах рукописи имеются лакуны, а также пустуют места некоторых дат. Аяты из Корана, приведенные автором в подкрепление своих мыслей, часто просматриваются с трудом, а иногда и вовсе стертые. Имя переписчика рукописи – Ахмед ибн Хасан ал-Карамани.

Первая книга – Зафарнаме – состоит из 4-х частей (баб), за исключением первой, три последующие части, в свою очередь, подразделяется на 3 главы (фасл) и заключается на 3 главы (хатиме) и охватывает период с 1578 по 1580 год. Она содержит 53 листа (5, л.1б-53б).

В первой части сочинения описывается маршрут продвижения османской армии от Ускюдара до Эрзрума с указанием точных дат, названий местностей и подробным описанием их, отмечается, сколько дней провела армия в этом или ином пункте для отдыха, сбора войск и пополнения запасов армии. Здесь же говорится о прибытии некоторых грузинских меликов с повинными грамотами.

Вторая часть состоит из трех глав, каждая из которых поэтапно повествует о ходе военных действий вплоть до возвращения основного состава османской армии во главе с Мустафа-пашой обратно в Эрзрум. После победы в Чылдырском сражении и взятия ряда крепостей в Грузии, в том числе и Тифлиса, чему посвящены 1-я и 2-я главы второй части, османская армия подошла к границам Ширвана. 3-я глава охватывает весь период пребывания Мустафа-паши в Ширване. В ней рассказывается о сражении при

Коюн-кечиди, взятии османскими войсками Ареша и строительстве здесь крепости, назначении Осман-паши главнокомандующим османских войск в Ширване и выступлении армии в обратный путь.

В третьей части рукописи Рахимизаде повествует о военных действиях, совершенных на территории Ширвана уже после выступления Мустафа-паши в обратный путь, когда завоевателям во главе с главнокомандующим османской армии в Ширване Осман-пашой удалось занять девять городов и крепостей вилайета, а также о контрнаступлении кызылбашской армии во главе с принцем Хамза Мирзой. Третья часть, как и вторая, состоит из трех глав. В 1-ой главе говорится о нападении османских войск на шекинского султана Порталоглу Ахмед-бека, о преследовании сефевидского правителя Ширвана Арас-хана, о взятии Шемахи и попытке кызылбашей отбить город у неприятеля, о сражении у Ареша и гибели Гейтас-бека; во 2-ой – о сражении кызылбашских войск с татарским ханом Адиль Гиреем и пленении последнего, а также об отбытии Осман-паши в Демиркапы (Дербент); в 3-ей – о сражениях, произошедших в 1579 году, после прибытия татарских войск в Демиркапы на помощь Осман-паше.

Четвертая часть сочинения состоит также из трех глав. В 1-ой повествуется о восстановлении крепости Карс; во 2-ой – о походе Хасан-паши, беглярбека Дамаска в Тифлис с целью доставки туда вооружения и продовольствия; в 3-ей главе – о походе беглярбека Анатолии Джафар-паши в Иреван.

Сочинение завершается **Заключением**, в котором Рахимизаде повествует о том, как «счастливый сардар» Мустафа-паша провел зиму в Эрзруме и занялся строительством здесь сильно укрепленной крепости.

Второе сочинение – Гонче, содержащее всего 44 листа (6, л.54а-98б), является поэтическим произведением и посвящено описанию военного похода Осман-паши в Теб-

риз с самого его начала в марте 1585 года до выступления османской армии в обратный путь и кончине Осман-паши в Шамб-и Газан в октябре того же года.

Сочинение особенно ценно тем, что в нем автор отражает сопротивление, оказанное азербайджанскими кызылбашскими племенами по главе с отважным сефевидским принцем Хамза Мирзой, обстоятельно повествует о восьми сражениях, произошедших в ходе оккупации Тебриза.

Третье сочинение – Гянджине – состоит из девяти глав и заключения и охватывает период с 1583 по 1590 гг. Это сочинение в отличие от двух предыдущих включено в каталог, изданный под редакцией Каратая Ф.Е. Он пишет, что Гянджине был написан в Стамбуле в 998 г.х. (1589-1590), содержит 63 листа (7, л.98а-160б) размером 302 мм на 175 мм. Сочинение включает 20 прекрасных миниатюр, исполненных в османском стиле, а страницы украшает позолоченный орнамент (101,с.233).

В первой главе говорится о походе назначенного на пост главнокомандующего османской армией Фархад-паши в Иреван и восстановлении здешней крепости.

Во второй главе – о походе османской армии в Грузию и строительстве укрепленных крепостей в горных проходах Лору и Туманис, являющихся «воротами Грузии».

Третья глава посвящена событиям, связанным с наступлением Фархад-паши на Тебриз с целью оказания помощи находившемуся там турецкому гарнизону. В этой же главе говорится о взятии османами крепости Хамна.

Четвертая глава посвящена походу османов в Гори и покорению Казак-хана, правителя Акчекале, а в *пятой* рассказывается о строительстве крепостей в Гори и Ахыске.

В шестой главе Рахимизаде повествует о завоевании османами Гянджи в 1588 году и строительстве здесь крепости.

О неудавшейся попытке кызылбашского правителя Гянджи Зиядоглу Мухаммеда Гаджара отвоевать вилайет у

неприятеля рассказывается в *седьмой главе*.

Восьмая глава рассказывает о прибытии сефевидского принца сына Хамза Мирзы – Султана Хайдара в Эрзрум. Здесь он был встречен Фархад-пашой и вместе с ним отправился в Стамбул, где должен был содержаться в качестве заложника.

Девятая глава является [описанием] банкета, устроенного Фархад пашой в честь прибытия шахзаде Султана Хайдара.

О прибытии Фархад-паши сефевидского принца в Стамбул и церемонии приема их высшими должностными лицами османского государства говорится в *Заключении*.

Из истории изучения трудов Рахимизаде в историографии. Впервые о Рахимизаде и его трудах упоминает австрийский ученый Франц Бабингер, как мы уже отмечали, в своем библиографическом обзоре османской историографии, изданном в Лейпциге в 1927 году (87,с.110).

Наиболее полно труды Рахимизаде использованы турецкими учеными Кютюкоглу Б.С. и Кырзыоглы М.Ф. в своих исследованиях (104,с.103). В отечественной историографии внимание к творчеству Рахимизаде впервые привлечено в статьях Фарзалиева Ш.Ф. (19,с.76), а также в статье Эфендиева О.А. и Фарзалиева Ш.Ф., посвященной источниковедческой характеристике трудов летописца (86). На исторические факты, описанные Рахимизаде, ссылались Онуллахи С.М. в своей монографии при описании последствий взятия османами Тебриза (25,с.20), а также Мамедов Г. в предисловии к изданным им османским источникам о состоянии Гянджинско-Карабахского беглярбегства (20, с.15).

Транслитерация на латинский алфавит Зафарнаме и Гянджине в неизданном варианте была осуществлена соответственно азербайджанскими специалистами Фарзалибейли Ш.Ф. и Мамедовым (Гараманлы) Г.М.

Таким образом, труд Рахимизаде в той или иной сте-

пени привлекался исследователями, но, по нашему убеждению, будучи ценным первоисточником для изучения истории Азербайджана в последней четверти XVI века, они нуждаются в более основательном и критическом изучении.

ГЛАВА II

ПРИЧИНЫ ОСМАНО-СЕФЕВИДСКОЙ ВОЙНЫ 1578-1590 гг.

Как было отмечено в предыдущей главе, Рахимизаде писал в традициях классической средневековой летописной литературы, далеких от принципов и методологии современной историографической науки. Это значит, что в задачи нашего автора входило не столько объективное отражение исторической действительности, в том числе причин, приведших к развязыванию осmano-сефевидской войны 1578-90-х гг., сколько панегирическое описание подвигов османской армии. Вместе с тем, находясь на службе при дворе султана Мурада III, Рахимизаде, несомненно, был призван выражать официальную идеологическую доктрину Османской империи, согласно которой, турецкие султаны, претендовавшие на халифское звание после поражения, нанесенного мамлюкам султаном Селимом I (1512-1520) в 1517 году и отстранения от власти последнего представителя династии Аббасидов, возложили на себя миссию распространителей и защитников исламской религии, ведения священной войны против неверных и отступников.

В высокопарных выражениях описывая «высокое призвание» турецких султанов, Рахимизаде пишет, что сразу после восшествия на *«счастливый престол и вверения ему освещенного Аллахом венца халифата почтенных отцов и великих предков [султан Мурад III], сам красноречиво заведя разговор о неисчерпаемости хранилища божественной милости и бездонности ларца для [хранения] завоевательных ключей, рассыпая вместо слов чистый жемчуг, начал речь таким образом, что прежние султаны и предшествовавшие хаканы, да смилостивится над ними Все-*

вышний, для того, чтобы быть ближе к порогу истины и добиться милости, не жалели усилий и рвения, ведя газават и джихад... Мне [Мураду III] идущему по пути своих великих предков и благородных отцов, посчастливилось быть благочестивым путником и сподвижником, подкрепляя [свой путь] восхвалениями Аллаха, чтобы, возрождая сунну пророка Аллаха и возвысившись до беседы с Аллахом иметь возможность, когда настанет момент, щедро расходовать свои возможности и усилия до тех пор, пока в этом мире не станет обязательным восхваление богоудных дел, а в потустороннем – щедрое вознаграждение... По причине того, что глава проклятого дворца и предводитель сатанинского войска нечестивый шах Худабенде, да оставит его Всевышний Аллах без помощи в судный день, извратил и подменил религию и унизил и пренебрег очевидным, я принял твердое решение о следующем: исключительно ради возрождения законов Мухаммеда и увековечивания достойных похвалы исламских обычаев Ахмеда, да благословит его Аллах и приветствует, и для исправления положения мусульман и умножения их состояния, меткими дротиками и копьями срубить и удалить его бесстыдное тело, кинжалом и метким выстрелом искоренить с лица земли коварное по своей натуре войско сбившихся с пути распутников» (5, л.6б-7а).

Как видно из пространной речи султана Мурада III, необходимость войны с сефевидами аргументирована сугубо религиозными интересами. Действительно, османосефевидская война 1578-90-х гг., как, впрочем, и прочие военные походы и сражения, происходившие между османами и сефевидами, проводилась под знаменем священной войны – войны «правоверных суннитов с отступниками кызылбашами». Религиозное противостояние, омрачавшее взаимоотношения этих двух государств, порой принимало крайне ожесточенный характер, приводя к неоправданным по своей жестокости акциям как с той, так и с другой сто-

роны (47,с.4-5; 63,с.255; 57,с.82; 79,с.59; 114,с.40; 16,с.129). Но при всей ожесточенности, нельзя согласиться с мнением, к которому склоняются и некоторые современные исследователи (104, с.7; 119,с.243-245; 108,с.26-31), что противоборство этих держав было обусловлено религиозным антогонизмом. Совершенно очевидно, что оно зиждилось на политических амбициях, причем предмет этих амбиций в разные периоды менялся. Так, в начале XVI века политическое и военное столкновение двух государств было обусловлено, главным образом борьбой за земли восточной Анатолии. Поддержанный тюркскими кочевыми племенами, являвшимися хозяевами на большей территории Азербайджана и Ирана, а также Малой Азии (54,с.224; 63,с.252, 255; 79,с.47), шах Исмаил I стремился к созданию большого шиитского государства, «способного объединить в своих границах ряд стран» (60,с.228). Появление такого государства ставило под удар государственные интересы Османской империи по ряду причин. С одной стороны, принадлежность к династии Аккоюнлу по материнской линии формально давало основание шаху Исмаилу I претендовать на право наследования бывших владений этого государства. С другой стороны, в условиях усиления централизаторской политики османских властей и ужесточения социального конфликта в областях Малой Азии стало нарастать шиитско-кызылбашское движение (84,с.94; 59,с.37; 56,с.33-34). В этом смысле характерно, что в противовес официальной религиозной доктрине османов, придерживавшихся одного из суннитских ортодоксальных течений – ханифитского толка, здесь распространялись шиитские учения как своего рода реакция на политику османизации. «Как это обычно бывало в средние века, оппозиция была склонна выступать под мантией религиозного инакомыслия» (109,с.438). Ситуация приняла для Османской империи тем более угрожающий характер, что кызылбашские племена Малой Азии выражали свою приверженность Се-

февидскому государству не только оказанием финансовой, политической или военной поддержки, но и такими акциями социального и политического протеста, как крупные народные восстания, одно за другим вспыхивавшие в различных частях Анатолии (57, с.105-107), массовые исходы населения с территории Османской империи в земли Сефевидского государства (95; 94,с.445; 63,с.252). Все эти факты свидетельствуют, что сефевидская идеология пользовалась сильным влиянием не только в восточной, но и центральной Анатолии (114, с.40).

В свете вышесказанного можно заключить, что шиитско-кызылбашское движение как идеологическая основа кызылбашского государства, сыгравшее консолидирующую, государствообразующую роль для Сефевидов, в той же мере стало дестабилизирующим фактором для Османской империи. Таким образом, чисто политический конфликт принял форму шиитско-суннитской вражды, которая в последующем муслимовалась при каждом обострении сефевидо-османских отношений. Так, при султানে Сулеймане I (1520-1566) с тем, чтобы оправдать законность и богоугодность ведения Османской империей войны против другого тюркского и исламского государства – Сефевидов – тогдашний шейх-уль-ислам Мехмед Эбуссууд Эфенди выдал соответствующую фетву (103,с.280-281). Этой фетвой, состоящей из 5 пунктов, османская сторона руководствовалась и при развязывании войны 1578-90-х гг., поэтому не случайно, что она включена Рахимизаде в заключительную часть Гянджине (7, л.155-158).

Действительные причины обострения сефевидо-османских отношений в последней четверти XVI века вопреки официальной османской пропаганде также лежали в плоскости геополитических и экономических интересов (60, с.201-203; 50,с.184; 16, с.171; 103, с.260; 24).

Известно, что стремление к контролю над основными торговыми караванными путями было одной из глав-

ных, если не главнейшей доминантой в османо-сефевидском соперничестве. Высокая Порта, уже к концу XV века полностью контролировавшая малоазийский участок важнейших торговых путей, в начале следующего века расправившись с мамлюкскими султанами, завладела и истоками древнего т.н. «диагонального пути», который пролегал по маршруту Халеб-Адана-Конья-Акшехир-Каракисар-Кютахья-Бурса и далее к побережью Эгейского моря. Восточную политику султана Селима I продолжил его преемник султан Сулейман I. В результате войны 1533-1535 гг. Османская империя захватила Ирак Арабский, сосредоточив тем самым под своей властью практически все основные сухопутные пути, по которым осуществлялась бесперебойная поставка пряностей и товаров из Индии и других восточных стран в европейские страны. Это состояние было закреплено подписанием Османской империей и государством Сефевидов в 1555 году Амасийского мирного договора, который обеспечил относительно длительный период мира.

Но со второй половины XVI века ситуация стала меняться. Новый назревавший конфликт между османами и сефевидами, который в конечном итоге привел к войне 1578-90-х гг., был обусловлен, более того диктовался политико-экономическими процессами, которые происходили в это время в мире, в частности в странах Западной Европы (57,с.93-94; 50,с.169-171). Зарождающиеся здесь капиталистические отношения приводили к расширению внешнеторговых связей, попыткам нахождения новых путей, связывающих каждый из городов Западной Европы с далекими странами юга и юго-востока Азии (28,с.11). Вступившие на путь капиталистического развития страны Европы вынуждены были изыскивать новые маршруты в обход традиционным. Так, после того, как усилиями английских купцов нуждавшихся в рынках сбыта производимого в этой стране сукна, был открыт северный морской путь через Архан-

гельск, особую актуальность и перспективность приобрел волжско-каспийский путь. Задействование этого торгового маршрута, несомненно, отвечало экономическим и политическим интересам Сефевидского государства, делая возможными сношения с европейскими странами напрямую. Для Османской империи же появление этого маршрута было крайне невыгодным, поскольку означало не только неизбежное сокращение поступлений от торговых пошлин в султанскую казну, но и лишение рычагов давления на сефевидские власти. Ведь до сих пор сефевидские власти вынуждены были осуществлять торговлю шелком, который являлся главной статьёй экспорта в Сефевидском государстве и в сильной степени определял «экономическую основу политической силы» шаха (28,с.21), через территорию Османской империи или подвластных ей владений. При обострении отношений или во время военных конфликтов турецкие султаны санкционировали запрет на провоз шелка через свою территорию. Начало такой практике было положено султаном Селимом I – в качестве одного из орудий войны он наложил запрет на торговлю шелком, перекрыв тем самым основной источник дохода в шахскую казну (100). Коммерческая блокада применялась и впоследствии, причем как на вывоз, так и ввоз товаров. Именно поэтому попытки налаживания прямых торговых контактов между Сефевидским государством и западными странами вызывали у османских властей крайнее недовольство. Так, в 1562 году, когда англичане вели переговоры с шахом об установлении прямого торгового маршрута через Кавказ и Московское государство, османская дипломатическая миссия, находившаяся в то время при дворе азербайджанских правителей в Казвине, дала понять, что ее государство расценит это как знак враждебности (100).

Однако при всей значимости вопроса азиатско-европейской транзитной торговли, он был всего лишь одной из составляющих проблематики сефевидо-османских

отношений в рассматриваемый период. Обострение отношений двух государств в последней четверти XVI века следует рассматривать в контексте сложившейся в регионе международной обстановки, которая характеризовалась на тот момент главным образом политической и военной активизацией Московского государства.

Уже в процессе реализации начатой в правление Ивана Грозного т.н. восточной политики, имевшей целью обеспечение выхода к Каспийскому морю, русские, захватив Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства, пришли в соприкосновение с Османской империей. Завоевание русскими Астрахани означало среди прочего, что путь коммуникации, связывавший Османскую империю с Поволжьем и государствами Средней Азии, отныне был перерезан, потому как «дорога затворилася», и мусульманам, проезжающим по этой дороге для посещения святых мест «насилство и лихо учинилось» (48,с.251-252; 99,с.399-402).

Планы широкомасштабного похода против крымских ханов, появление во второй половине XVI века постоянных русских поселений на Северном Кавказе, расселение казаков у устья Дона, политика привлечения на свою сторону черкесских и кабардинских князей (48,с.239), которых русский царь рассматривал как своих подданных, и в отношении которых «была предпринята обычная в отношении присоединенных к России народов попытка обратить в христианство» (68,с.27-28; 70,с.515), привлечение на свою сторону грузинских князей, а главное стремление Московского государства поставить под свой контроль основной северокавказский путь – все это не только свидетельствовало о появлении в регионе третьей силы с далеко идущими целями в лице Московского государства, но самым серьезным образом подрывало позиции Османской империи в этом регионе. Попытки дипломатического урегулирования конфликта между Московским государством и Османской империей ни к чему не привели. Безуспешной оказался и путь

военного разрешения – Астраханский поход, организованный Османской империей в 1569 году и ставший фактически первым военным столкновением в истории русско-турецких войн, оказался неудачным для османов (67,с.100-159; 66; 57,с.113-114). После него Московское государство стало предпринимать еще более активные действия по распространению своего влияния и дальнейшему продвижению в южном направлении.

Если, захватив Поволжье и не скрывая своих притязаний на северокавказские области, русские проводили политику, враждебную в отношении турок, (поскольку Османская империя претендовала на протекторат над этими областями) (57,с.98), то с сефевидской стороны их связывала до некоторой степени общность интересов (27,с.164). Помимо экономических интересов, связанных с выгодами от налаживания торговли с Московским царством, а через него и с европейскими странами, казвинский двор в отношениях с русскими исходил и из соображений политического характера – взяв под свой контроль северокавказский путь, русские бы преградили дорогу османским и крымским войскам для нападения на Азербайджан с севера.

В стремлении поставить под свой контроль северокавказский путь русские начали в 1567 году строительство крепости на берегу Терека при впадении в него реки Сунжи. Место для строительства было выбрано так, чтобы крепость охраняла перевоз через Сунжу «на пути, который источниками XVI и XVII веков называется обычно османовским шляхом или османовщиной» и откуда шел основной путь в Дербент и на Южный Кавказ. Снесенная в 1571 году под давлением османских властей крепость была восстановлена на прежнем месте в 1577-1578 гг. (48,с.243-244).

Из вышеприведенных фактов можно заключить, что если строительство Терской крепости в 1567 году стало одной из причин астраханского военного похода, то последовавшее ее восстановление во многом предопределило

османо-сефевидскую войну 1578-90 гг. На этот раз, при планировании предстоявшей военной кампании, в Стамбуле делали ставку на завоевание Южного Кавказа, в особенности Ширванского беглярбегства – утвердившись здесь, османские власти рассчитывали отстоять свои позиции на Северном Кавказе, и поставить заслон дальнейшему продвижению русских на юг.

Так, активная реализация Московским государством своей восточной политики, приведшая к столкновению стратегических и экономических интересов трех государств региона – Сефевидского, Московского и Османского – стала одним из решающих факторов, приведших к развязыванию Османской империей в последней четверти XVI войны против Сефевидского государства. Иначе говоря, причины, обусловившие османо-сефевидскую войну 1578-1590-х гг., на наш взгляд, следует рассматривать в контексте взаимоотношений этих трех государств, в целом.

Именно в плоскости этих взаимоотношений и лежит стремление османской стороны разместить в Каспийском море свой военный флот – ведь, захватив все Поволжье, в особенности Астрахань – ключевой город-порт в устье Волги, русские открыли себе путь для распространения своего влияния в бассейне Каспийского моря.

С точки зрения достоверного освещения действительных причин и целей войны 1578-90-х гг. примечательным является письмо тогдашнего садразама Османской империи Соколлу Мехмед-паши, написанное им в июне 1579 г., т.е. уже в самый разгар войны, находившемуся в то время в Дербенте военачальнику османских войск в Ширване Осман-паше. *«В своем письме, - пишет садразам - Вы (Осман паша – Ф.Г.) писали о том, что Демиркапы является редкой крепостью, так что если будут построены штук 20 галер, а снабжение и боеприпасы будут присланы с нашей стороны, то можно будет завоевать вилайеты, [прилегающие] к Бахр-и Кульзум (Каспийскому морю) и впа-*

дающим в него рекам. Фактически главная цель завоевания Ширванского вилайета как раз и заключалась в строительстве достаточного количества победоносных кораблей и завоевании окрестных местностей...» (103, с.434-436; 40,с.139-143).

На обострение сефевидо-османских взаимоотношений существенным образом повлиял и такой значительный фактор, как политика западноевропейских стран, направленная на провоцирование войны между этими государствами. Ведь заключение мирного договора в Амасье дало возможность Османской империи, обеспечив свою безопасность на восточных границах, бросить все свои военные силы против европейских государств. А те, в свою очередь, обратились к своему традиционному союзнику – Сефевидскому государству в надежде поднять его против Турции и разбить ее силы на два фронта. Сефевидо-европейские отношения особенно оживились в период, предшествовавший османо-сефевидской войне 1578-1590 гг., что было вызвано усилением военных действий со стороны Османской империи в Европе (50,с.167-168)

Истинные причины османо-сефевидской войны 1578-1590 гг. не нашли отражения в сочинениях Рахимизаде. И в принципе, было бы наивно ждать этого от средневекового придворного летописца, ставившего во главу угла идеологические и художественные достоинства своего произведения. Но, тем не менее, в данной главе мы попытались вкратце охарактеризовать сложившуюся в регионе в рассматриваемый период международную ситуацию и факторы, приведшие к войне.

ГЛАВА III

ОСМАНО-СЕФЕВИДСКАЯ ВОЙНА

1578-1590 гг.

1. Предвоенная ситуация и начало Восточного похода Лала Мустафа-паши

После подписания Амасийского мирного договора в 1555 году между Османской империей и Сефевидским государством установился относительно длительный период затишья. Судя по историческим фактам, сефевидская сторона была крайне заинтересована в соблюдении условий договора и в своей внешней политике не допускала действий, могущих навредить отношениям с Высокой Портой. Так, к примеру, несмотря на все попытки Венецианской республики, против которой султан Селим II (1566-1574) в 1570 году объявил войну, поднять против Османской империи кызылбашское государство, шах Тахмасиб I (1524-1576), «хорошо знакомый с сущностью западной дипломатии, до конца дней остался верен Амасийскому миру» (90,с.304; 50,с.177-183). О позиции шаха Тахмасиба I по отношению к Османской империи красноречиво свидетельствуют и дипломатические миссии, отправленные сефевидским шахом ко двору султана в 1568 и 1576 годах по случаю восшествия на престол соответственно султана Селима II и султана Мурада III. Несмотря на то, что турецкая сторона даже не направила официального извещения о восшествии на престол султана Мурада III, сефевидский двор снарядил по этому случаю очень внушительную как по составу, так и по ценности преподнесенных подарков делегацию (105), среди которых особое место занимали более 50 томов редких рукописных книг, в том числе и шедевр в искусстве рукописной книги – «Шахнаме», на создание которого ушло 20 лет. Рагимов А.Х. по материалам «Джавахира

ул-ахбар» Будага Мюнши Казвини пишет о том, что в ответ на настойчивые просьбы своего любимого племянника Султана Ибрахима Мирзы отправить вместо книг что-то другое, шах Тахмасиб I заявил, что для него «важнее мир и покой, нежели книга, которую ему не придется прочитать» (26,с.92).

В отличие от сефевидской, османская сторона, исходя из своих стратегических интересов, была настроена воинственно в отношении кызылбашского государства. По данным нашего автора, уже в день восшествия на престол султана Мурада III, которое состоялось 8 рамазана 982 г.х./ 23.12.1574 года, собравшиеся на церемонии высшие придворные чины при обсуждении «положения исламских государств», ставили вопрос «восстановления суннизма» на территориях, отошедших к Сефевидам по договору 1555 года (5, л.9а-9б).

Вместе с тем противником развязывания войны с Сефевидами выступал тогдашний садразам Османской империи Соколлу Мехмед-паша. Пытаясь отговорить султана от этой затеи, он приводил многочисленные аргументы против войны, неоднократно высказывая ему свои опасения по поводу того, что война с Сефевидским государством приведет к огромным расходам и смуте в армии, возрастанию налогов, недовольству населения и т.д., но безуспешно (4, с.34-35; 110,с.257). По этому поводу Рахимизаде, пишет, что после меджлиса, на котором при обсуждении Восточного похода Мурад III выразил свое твердое намерение начать войну, *«он (автор не называет конкретно имени Соколлу Мехмед-паши, но по всей вероятности, здесь речь идет именно о нем) встал на путь ухищрений, чтобы помешать [исполнению] этого важного дела. Однако его возражения, делаемые при каждой аудиенции супротив благородному намерению [султана], не имели успеха. Его величество падишах, осененный защитой феникса, все выше возносился в своих высоких помыслах. Неоднократные повеления о том,*

что «этот важный приказ, без сомнений, является моим (т.е. султана - Ф.Г.) твердым намерением», не оставили ему возможности каким-то образом воспрепятствовать или же обойти их. При обсуждении этого вопроса в высоком присутствии [султана] было признано справедливым, чтобы он сам лично не отправлялся [в поход]... Сардаром [для предстоящего похода) был назначен почтенный советник, устроитель мира и народных дел, старейшина с юношеской бодростью, отважный везир, третий советник [султана] счастливый Мустафа-паша, он с чистой душой принял эту службу, предложенную падишахом...» (5, л.6б-7а).

Изложение автором Зафарнаме в порицающем духе позиции Соколлу Мехмед-паши полностью соответствует тому опальному положению, в котором оказался садразам в последние годы своей жизни, лишившись расположения султана (122,с.19). К тому же Рахимизаде, как мы уже писали выше, был приближенным Лала Мустафа-паши, который в свою очередь, возглавлял оппозиционно настроенный по отношению к Соколлу Мехмед-паше лагерь (121,с.242-243).

Помимо Лала Мустафа-паши, который являлся третьим везирем при дворе султана и прославился как покоритель Кипра, на пост главнокомандующего османской армии в предстоящем военном походе претендовал и четвертый везир – Синан-паша, один из завоевателей Йемена. Будучи непримиримыми конкурентами оба они лелеяли надежду, что победоносная война станет для них трамплином для занятия поста великого везира, тем более что все предвещало скорый уход с этой должности Соколлу Мехмед-паши. Поэтому, чтобы удовлетворить честолюбивые устремления обоих претендентов, поначалу было решено начать наступление в кызылбашские земли с двух направлений – Лала Мустафа-пашу отправить с Эрзрумского направления, а Синан-пашу – багдадского. Однако этот план провалился, поскольку уже в Стамбуле между ними разгорелась вражда. В такой ситуации султан решил назначить

главнокомандующим Мустафа-пашу, а Синан-паша вообще был отстранен от участия в походе (121,с.242-243; 119,с.57-58; 122,с.21).

В ожидании благоприятного момента для развязывания войны, османские власти внимательно следили за ситуацией внутри Сефевидского государства. В письмах, отправленных из Стамбула правителям приграничных областей, предписывалось разузнавать и немедленно извещать центральные власти обо всем, что происходило в кызылбашском государстве. Османские власти были прекрасно осведомлены, что в результате борьбы за престолонаследие и обострения междоусобных распрей, разгоревшихся после смерти шаха Тахмасиба I, кызылбашское государство вконец ослабло. В одном из писем, направленном из Стамбула крымскому хану Мехмед Гирею II с предписанием готовиться к предстоящему походу, среди прочего описывается и внутриваршавская борьба в кызылбашском государстве:

«...Вышеупомянутый безбожник (имеется в виду шах Исмаил II – Ф.Г.) в этот благословенный год в начале славного месяца рамазан (ноябрь 1577) скончался от отравленной еды, а на его несчастный престол взошла его сестра Перихан ханым. Султаны и мирзы, и отмеченные поражением войска разделились на две партии: одна часть склонилась к сыну Мехмед Худабенде по имени Мирза Хамза, находящемуся в Ширазе; другая часть – к сыну Бахрама Мирзы Бедиуззаман, находящемуся в Кандагарском вилайете, желая сделать каждого из них шахом, и между ними возник раскол. Племя Текелю, представляющее собой лучшую часть его войска, и племя Устаджлу перебили друг друга, [что привело] к массовым беспорядкам» (103, с.425-428).

В таких сложных условиях против государственной власти Сефевидов выступили и курдские племена, проживавшие в северо-западной части Азербайджана, и находившиеся в вассальной зависимости от кызылбашей (79,с.147-

148; 65,с.62).

Шараф-хан Бидлиси пишет, что, «*амир ал умара и эмирам Курдистана вышел непререкаемый указ начать разорение азербайджанского вилайета. Повинуясь этому [указу], беглярбек Вана Хусрав-паша вместе с эмирами Курдистана пошел на правителя Хоя Махмуд-бека Румлу, его убил и завладел областью Хоя и Салмаса. Оттуда он послал войско на Урмию, zdeшнего правителя Хусайн-хан-бека Хнуслу захватил, привез в Ван и убил*» (12,с.235).

Таким образом, османская сторона перешла к открыто провокационным действиям.

Неспокойно было и в Ширванском беглярбегстве. Известно, что после упразднения государственности Ширвана в 1538 году сефевидам не удалось полностью сломить сопротивление отдельных представителей ширванской знати (31,с.266-270;79,с.82). Не подлежит сомнению, что сам факт присоединения Ширвана к государству Сефевидов имел прогрессивное значение и сыграл объективно положительную роль в истории азербайджанского народа. Объединение азербайджанских земель в рамках единого государства создало предпосылки для консолидации народа и обеспечения общих условий для политического, экономического, культурного развития страны (13,с.199; 82,с.92). Однако ширванская знать, как пишет Эфендиев О.А., еще долго не могла примириться со свершившимся фактом низложения власти ширваншахов и потерей своих привилегий. Стремление отдельных потомков династии к восстановлению утерянного трона использовалось впоследствии османскими султанами (79,с.82).

Действительно, если проследить политическую ситуацию в Ширванском беглярбегстве после включения последнего в состав кызылбашского государства, то можно заметить прямую зависимость между военными походами османских войск против Сефевидского государства и обострением ситуации в Ширване. Иначе говоря, каждый раз во-

енным кампаниям, осуществляемым османами, предшествовали мятежи в Ширване, организуемые местными сепаратистскими силами при поддержке османских властей (79,с.94; 16,с.110-114). Это было выгодно османской стороне, поскольку, с одной стороны, позволяло создавать угрозу в тылу противника, а с другой, давало основание для придания законности войнам с сефевидами, которые турецкие султаны проводили под флагом защиты и восстановления прав мусульман-суннитов.

Аналогичная ситуация повторилась и накануне войны 1578-1590-х гг. – в Ширване вновь произошло восстание. Абубекр Мирза, сын бывшего правителя Ширвана султана Бурханеддина, находившийся в то время под опекой крымского хана в Бахчисарае и женатый на его сестре, обратился за помощью к турецкому султану, обещав признать вассальную зависимость от Османской империи после изгнания отсюда кызылбашей (79,с.148).

По сути, это обращение и явилось поводом для развязывания османской стороной войны в нарушение существующего мира.

Неспокойно было и в центральных регионах Сефевидского государства из-за происходивших мятежей. Канадский ученый Р.Сэйвори пишет, что в течение первых четырех-пяти лет правления шаха Мухаммеда Худабенде, а именно в сложный период с 1578 по 1582 годы, в стране произошло, по меньшей мере, 4 бунта, совершенные т.н. лже Исмаилами (114, с.463-468).

В условиях сложной внутривосточной ситуации в Сефевидском государстве османское правительство приняло решение о начале «Восточного похода». По случаю начинающегося военного похода 5 апреля 1578 года в султанском дворце был устроен прием с участием видных государственных деятелей, представителей аристократии и военных чинов. «Просвещенный сардар» Лала Мустафа-паша был принят султаном и одарен двумя почетными халатами.

Их встреча, – пишет Рахимизаде, – продолжалась два часа, в течение которых они обсуждали дела предстоящего похода. Здесь на пристани для них было организовано грандиозное пиршество, накрыто более ста столов различными яствами» (5, л.9а-9б). Затем с приветственными речами и напутствиями выступили великий везир, муфтий ислама, улемы, газии и другие государственные деятели. После произнесения молитв во имя «победных завоеваний исламской религии и поражения злосчастных врагов», сардар Лала Мустафа-паша во главе 5 тысяч янычар на 15 кораблях отбыл в Ус-кюдар для подготовки к предстоящей военной кампании. Фактически этот день и стал началом осmano-сефевидской войны 1578-90-х гг. (104, с.45; 16, с.172; 71, с.9).

В Ус-кюдаре армия пробыла в течение 24-х дней, осуществляя мероприятия по подготовке к походу, обеспечению боеприпасов и вооружения. 21 сафара 986 г.х./ 29.4.1578 г., получив приказ султана «немедленно направляться на врага», армия выступила из Ус-кюдара и в тот же день прибыла в пункт Гызыл Ата. Далее Рахимизаде подробно описывает весь маршрут продвижения армии. Поскольку продвижение такой многочисленной армии по одной и той же дороге могло создать большие трудности, было решено часть армии – янычарские войска – отправить по маршруту Болу-Сивас. Перед их выступлением в Изнике был устроен большой банкет, на котором начальники пехотинских войск в подарок от кетхуды получили прекрасные халаты, а янычарам в качестве было выплачено 50 тысяч акче (5, л.9б).

А другая часть армии во главе с Лала Мустафа-пашой, пожелавшем посетить и поклониться святой могиле Джалаледдина Руми, направилась в Конью. На 5-й день пути войска прибыли в Енишехр, где были встречены санджак-беком Бурсы, которому сардар поручил «добросовестно охранять границы своего санджака» (5, л.10а).

Османская армия, прибывшая в Эрзрум 3 августа,

пробыла здесь в течение 20 дней в ожидании подтягивания оставших войск, прибытия новых войск, пополнения припасов и снаряжения, выяснения ситуации в приграничных областях и обсуждения дальнейшего маршрута продвижения. После того, как к армии со своими войсками присоединился давний друг Мустафа-паши Оздемироглу Осман-паша, а также беглярбек Диярбекра – Дервиш-паша, беглярбек Сиваса – Махмуд-паша, беглярбек Мараша – Ахмед-паша (5,л.11а), состоялся диван, на котором было принято решение «о присоединении вилайета Гюрджистан к владениям османов» (5,л.12а). Затем, пройдя по маршруту Эрзрум-Хасанкале-Олту-Басмали-Ардахан, османская армия расположилась на Чылдырской равнине. Назначенный главнокомандующим кызылбашских войск правитель приграничной сефевидской области Чухурсад Токмак-хан Устаджлу пытался преградить путь наступавшему противнику, объединив силы с правителями Карабаха Имамгулу-ханом Гаджаром и Южного Азербайджана Амир-ханом Туркманом (79,с.150). Тот факт, что организация защиты границ Сефевидского государства осуществлялась на уровне региональных правителей и не координировалась непосредственно верховным военным командованием из Казвина, свидетельствует о том, что кызылбашское руководство, возможно, все еще полагало, что действия османской стороны носят характер приграничных инцидентов и не выльются в крупномасштабные военные акции.

Первое сражение между османскими и сефевидскими войсками произошло на Чылдырской равнине с внезапного столкновения сторон. Рахимизаде не указывает даты этого сражения, согласно же Печеву, оно произошло 5-го джумада ал-ахире 986 г.х./9 августа 1578 г. (4, с.32). У Хаммера указывается 6-е джумада ал-ахире 986 г.х. (97,с.162).

По описанию Рахимизаде, сражение началось следующим образом: в то время как османские войска, окружившие здешнюю крепость (по всей вероятности, это кре-

пость Еникале) и подвергавшие ее с четырех сторон пушечному обстрелу, почти сломили сопротивление кызылбашских войск, передовые части османов во главе с Дервиш-пашой выступили вперед на случай появления противника и неожиданно натолкнулись на свыше, чем 50-и тысячное сефевидское войско, возглавляемое правителем Чухурсада Токмак-ханом Устаджлу и правителем Карабаха Имамгулу-ханом Гаджаром. Успех в этом первом сражении первоначально был на стороне сефевидских войск. «Было очевидно, – пишет Рахимизаде, – что «один беглярбек не в силах противостоять такой многочисленной армии», но, тем не менее, Дервиш-паша, не дожидаясь прибытия подкрепления, вступил в бой и стал терпеть поражение (5,л.13 а-13б).

В ходе сражения, пишет автор, со стороны османов погибло много отважных владельцев зеаматов и тимаров, эмиров эялетов, сам Дервиш-паша был сбит с коня. Мустафа-паша, узнав о тяжелом положении своих войск, отправил им на подмогу войска Осман-паши, Бахрам-паши и Ахмед-паши. Под натиском вновь прибывших османских войск кызылбаши потерпели жестокое поражение – в ходе сражения, продолжавшемся до утра следующего дня и сопровождавшемся проливным дождем, погибло свыше 4-х тысяч кызылбашей, более тысячи были пленены, а впоследствии казнены (5,л.14а).

При указании числа жертв сражения большинство летописцев, как правило, верны правилу преуменьшения своих и преувеличивания потерь противника. Так, если Рахимизаде вообще не сообщает о числе потерь с османской стороны, то, к примеру, автор Алемара пишет, что в противовес 1000 кызылбашей в этом бою погибло 2000-3000 османов (79,с.150), а Селяники приводит совершенно неправдоподобные цифры, сообщая о 15-и тысячах погибших с кызылбашской стороны (8, с.147).

Непоследователен Рахимизаде и при указании общего количества участвовавших в сражении войск проти-

востоящих сторон. Не сообщая о числе османских войск, он сильно преувеличил количество кызылбашских войск, видимо с тем, чтобы оправдать первоначальную неудачу османских войск. И в самом деле, по данным сефевидских источников, все азербайджанские войска насчитывали более 50-и тысяч воинов (65,с.65). Однако известно, что в Чылдырском сражении кызылбашские войска были представлены далеко не в полном составе, поскольку из-за междоусобной борьбы кызылбашские эмиры оказались неспособными объединиться и общими усилиями противостоять неприятелю. В частности, правитель Тебриза Амир-хан Туркман по причине вражды, существовавшей «между племенами тркман и устаджлу, в силу которой Амир-хану хотелось, чтобы из них ни одного именитого человека не осталось в живых», так и не прибыл на поле боя (79,с.150; 65,с.64). Эфендиев О.А. указывает, что всего кызылбашские войска насчитывали не более 15 тысяч человек.

Орудж-бек Байат, касаясь причин поражения кызылбашских войск в Чылдырском сражении, пишет о том, что Токмак-хан Устаджлу вступил в бой, поверив ошибочной информации своих лазутчиков о том, что вся османская армия состоит не более чем из 40000 человек, к тому же плохо вооруженных. Но уже в ходе битвы выяснилось, что основные силы османской армии шли «позади, словно скрываясь в засаде». В такой ситуации Токмак-хан начал маневрированное отступление. По мнению Орудж-бека, именно благодаря искусному руководству боем, показанному Токмак-ханом Устаджлу, и своевременному наступлению ночи, под покровом которого кызылбашские войска начали отступление и скрылись в горных проходах, им удалось избежать полного уничтожения (11,с.84).

Разбирая причины поражения кызылбашских войск и сравнительно легкой победы османов, следует отметить и тот факт, что «победа османов была облегчена переходом на их сторону знати многих курдских племен в южных об-

ластях Азербайджана и Армении...» (60,с.271-274). Об их активном участии и гибели в Чылдырском сражении пишет и Рахимизаде: «Многие оджак-беки из эмиров Курдистана, правителей зеаметов и тимаров стали шехидами» (5, л.136).

Уже результаты этого первого сражения выявили неподготовленность сефевидских властей перед лицом наступавшего противника. Как справедливо отмечает Эфендиев О.А., в этот опасный момент кызылбашские предводители не проявили надлежащей выдержки для объединения своих сил и организации отпора (79,с.150).

Победа османских войск при Чылдыре имела очень важное значение – она открыла ворота Грузии для османских войск (104, с.53) и обеспечила фактически беспрепятственное продвижение завоевателей вглубь страны.

Как известно, по Амасийскому мирному договору Грузия была разделена между Османской империей и Сефевидским государством на сферы влияния: Месхетия, Картли и Кахетия подпали под зависимость сефевидов; а Башиачык (Имеретия), Дадиан (Мингрели), и Гурия – османов (42,с.62). Однако такое разделение и зависимость были не столь устойчивыми и постоянными. В особенности, Месхетия переживала сильные внутренние конфликты; хотя Атабек Кейхосров II вначале склонялся к османам, его сыновья Менучехр и Кваркаре приняли покровительство шаха.

По сути дела правители Месхетии и Картли руководствовались принципом приверженности сильной стороне, не случайно на следующий же день после Чылдырского сражения, когда его исход был очевиден к Мустафашапе для изъявления покорности прибыл месхетинский принц – правитель Алтункале Менучехр и его брат Кваркаре. Затем османская армия прибыла во владения мелика Вахтанга и Амилахора – тестя Александр-хана, правителей картлийских областей, которые также изъявили покорность османам. Рахимизаде пишет, что грузинским меликам вме-

нялось в обязанность выплачивать джизью, но при этом он не указывает ее размера (5, л. 14 б-15 б).

После занятия османами Тифлиса для изъявления покорности в лагерь Мустафа-паши прибыл и правитель Кахетии Александр-хан. Вплоть до подхода к границам Ширвана он сопровождал османские войска и обеспечивал провизией (5, л. 17а-17б) и в дальнейшем, в частности, в боях за Шемаху, он со своими войсками будет принимать участие на стороне османов.

В отличие от правителей Месхетии и Кахетии, картлийский царь Симон отказался подчиниться османам, более того он повел партизанскую войну с турками, нанося им ряд чувствительных ударов (79, с. 152).

2. Борьба за Ширван в 1578-1580-х гг.

Покорив Грузию, османская армия 5 раджаба 986 г.х./8 сентября 1578 г. выступила из Тифлиса и на 9-ом переходе подошла к границам Ширвана. Еще раньше, сразу после Чылдырского сражения Лала Мустафа-паша отправил письмо, адресованное Токмак-хану, в котором он сообщал о своих планах завоевания Ширвана и пытался представить это как вынужденное ответное действие на провокации сефевидской стороны, что было далеко от истинного положения дел.

«Мы уважали и сохраняли существующее между нами перемирие... Но гнусные действия той стороны (т.е. кызылбашей), противоречащие существующему миру, спровоцировали нас на завоевание Ширвана, Ирана и Турана вместе с Хорасаном... Знайте, что, уповая на господа бога, я отсюда направляюсь на завоевание Ширвана» (5, л. 15а-15б).

Сефевидское военное командование следило за продвижением османской армии, надеясь отомстить за поражение, нанесенное Токмак-хану Устаджлу в Чылдыре. На

следующий день, т.е. 6 раджаба/ 9 сентября к реке Канык подошли кызылбашские войска во главе с Амир-ханом Туркманом. Вскоре к нему присоединились и другие азербайджанские правители: сын Амир-хана и правитель Мугана – Мурад Султан, правитель Нахчывана Шараф-хан Бидлиси, правитель Караджадага Халифа Ансар, Донбал Хаджи-бек и другие. Кызылбаши разработали план, согласно которому рассчитывали отбить у османов лошадей, верблюдов и других животных. Успешно справившись с первой частью плана, кызылбашское командование дало приказ к наступлению. Кызылбашские отряды, форсировав Куру у переправы Коюн-кечиди, набросились на османов. Тогда по приказу Мустафа-паши лучшие отряды османской армии перешли в контратаку. Переплыв реку Габырры, вышедшую из берегов, османы подвергли сокрушительному удару кызылбашские войска. Разразилось ожесточенное сражение, вскоре с остальными силами и артиллерией в бой вступил Мустафа-паша. Под натиском основных сил османской армии кызылбаши обратились в бегство. Пытаясь переплыть на другой берег, но не найдя место переправы, они бросались в реку где попало.

По данным Рахимизаде, из 20.000 кызылбашских воинов, участвовавших в этом сражении, 10.000 человек потонуло в реке, а 5.000 воинов были разрублены мечами (5, л.186-206). Из кызылбашских беков Донбал Хаджи-бек и Мирза Али-бек были схвачены живыми и впоследствии казнены, а те немногочисленные отряды кызылбашей, которым удалось спастись из этого кровопролитного сражения и благополучно переплыть реку, присоединились к войскам Арас-хана – сефевидского правителя Ширвана.

Рахимизаде не сообщает об участии войск Арас-хана Румлу в битве при Коюн-кечиди, а пишет, что Арас-хан во главе свыше 10.000 войска расположился на берегу реки Канык, выжидая возможность переправиться через нее (5, л.20 б). Фарзалиев А.М. со ссылкой на Нусрет-наме пишет,

что армия Арас-хана подоспела к исходу сражения, когда войска Амир-хана были уже разгромлены (71,с.11).

Это было второе сражение, в котором кызылбашские войска терпели поражение, и если победа османов в Чылдырской битве означала подчинение Грузии (79,с.152; 104,с.53), то победа при Коюн-кечиди открыла им дорогу в Ширван.

Поражение кызылбашских войск было predeterminedено не только их малочисленностью, по сравнению со столысячной армией османов, но также и несогласованностью в действиях кызылбашских войск, из-за которой, в частности, войска Арас-хана так и остались невостребованными в ходе сражения. Превосходство османов в этом сражении было обусловлено имевшимся в их распоряжении артиллерийским вооружением.

Несмотря на военные успехи османской армии, в среде сипахиев и янычар зрели настроения недовольства – войска не желали продолжения военных действий. Наш автор сообщает о случае явного неподчинения и даже мятежа янычар, произошедшего после сражения при Коюн-кечиди, когда воины наотрез отказались переплывать Канык и, ворвавшись в ставку сардара, потребовали от него немедленного возвращения армии назад. А другой очевидец этих событий Асафи Мехмед Челеби, на которого ссылается Кютюкоглу Б., пишет, что янычары даже угрожали пристрелить тех воинов, которые осмелятся наперекор их запрету переплыть на другой берег (104, с.59).

Для обсуждения создавшейся ситуации Мустафа-паше пришлось созвать диван, но ни аргументы военачальников, ни уговоры представителей суннитского населения Ширвана, прибывших, как пишет Рахимизаде, для того, чтобы убедить османов в необходимости продолжения похода, не подействовали на мятежников. В таких условиях сардару ничего другого не оставалось, как со своими верными соратниками переплыть реку и втайне перетащить ту-

да казну и военное снаряжение. Впоследствии за ним последовала и остальная часть армии, но при этом потонуло много воинов. На третий день пути, т.е. 13 раджаба 986 г.х./16 сентября 1578 г. армия прибыла в Ареш, до того несколько раз столкнувшись с преследовавшими их кызылбашскими войсками, но каждый раз одерживая победу над ними (5,л.206-216).

Сунниты Ареша, узнав, что османская армия находится на подходе, взбунтовались. В этих условиях кызылбашские отряды, лишенные всякой поддержки со стороны своей армии, вынуждены были, отбиваясь своими силами, отступить к реке, чтобы через мост переправиться на другой берег. Под наплывом многочисленной толпы мост рухнул. Те, кто находился в этот момент на мосту, упали в воду, а оставшиеся на берегу кызылбаши, не имея возможности переправиться на другой берег реки, были перебиты противником (5,л.216-22а).

Известно, что в ходе военных походов после взятия городов и поселков первостепенной задачей для османского командования являлось восстановление и укрепление местных крепостей, а в случае их отсутствия – строительство новых. В Ареше «издавна не было своей крепости», пишет Рахимизаде, под руководством беглярбеков Дервиш-паши и Осман-паши в течение одной недели была отстроена мощная крепость, «окруженная глубоким рвом, с фортами и башнями, со складами для вооружения». В этой крепости, оснащенной сотней небольших пушек, турки оставили пяти тысячный гарнизон во главе с Гейтас-пашой (5,л.23а; 11,с.90; 12,с.257).

Завоевание Ареша сопровождалось жестокими преследованиями и травлей кызылбашского населения не только со стороны завоевателей, но и со стороны местных суннитов. Как пишет наш летописец, *«каждый мусульманин (имеется в виду суннит) занялся розыском сорхсаров, и если им удавалось схватить какого-либо безбожника... они или*

тут же отрубали ему голову, или же тащили на площадь, чтобы предать публичной казни» (5, л.22а-22б).

В ходе военных действий были нередки случаи такой неоправданной жестокости в отношении своего противника (достаточно вспомнить умерщвление османами тысяч кызылбашских военнопленных, захваченных в Чылдырском сражении). Подобная жестокость тем более поражает, что речь идет о двух братских народах, связанных общими корнями и единым языком. Если беспощадность в отношениях османов и сефевидов, с одной стороны, объяснялась суровым характером средневековых войн, то, с другой, была следствием идеологической вражды. Известно, что успешность всякой военной кампании определяется не только мощностью задействованной военной машины, но в значительной мере той идеологической пропагандой, которая призвана была обосновать цели войны, апеллируя к сознанию и чувствам воинов, поднимать их боевой дух. С этой точки зрения, самым эффективным оружием идеологической борьбы в османо-сефевидских войнах было проповедование религиозной вражды. Объявляя джихад «неверным кызылбашам», османские идеологи убеждали, что война с ними есть богоугодное дело и что, сражаясь и убивая их, они очищают истинную веру, искореняют «сорняки» и «щипы», возникшие на пути ислама. В этом смысле показательными являются речи видных государственных деятелей Османского государства. Так, из речи Лала Мустафа-паши, произнесенной накануне начала похода, становится ясным, что это война является для него не просто долгом службы, а скорее потребностью души: *«Желание отомстить безбожным и бесстыдным врагам избранного чарйара и семейства ал-аба ни на миг не оставляло мою опечаленную душу. Хвала Аллаху, мое искреннее желание и мои помыслы вдохновили меня и внушили душе твердое решение к осуществлению победоносных завоеваний» (5, л.7б).*

Объектом идеологической обработки являлись не

только воины османской армии, но и местное население завоеванных стран. С этой целью в Ширван был назначен «самый образованный человек», известный ученый-богослов, поэт шейх Мевляна Валехи Эфенди. Рахимизаде в возвышенных тонах описывает восторг, охвативший жителей города, когда в Ареше после «произнесения пятничной молитвы и прочтения хутбы в честь августейшего султана», они услышали речи шейха Валехи Эфенди. «Красноречивые аджамцы с наслаждением внимали живительным речам его, [их души] приобретали неопишемую чистоту. В слезах и стенаниях они сокрушались по поводу прожитой жизни, а их любовь к исламской вере возросла вдвойне» (5, л.22б).

Пребывание османской армии в Ширване было отмечено «ежедневными победами и успехами, благодаря чему осуществилось полное завоевание» вилайета. В относительно короткое время завоевателям удалось занять 9 городов и поселков: Ареш, Шемаху, Габалу, Сальян, Шеки, Баку, Дербент, Махмудабад, Шабран (5, л.26а). Такой триумф османской армии в значительной степени объяснялся тем, что в ряде городов имели место восстания суннитского населения, в результате которых еще до прибытия оккупационных войск кызылбашские правители оказывались свергнутыми. Так, кызылбашский правитель Дербента Чыраг Халифа был схвачен восставшими жителями крепости и передан османам. Рахимизаде пишет, что впоследствии его привели к находившемуся в то время в Зардабе Осман-паше, который потребовал от Чыраг Халифы «принятия ислама» (т.е. суннитского толка ислама), но Чыраг Халифа отказался сделать это, и был казнен (5, л.38б).

Несмотря на военные успехи, в османской армии усиливалось недовольство, как среди рядовых солдат, так и среди военачальников. Завоеватели чувствовали себя в завоеванной стране крайне неуверенно, прекрасно понимая, что с наступлением зимы их пребывание в незнакомой стране станет еще более угрожающим.

С этой точки зрения, весьма характерным является тот факт, что среди военачальников османской армии не нашлось почти никого, кто бы согласился на должность правителя и главнокомандующего османскими войсками в Ширване. Для выбора такой кандидатуры Мустафа-паша созвал диван и первоначально предложил этот пост Дервиш-паше и другим «почтенным беглярбекам», но все они отказались. Не возымело действия даже решение сардара о возведении военачальника Ширвана на должность везира, что, кстати говоря, было целесообразным с точки зрения обеспечения более широких полномочий в случае ведения военных действий и привлечения к участию в них правителей соседних областей.

Так, беглярбек Эрзрума Мухаммед-паша, поначалу польстившись на звание везира, и согласившись остаться в Ширване, вскоре поспешил отказаться от своего намерения, решив, что «лучше сейчас признать себя побежденным, нежели потом прослыть предателем». Оказавшись в такой критической ситуации, Мустафа-паше не оставалось иного выхода, как самому остаться в Ширване. Только неожиданное выступление Оздемир-оглу Осман-паши, выразившего желание принять это назначение при условии выделения достаточного количества войск и казны спасло положение (5, л.24а-24б).

Аналогичные трудности вызвало и назначение беглярбека Ареша: под различными предлогами османские военачальники спешили отказаться от этого поста. Так, беглярбек Эрзрума Бахрам-паша сослался на состояние здоровья, а уволенный с поста беглярбека Мараша Ахмед-паша, вспомнив недавнюю обиду, о которой мы говорили выше, сказал: «Облеченные властью не пожелали остаться. Меня же без вины лишили власти. Так, с какой же стати мне предлагаете эту службу». В конце концов, беглярбеком Ареша был назначен бывший санджак-бек Маниса Гейтасбек (5, л.25а-25б).

Завершив дела по организации обороны Ширвана, Мустафа-паша с основной частью османских войск выступил в обратный путь. «Кроме владельцев тимаров и капыкулларов для охраны области записалось 5600 кулкарындаши» (5,л.26а). Войска кулкарындаши набирались в янычарский корпус из местного населения завоеванных стран после прохождения определенной службы в крепостях и на границах. Этот вид войск в османской армии возник в конце XVI века и был вызван возросшей потребностью в войсках (112.1,с.317).

В своих планах по завоеванию Ширвана османское правительство определенную ставку делало на поддержку и военную помощь соседних с Ширваном северокавказских областей. Известно, что в конце 1577 – начале 1578 гг. османский двор направил письма дагестанским правителям, в которых предлагал им признать сюзеринетет султана и выступить против Сефевидов, при этом обещая им «щедрое вознаграждение за их верную службу» (104, с.41). Письма были направлены конкретно правителям Аварии, Кайтага, Кумуха, Табасарана и Шахрух Мирзе из рода ширваншахов (2.1, с.41-42; 76,с.106).

Политика привлечения их на свою сторону принесла свои плоды: еще до выступления из Эрзрума Мустафа-паша получил ответные послания этих правителей.

В частности, Амир Шамхал, правитель Кайтага и Кумуха в своем письме сообщал, что 30.000 дагестанских храбрецов ожидают приказа, чтобы на стороне османской армии выступить против кызылбашей. И, в действительности, он сдержит свое обещание и в дальнейшем, в частности, в боях за Шемаху, будет сражаться на стороне османских войск, что подтверждается и данными нашего источника (5,л.31б).

А пока, узнав о следовании османской армии в Грузию и остановке в местечке Султанджик, Амир Шамхал, которого Рахимизаде называет «самым могущественным из

дагестанских беков», прервал свой поход против «неверных черкесов» и прибыл на встречу с Мустафа-пашой. Заручившись обещанием Амир Шамхала «оказывать поддержку достойному Осман-паше», Мустафа-паша, пишет Рахимизаде, «мог более не тревожиться об охране вилайета». За свою преданность «величественному падишаху» он получил в качестве лива область Шабран, его же племянник – санджак Ахты Ширванского вилайета (5,л.266). Этот факт свидетельствует о том, что завоеватели уже считали весь Ширван владением Османской империи, по своему усмотрению распределяя его области. Это выражалось и в применении здесь форм административно-территориального деления Османского государства.

Из других источников известно, что османские войска на обратном пути из Ширвана в Эрзрум подвергались нападениям объединенных сил Имамгулу-хана, правителя Карабаха и восточно-грузинского (картлийского) царя Симона (11,с.91; 12,с.258).

Грузины, узнав маршрут продвижения османской армии, перекрыли мосты на Куре. Это создало большие трудности при переправе и стало причиной гибели в значительном количестве людей и скота (104,с.68). Эфендиев О.А. со ссылкой на данные Искендера Мюнши пишет, что было убито около 20-и тысяч османов, захвачены богатые трофеи (79,с.156). Однако в изложении Рахимизаде мы не находим конкретной информации об этих событиях. Наш автор лишь вскользь упоминает об *«упрямцах, ступивших на путь неповиновения»* и о том, что они были преданы мечу, а все «трудности, которые встретились на пути, и все горести и страдания» он приписывает наступившим холодам (5,л.27а).

Находясь в Эрзруме, Мустафа-паша получил указ султана о необходимости восстановления Карской крепости и заселения города (5, л.44а). Карс, который в свое время входил в число владений Каракоюнлу, оказал ожесточенное

сопротивление эмиру Тимуру и был им фактически сровнен с землей осенью 1386 года. В 1548 году в ходе третьего похода султана Сулеймана I в Азербайджан османская сторона предприняла попытку восстановления здесь крепости, но безуспешно. Внезапной атакой старший сын шаха Тахмасиба I Исмаил Мирза сорвал намерение османских властей и разрушил строившуюся крепость (79,с.87-88; 103,с.246,256). По Амасийскому договору 1555 года область Карса была признана демилитаризованной зоной (79,с.150). Однако османские власти были намерены превратить этот город в военную базу для будущих походов против Сефевидов, и поэтому весной 1579 года Мустафа-паша получил приказ из Стамбула выступить в Карс. В сопровождении беглярбека Анадолу Джафар-паши, которому было поручено «во главе войск с подвластных ему эялетов незамедлительно явиться на службу ознаменованного счастьем сардара», Мустафа-паша в новолуние месяца джумадуль-аввал 987 г.х./25 июня 1579 г. в нарушение существовавшего договора вошел в Карс. *«В предвечернее время того же дня достойный везир вместе с великодушным мирмираном [беглярбеком Анадолу Джафар-пашой –Ф.Г.] поскакал к крепости, чтобы выявить места, подлежащие ремонту. Он лично сам выбрал места для своих кетхудаев и кулларов – ворота, что напротив киблы, с одной величественной как гора башней и тремя [возведенными] рядом мощными башнями. Чтобы воодушевить исламские войска на службу султану, [Мустафа-паша) на собственном... снаряжении трижды завозил камень и 4-5 раз земли». А Джафар-паше был поручен ремонт цитадели – наринкале (5,л.44б-45а). Строительство, в которое были вовлечены 7 беглярбеков со своими войсками, шло и в ночное время при свете факелов и завершилось, по сообщению Рахимизаде в течение месяца (5,л.45б-48а). Помимо крепостных ворот с тремя воротами и цитадели, в городе были построены 5 мечетей, 2 бани, здание медресе, казарма для янычаров на 1000 человек, два моста, вакуфные*

дома и прочие объекты (102, с.359).

После отбытия основных сил османской армии в обратный путь вся работа, связанная с удержанием завоеванных земель в Ширване и организацией отпора кызылбашским войскам, говоря словами Рахимизаде, «обрушилась на голову» Осман-паши. Последний прекрасно понимал, что кызылбаши не смирятся с потерей такого важного региона, как Ширван и предпримут все для того, чтобы отвоевать захваченные земли, и поэтому, исходя из правила, что «нападение есть лучшая форма обороны», решил первым перейти в наступление. Для начала было решено напасть на одного из гянджинских беков Порталоглу Ахмеда. Если, с одной стороны, Осман-паша расценивал это как тренировочный рейд, с тем, чтобы его войска «испытали себя в схватке с врагом», то с другой стороны, завладение состоянием Порталоглу пришлось бы как нельзя кстати, учитывая то обстоятельство, что из того количества войск и казны, что было обещано Осман-паше Мустафа-пашой, в Ширване не было оставлено даже 1/10 части (5, л.27б). Рахимизаде не указывает конкретного количества оставленного в Ширване вооружения. По этому поводу Фарзалиев А.М. по данным Мустафа Али Эфенди пишет, что оно насчитывало 66 пушек и 180 ящиков боеприпасов и вооружения (71, с.12).

Таким образом, построив понтонный мост и перейдя на другой берег Куры, османские войска во главе с Гейтас-пашой, османским правителем Ареша, завладели имуществом Порталоглу Ахмеда. Хотя Рахимизаде и пишет, что кызылбаши, узнавшие о наступлении османов, «бежали вместе со своими семьями», он тут же противоречит себе, сообщая, что с «оставшимися воинами произошло сражение, в результате которого [османам] удалось захватить достаточное количество трофеев» и с победой присоединиться к ожидавшему их на берегу Куры Осман-паше (5, л.28а).

Вдохновленный этой победой, Осман-паша перешел

к дальнейшим действиям. Для того чтобы укрепиться в Ширване и обезопасить свое положение, Осман-паше, в первую очередь, необходимо было расправиться с кызылбашским правителем Ширвана Арас-ханом Румлу. Оказавшись перед лицом многократно превосходивших сил врага, Арас-хан еще до вступления в Шемаху османских войск оставил город и расположился на южном берегу Куры в Сальяне. Совместно с Эрдогду-ханом он планировал начать наступление против завоевателей, но Осман-паша опередил его, отправив на его разгром «некоторое количество кулкардаши и 200-300 человек из числа капыкулларов во главе с сол улуфеджи баши Хуррам-агой» (5, л. 28а). Из вышесказанного видно, что приведенные Рахимизаде данные относительно количества войск, участвовавших в этом сражении с обеих сторон, весьма неопределенны.

Противники, столкнувшись ночью, ввязались в бой, и уже к утру исход сражения был ясен – османы были разгромлены. Рахимизаде конкретно не указывает потерь османских воинов, отмечая только, что «погибло значительное количество воинов ислама». Со стороны же кызылбашей погибло 300 человек. Когда об этом стало известно Осман-паше, который находился в то время в Ареше и готовился к выступлению на Шемаху, он изменил своим планам и лично направился против Арас-хана.

По прибытии в Зардаб Осман-паша встретился со старейшинами города, которые предупредили его о том, что впереди дорога на протяжении 5-6 конаков полностью опустошена, население разбежалось, так что прежде, чем продолжить путь, говорили они, следует запастись всем необходимым (5, л. 28 б-29а).

Очевидно, кызылбаши использовали один из традиционных приемов, применявшихся против захватчиков и сводившийся к «предварительным разрушениям и опустошениям в районах предположительного движения осман-

ских войск», а также к «прекращению всякого доступа продовольствия и фуража» неприятелю (65,с.50).

Перспектива оказаться «во вражеском плену из-за голода» заставила Осман-пашу отказаться от своего намерения и направиться в Шемаху, тем более что стало известно о скором прибытии татарских войск во главе с Адиль Гирей-ханом – для османов было предпочтительным дожидаться их и вместе выступить против Арас-хана (79,с.154-155).

Известно, что согласно плану турецкого военного командования завоевание Ширвана должно было осуществиться при одновременном нашествии османской армии с восточного направления и войск крымских татар с северного. Так, в послании султана, направленном крымскому хану Мухаммед Гирей-хану 26 ноября 1578 года, после перечисления причин, вызвавших необходимость войны, предписывалось весной выступить походом в Азербайджан, или же направить калгаю Гирея. Мустафа-паша должен был посредством своей агентуры следить за продвижением татарских войск и обеспечить совместные действия (104,с.81; 103,с.428).

Было также поручено, чтобы в походе участвовал один из беков Кафы или Азака (Азова). Для предстоявшего похода по просьбе хана в помощь татарским войскам из Стамбула были отправлены 500 вооруженных винтовками янычаров, 5 пушек – шахи-зарбзаны*, 8 – ключок зарбзаны, 100 винтовок, 1000 кантаров** пороха и прочих боеприпасов (104, с.82).

Однако все сложилось несколько иначе, чем предполагал Осман-паша: на рассвете неожиданно появилась 20.000-ая армия, предводительствуемая Арас-ханом и окружила город. Первыми кызылбашей встретили передовые

* См. примечание 51.

** Кантар – мера веса.

отряды во главе с Ибрахим-беком, сыном Халваджи Мустафа-паши. Османы открыли огонь по наступавшим кызылбашам более чем из 50-и пушек (5, л.296-30а; 104,с.81).

Тем временем на помощь османам подросли войска Шамхал-хана и Александр-хана. Ожесточенные бои между противниками разгорелись за овладение горной высотой, переходившей из рук в руки, и только с наступлением вечера был дан сигнал к спокойствию и стороны разошлись. В ходе этих боев, пишет Рахимизаде, со стороны кызылбашей погибло 800 человек, в их числе был и сын Эрдогду Султана, данные же относительно потерь османских войск у Рахимизаде весьма противоречивы. Поскольку большинство воинов ислама были пешими, многие из них пали шехидами, – пишет автор, но тут же отмечает, что всего со стороны османов погибло «19 отважных борцов» (5, л.30а-30б).

В то время как войска Арас-хана героически сражались за Шемаху, другая часть кызылбашских войск во главе с Имамгулу-ханом перейдя Куру, напала на Ареш. На рассвете второго дня битвы под Шемахой к Осман-паше прибыл гонец от Гейтас-паши, османского правителя Ареша. Он сообщил, что на Ареш наступает 10.000-ая сефевидская армия и если им не будет оказана помощь, то своими силами они не смогут отразить это наступление. И в действительности, в сражении у Ареша османы потерпели полный разгром. Главную причину этого поражения Рахимизаде видит в неправильной организации обороны и неумелости самого Гейтас-паши, не сумевшего должным образом воспользоваться артиллерией и войсками, которые были в его распоряжении. Однако победа кызылбашских войск в Ареше стала возможной не только, или даже не столько из-за неумелости Гейтас-паши, сколько благодаря военному таланту Имамгулу-хана, хотя Рахимизаде в данном эпизоде не упоминает даже его имени. Рассчитав, что османский гарнизон Арешской крепости имел на вооружении большое количество пушек, что делало невыгодным для кызылбашей

сражение у стен города, Имамгулу-хан сумел выманить Гейтас-пашу из крепости. Поддавшись на хитроумный план, Гейтас-паша вместе со своим отрядом в количестве 200-300 воинов выступил из крепости, чтобы преследовать якобы убежавшего противника и попал в засаду. «Оказавшись в окружении противника и не имея возможности повернуть назад, они были разрублены вражескими мечами». По приказу Осман-паши куллар-агасы Ширвана Хамид-ага во главе 700 воинов вместе с правителем Хасанкале во главе 300 воинов немедленно выступивший в направлении Ареша, прибыл сюда в самый разгар сражения (5, л.306-316). По данным Кютюкоглу, Осман-паша отправил в Ареш кулларов Шемахи и сипахиев в количестве 1000 человек (104, с.80). Оба они, как и Гейтас-паша, погибли в ходе кровопролитного сражения, Абдуррахман-бек попал в засаду и был пленен, а оставшихся в живых османских воинов добивали жители вилайета.

Известие о разгроме Гейтас-паши и взятии кызылбашами Ареша дошло до Осман-паши в ходе сражения за Шемаху. Осман-паша прекрасно понимал, что в столь тяжелый момент это горькое сообщение может сломить моральный дух его войск, находившихся в окружении войск Арасхана, и стать причиной окончательного разгрома османских войск в Ширване. Поэтому он решил, что в создавшейся ситуации будет лучше скрыть это известие и продолжить битву за город.

Наш летописец подробно описывает построение османской и кызылбашской армий и отмечает, что на стороне османов воевали правители Дагестана Шамхал-хан, правители Агдаша и Грузии, а также аталык Адиль Гирея – Мухаммед-бек, прибывший раньше основного состава татарских войск. Что же касается данных относительно состава кызылбашской армии, насчитывающей, по данным Рахимизаде более 20.000 воинов, а именно сообщение Рахимизаде о присутствии здесь в первый же день сражения Имамгулу-

хана и Порталоглу Пиргули, то, на наш взгляд, эти данные сомнительны. Данные о том, что Имамгулу-хан возглавлял поход в Ареш, имеются в ряде источников (4,с.51;104,с.79). Вероятней всего, что войска Имамгулу-хана и Порталоглу присоединились к армии Арас-хана несколько позднее, под конец Шемахинского сражения.

Ожесточенный бой за Шемаху, как сообщают источники, продолжался между османами и кызылбаши в течение 3 дней. Кызылбаши во главе с Арас-ханом предпринимали героические усилия для овладения Шемахой и им практически удалось сломить сопротивление противника настолько, что османы «осознав свое поражение, впали в отчаяние» (5,л.33а; 79,с.159). Победа, несомненно, была бы на стороне сефевидских войск, но неожиданное появление на третий день сражения передовых отрядов 15-и тысячного татарского войска во главе с Адиль Гирей-ханом полностью изменило положение. Свежие силы крымских татар во главе с Адиль Гиреем, Гази Гиреем и Саадат Гиреем не только спасли османов от неминуемого поражения, но разгромили изнуренных многодневной битвой кызылбашей (5, л.32а-32б).

Эфендиев О.А., описывая это сражение, пишет, что Арас-хан отверг уговоры некоторых эмиров попытаться пробиться через вражеское кольцо и вернуться на южный берег Куры – он не мог примириться с мыслью о бегстве. Будучи окружены османскими войсками и крымскими татарами, а также лезгинами, караберками и ширванскими повстанцами, возглавляемыми Абубекром Мирзой, Арас-хан и кызылбаши проявили непоколебимую стойкость, бросив дерзкий вызов смерти (79,с.159). Но, в конце концов, их сопротивление было сломлено. Сефевиды потерпели в этом сражении жестокое поражение.

Отвагу Арас-хана в этом бою отмечает и наш летописец: «Их (т.е. сефевидов – Ф.Г.) сардар Арас-хан, отмеченный знаком неустрашимости и его сын Деде-хан были

взяты живыми, а впоследствии казнены» (5, л.32а-32б). По данным Зафарнаме, были казнены и многие другие кызылбашские эмиры: Имамгулу-хан, Мирза Али Султан и Гусейн-хан Султан, правители Тура – Баба Халиф и Гиляна – Сейид Амир Султан (5, л.32б). А автор Тарих-и Селяники сообщает, что была найдена лошадь Имамгулу-хана, а сам он вместе с братом Левенда – Иса-ханом и принцем Хамза Мирзой, также участвовавшими в этом сражении, сбежал и потонул при переплытии реки (8,с.150). Но ни сообщение Рахимизаде о казни Имамгулу-хана, ни сообщение Селяники о его гибели при переплытии реки не соответствуют действительности, поскольку известно, что Имамгулу-хан возглавлял кызылбашские войска в т.н. «Факельном сражении» (Məşəl savaşı), произошедшем 8 мая 1583 г., участвовал в боях за Тебриз (79,с.181,195; 104, с.94,127,157; 122,с.22).

Вместе с тем, кызылбашская сторона понесла в этой битве огромные потери. По данным Рахимизаде, из более чем 20.000 воинов удалось спастись всего 1000 воинов (5, л.32б). Эта цифра близка и к сообщению Кютюкоглу, который, по данным османских источников пишет, что число погибших с кызылбашской стороны насчитывало около 8000, примерно столько же было раненых и пропавших (104,с.83).

Следует отметить, что наш автор не указывает дат сражений ни при Ареше, ни при Шемахе. Согласно Селяники, Шемахинское сражение началось 17 рамазана 986 г.х./17 ноября 1578 г. (8, с.150), а Кютюкоглу указывает более раннюю дату – 9 рамазана 986 г.х./9 ноября 1578 г. (104,с.85-86). Он также отмечает, что вечером первого дня сражения за Шемаху стало известно о наступлении кызылбашских войск на Ареш, т.е. оба сражения происходили примерно в одно и то же время, или с разницей в один день. Если это так, то это подтверждает наше предположение о том, что войска Имамгулу-хана и Порталоглу Ахмеда могли доб-

ратся до Шемахи только лишь к исходу произошедшего здесь сражения.

После шемахинского сражения татарское войско во главе с Адиль Гирей-ханом вместе с добровольцами из Диярбекара во главе с Пияле-беком отправились в сторону Сальян на захват имущества Арас-хана, оставленного им на южном берегу Куры. Внезапно налетев на кызылбашский лагерь, татары перебили много людей, остальных захватили в плен, было захвачено несметное количество трофеев (5, л.33а- 33б).

Известно, что после завоевания османами Ширвана сефевидский двор, не заинтересованный в войне с Османской империей, тем более в условиях сложной внутриполитической ситуации, пытался урегулировать ситуацию мирным путем, настаивая на соблюдении условий Амасийского договора (79, с.157; 16, с.146). Но, поскольку эти попытки оказались безуспешными, оставался единственный выход – мобилизовав все силы, осуществить военный поход против османов.

80.000-ая объединенная сефевидская армия во главе с принцем Хамза Мирзой и везирем Мирза Салманом, переправившись через понтонный мост на Куру 26 рамазана 986 г.х./26 ноября 1578 г. подошла к Шемахе (5, л.33 б). Сообщения османских источников о численности сефевидской армии разнятся от 50.000 до 100.000 человек (104, с.84). Окружив город со всех сторон, кызылбашские войска начали наступление с верхней части города, со стороны крепости Гюлистан. Сломив сопротивление османов, они уже в первый же день ворвались в город, «занимая участок за участком». Сражение вылилось в уличные бои, продолжавшиеся до самого утра (5, л.34а-34б).

На следующий день кызылбаши начали атаку с нижних районов города. Им удалось почти полностью занять рыночную площадь – против них был отправлен сын Халваджи Мустафа-паши Ибрахим-бек во главе 2000 янычар,

капыкулларов и кулларов из Эрзрума (5, л.35а-35б).

Мы уже отмечали, что для Рахимизаде характерен тенденциозный, односторонний взгляд на происходящие события. Весьма отчетливо это проявляется, в частности, при описании боев за Шемаху, когда автор всячески пытается оправдать, а если возможно объяснить неудачу османской стороны. Так, если в первый день боев успехи кызылбашской армии были связаны, по мнению автора, с внезапностью появления, когда «расквратированные воины победоносной армии не имели возможности объединиться и связаться друг с другом», то на следующий день кызылбаши прибегли к хитрости, ведь «здесь и хитрость считается героизмом». Они заполнили рыночную площадь под видом «торговцами» (5, л.35а-35б).

Неправдоподобны данные о числе потерь среди кызылбашских войск: умолчав о потерях османских войск, Рахимизаде пишет, что жертвы кызылбашей в первый день боев составили 5000 человек, а во второй – 1500 (5, л.34 б-35 б).

Вопреки утверждению Рахимизаде о внезапности появления кызылбашских войск, в действительности, Осман-паше стало известно об их наступлении заблаговременно, так что он даже успел «один за другим послать несколько гонцов к Адиль Гирею» с требованием оставить где-нибудь награбленное богатство и поспешить им на выручку. Об этом стало известно кызылбашскому командованию, решившему снять осаду с Шемахи и отправить войска навстречу крымским татарам, чтобы не оказаться зажатыми с двух сторон.

Сражение произошло в местечке Моллахасан, на берегу реки Аксу, 28 рамазана 986 г.х./28 ноября 1578 г. (79, с.161). Первыми в бой вступили передовые отряды противостоящих сторон. Несмотря на предупреждения Осман-паши, Адиль Гирей-хан не предпринял никаких мер с целью подготовки к предстоящему сражению – «надменное татарское войско», опьяненное победой и количеством награб-

ленного богатства, двигалось в беспорядочном состоянии, предаваясь увеселениям и развлечениям. В таком состоянии татары не сумели сдержать натиск все прибывающих кызылбашских войск и, несмотря на личный героизм Адиль Гирей-хана, «ринувшегося в бой как разъяренный лев», сражение закончилось разгромом татарских войск. Сам Адиль Гирей-хан, как и Пияле-бек, назначенный правителем Ареша после гибели Гейтас-бека, был пленен (5, л.35б-36б). Кызылбаши вернули и все награбленное татарами богатство, принадлежавшее племени Румлу.

Как видно, после завоевания османами Ширвана, их пребывание здесь отнюдь не было спокойным. Поражение, нанесенное кызылбашскими войсками Гейтас-беку и взятие Ареша, кровопролитное сражение под Шемахой с участием войск Арас-хана Румлу, повторная осада Шемахи в результате наступления кызылбашской армии во главе с везирем Салман Мирзой и, наконец, разгром татарского войска и пленение Адиль Гирей-хана – все эти события, несомненно, сильно измотали самих завоевателей. Войска Осман-паши находились в крайне подавленном состоянии. Чтобы хоть как-то поддержать моральный дух своих воинов, Осман-паше даже пришлось прибегнуть к хитрости: скрыв известие о действительном исходе сражения между кызылбашскими и татарскими войсками, он объявил о победе татар, по случаю которой были произведены выстрелы из пушек, а на шести были надеты отрубленные кызылбашские головы (104,с.91). Однако с распространением правдивой информации о случившемся и под угрозой того, что кызылбаши вновь вернутся в Шемаху, османы, «и без того пребывающие в страхе, пришли в полное смятение». Об этом свидетельствует и тот факт, что началось массовое дезертирование османских воинов (5,л.37а). Сначала дезертировал дефтердар эрзрумского тимара Узун Хызр с отрядом в количестве 400-500 человек. Вслед за ним, «идя по пути заблуждений, один за другим» дезертировали «некий Бекр из

Эрзрума и 100 его злосчастных сторонников, и кетхуда эрзрумских чавушей Челебверди со своими беспутными друзьями». Всего число дезертиров насчитывало 2000-3000 человек (5, л.36б-37а). Это сильно подорвало моральный дух войск Осман-паши – в таких условиях по требованию своих эмиров он вынужден был оставить Шемаху и укрыться в Дербенте. Этот город привлекал османов не только своей неприступной крепостью, но и тем, что османы рассчитывали на помощь местного суннитского населения, а также дагестанских правителей, в особенности, Амира Шамхала.

Предварительно в Дербент были направлены 100 воинов с вооружением и боеприпасами, а основная часть войск, согласно Рахимизаде, выступила из Шемахи в праздничный день 10-го зилхиджа 986 г.х. (имеется в виду праздник Гурбан байрамы) (5, л.38а). Однако если принять к сведению, что описываемые события происходили в месяце рамазан, то совершенно очевидно, что эта дата является ошибочной. Вероятней всего, что османские войска выступили из Шемахи в праздничный день Рамазан байрама, т.е. 1-го шевваля 986 г.х. / 1-го декабря 1578 г. По сообщению автора, в это время стояли сильные морозы, в результате которых погибло «столько людей, сколько не погибло за все время с начала иранского похода», а оставшиеся в живых сумели добраться до Дербента лишь за 12 дней.

Привлекает внимание тот факт, что если раньше, при вступлении османов в Ширван, население Дербента выступило против власти сефевидов, истребив «всех кызылбашей, находившихся в крепости, и посадив в темницу тогдашнего правителя Дербента Чыраг Халифу» (5, л.38 б), то сейчас, когда им стало известно о победах кызылбашских войск в Ширване, они выдворили из крепости прибывших ранее османов вместе с их комендантом, а сами хорошо укрепились в ней, не желая впускать османские войска (5, л.38 б-39а; 79,с.155; 104,с.92; 65,с.107)

Осман-паша, узнав о том, что жители города взбун-

товались по подстрекательству «некоторых упрямец из Дагестана», отобрал 500-600 хабрецов и поспешно направился к воротам крепости. С большим трудом, прибегая к различным средствам, «то к чрезмерной лесте, а то к безумному насилию», Осман-паша сумел все же войти в крепость. Наказав «непокорную и непослушную» часть неселения, османы «очистили Дербент от всех упрямец» (5, л.39б).

С прибытием в Дербент страдания и лишения, выпавшие на долю османов, не закончились – они пережили тяжелейшую зиму, в ходе которой ежедневно от голода и холода гибли десятки людей и животных, а дороговизна была такая, что «за дорогого коня стоимостью в 100 золотых давали 3-4 буханки хлеба» (5, л.39б-40а).

Как видно из материалов Зафарнаме и других источников, наступление османской армии на Азербайджан застало врасплох Сефевидское государство. Первоначально кызылбашские племена оказались перед необходимостью самостоятельно разрозненными силами противостоять превосходившим силам османской армии. Несогласованность и несплоченность в их действиях, отсутствие единого командования, а также некоторые случаи участия суннитов Ширвана на стороне противника стали причиной поражения кызылбашских войск в ряде сражений. Но ситуация изменилась, когда сефевидское командование сумело мобилизовать силы и, создав армию во главе с принцем Хайдар Мирзой и везирем Мирзой Салманом, организовать контр-наступление. Кызылбашским войскам удалось не только добиться определенного перевеса в ходе военных действий, но и выдворить Осман-пашу из Шемахи.

Османские войска оказались в крайне тяжелом положении. Если бы кызылбашские войска не успокоились на достигнутом успехе, а продолжили преследование противника, то вероятней всего, добились бы окончательного его разгрома и изгнания из страны. Однако вопреки указаниям шахской ставки военные действия были прекращены и

Мирза Салман, поручив управление Ширваном Мухаммед-гулу Зулькадару, вернулся в Тебриз (32,с.105; 79,с.162). При этом, практически овладев Ширваном, сефевидское командование не предприняло действенных мер с тем, чтобы укрепить обороноспособность отвоеванных земель, а пыталось дипломатическим путем положить конец войне на условиях Амасийского договора. При дворе же султана, как свидетельствуют материалы Зафарнаме и других синхронных источников, не были заинтересованы в прекращении войны, во всяком случае, на тех условиях, которые выдвигались сефевидами, хотя наступившее на военных полях временное затишье на тот момент было на руку османской стороне. Осознавая всю уязвимость своих войск в Дербенте, а также неспособность османской армии в условиях зимы, да еще после изнурительного похода вновь участвовать в военных действиях, турецкое военное командование само «подыгрывало» дипломатическим усилиям сефевидской стороны.

Так, Лала Мустафа-паша, сообщает Рахимизаде, якобы, откладывал новый поход в земли Сефевидского государства в ожидании прибытия посла от Токмак-хана Устаджлу. Но этот посол, несмотря на неоднократные заверения сефевидской стороны так и не прибыл, пишет наш автор (5, л.51а). При этом он не сообщает, что истинная причина этого заключалась в том, что посол Вели-бек Устаджлу, отправленный с письмом в Карс, был задержан на границе самими османскими властями (79,с.177; 104,с.105-106).

Одновременно казвинский двор, используя пленение Адиль Гирей-хана, рассчитывал наладить отношения с крымскими ханами с тем, чтобы в будущем застраховать страну от их нашествий. Источники сообщают, что с Адиль Гиреем в казвинском дворе обходились благородно, и что намерением шаха Мухаммеда Худабенде «было выдать замуж за него одну из своих дочерей и этим династическим родством установить дружественные отношения между пер-

сидскими (сефевидскими – Ф.Г.) подданными и татарским народом» (11,с.93; 32,с.104). Кютюкоглу сообщает, что шах лично направил хану письмо, в котором обещал отпустить Адиль Гирея, если к сефевидскому двору прибудет делегация из авторитетных лиц (104,с.98). Но инициатива сефевидского двора не принесла положительного результата. Крымский хан, сохраняя верность союзническим отношениям с османским двором, переслал письмо шаха султану. В ответном послании из Стамбула, где в это время вынашивался план нового вторжения в Ширван, султан призывал Мухаммед Гирея отомстить кызылбашам за своего брата Адиль Гирея. Ему предписывалось с наступлением весны готовиться к новому походу в Ширван, а затем, соединившись с армией Лала Мустафа-паши, выступить походом в Южный Азербайджан. Мухаммед Гирей-хан исполнил приказ султана, но с некоторым опозданием: 80.000-ая армия крымских татар прибыла в Ширван лишь осенью, в октябре 1579 г., когда совершение совместного с Лала Мустафа-пашой военного похода в Южный Азербайджан в условиях грядущей зимы становилось невозможным. К тому же незавершенное строительство Карской крепости и, говоря словами нашего автора, постоянная «охота за врагами» сильно измотали воинов османской армии (5, л.41а-41б).

Узнав о нашествии крымских татар, шахская ставка, находившаяся на тот момент в Тебризе, решила направить против них войско эмиров во главе с Мирза Салманом. Но еще до прибытия этого войска Ширван подвергся нашествию татар. Правитель Ширвана Мухаммед Халифа со своим войском на берегу Самура вступил в неравный бой с превосходящими силами крымских татар. Рахимизаде повествуя о событиях этого похода крымских татар, даже не упоминает о сражении, произошедшем с Мухаммедом Халифой. Эфендиев О.А., давший описание этого боя по материалам «Тарих-и алам арай-и Аббаси», пишет, что Мухаммед Халифа будучи отважным воином, предпочел бес-

славному бегству героическую смерть. По мере прибывания новых подкреплений татары разгромили кызылбашские войска (79,с.169).

После этого сражения, в котором погибло 2000 кызылбашских воинов (104,с.100), татарские войска совершили опустошительный набег в земли Ширвана, Карабаха и Гянджи. Разорив города и села этих областей, захватив многочисленных пленников и огромную добычу, Мухаммед Гирей-хан вернулся к себе на родину, а в помощь Осман-паше оставил своего брата Гази Гирей-хана (5,л.41а-41б). Кютюкоглу Б. со ссылкой на османские источники пишет, что в результате этого нашествия было пленено и уведено татарами 20.000-30.000 жителей Азербайджана (104, s.101).

В Зафарнаме нет никакой информации и относительно взятия объединенными осmano-татарскими войсками в конце октября 1579 года Бакинской крепости и пленении 600 его защитников (79,с.169; 104,с.103).

Зато в материалах Зафарнаме имеется информация о другом сражении, которое имело место сразу же после отбытия основных сил крымских татар на родину.

«В тех краях /т.е. в окрестностях Дербента/, – говорится в Зафарнаме, – были мятежники, которые представляли собой явное оскорбление для религии». На этот раз таковыми северокавказские племена кумыков, кайтагцев, табасаранцев и кыпчаков, т.е. тех, на союзнические отношения которых рассчитывала Высокая Порты. По мере того, как эти племена осознавали, что Османская империя в действительности стремится утвердить в этом регионе свое господство, их выступления против турецкого гарнизона Дербента участились – они не только нападали на османов, избивали, грабили их, а нередко и убивали (5, л.41а-41б).

Получив подкрепление в живой силе и вооружении от крымского хана, Осман-паша решил, что, наконец, настало время отомстить им за причиненные беды. 2 ноября 1579 г., поручив оборону Дербента правителю Азова – Му-

хаммед-беку, Осман-паша выступил из крепости. Его сопровождал Гази Гирей-хан во главе 1000 татар. С распространением в окрестных селах вести о намерении Осман-паши отряды из Кума, Табасарана, Кайтага, кыпчаки скопились в местечке Кюре богазы, чтобы дать бой объединенным осmano-татарским войскам (5, л.416-426). Это сражение происходило в горном ущелье. Первыми в бой вступили войска крымских татар во главе с Гази Гирей-ханом, а вслед за ними пошли отряды Осман-паши в сопровождении пушек – шахи-зарбзаны. В ходе битвы осmano-татарские войска, потеряв 200 человек убитыми, нанесли поражение и обратили в бегство отряды северокавказцев. Последние, по данным Зафарнаме, потеряли тысячи человек убитыми. Преследуя противника, осmano-татарские войска на расстоянии 50-60 фарсахов разрушили и разорили 60-70 окрестных поселков (5, л.43а-43б). Это событие, на наш взгляд, имеет важное значение: если отдельные нападения и избиения османов со стороны местного населения этих областей можно было бы рассматривать как вылазки местных разбойничьих отрядов с целью грабежа и наживы, то попытка такого организованного выступления свидетельствует о широком распространении в этом регионе антиосманских настроений.

Весной 988 г.х./1580 г. в Эрзрум прибыла дипломатическая делегация от сефевидского шаха. Возглавлявший эту делегацию Зульгадарлу Хаджи Максуд-бек, встретившись здесь с новым главнокомандующим османской армии Синан-пашой, направился затем в Стамбул, чтобы доставить султану письмо шаха, в котором выражалось стремление сефевидской стороны к прекращению войны. Стамбул выразил согласие на прекращение войны на основании существовавшего status quo, которое, по мнению стамбульских властей, заключалось в том, что Ширван полностью находится под контролем османских властей. Но кызылбашская сторона оспаривала это утверждение, на-

стаивая на том, что «Ширван, как и прежде, занят кызылбашскими эмирами, а власть румийцев ограничивается лишь четырьмя стенами дербенской крепости». В такой ситуации было решено, чтобы противостоящие стороны оставались на своих местах на время зимы, а в Ширван были направлены представители для выяснения, в чьих руках находится тот или иной район (79, с.178).

Примечательно, что в это же самое время Ширван вновь в третий раз подвергся нашествию татарских войск. Войска крымских татар во главе с Гази Гирей-ханом, Мурад Гирей-ханом и Саадат Гирей-ханом, переплыв Куру, неожиданно набросились на лагерь Салман-хана – кызылбашского правителя Ширвана. Он вместе с племенем устаджлу находился в это время в Карабахе на летних пастбищах. Благодаря внезапности появления преимущество в этом сражении было на стороне объединенных османотатарских войск. В ходе сражения Салман-хан был ранен в бою, но ему удалось бежать, 50 кызылбашских бойцов во главе с Мехдикули-ханом были пленены и впоследствии казнены. Всего, по данным Зафарнаме, из 17.000-18.000-го кызылбашского войска удалось спастись лишь 300 воинам (5, л.44а-44б).

При сравнении с данными других источников выясняется, что Рахимизаде, как обычно, сильно преувеличил численность кызылбашских войск. Согласно *Mühimme defterleri*, что, несомненно, является более достоверным источником, войска Салман-хана насчитывали «несколько тысяч», а Мехмед Челеби сообщает о 5000-6000 человек*.

Разгром Салман-хана в хронологическом отношении последнее событие, о котором повествуется в Зафарнаме. Его автор не сообщает о том, что после этого сражения, сефевидская армия во главе с везирем Салман Мирзой и Имамгулу-ханом, стремясь взять реванш за нанесенное по-

* Цитируется по Кютюкоглу Б. (104, с.119).

ражение, атаковала османо-татарские войска у Шемахи. В результате этого сражения и последующего преследования сефевидам удалось вытеснить противника из Ширвана: Осман-паша со своими войсками вновь укрылся в Дербенте, а татары вернулись на родину.

Проследивая военные события первых лет османо-сефевидской войны, связанных с борьбой за Ширван, нельзя не заметить, что после возвращения основного состава османской армии во главе с Лала Мустафа-пашой, военные действия, осуществлявшиеся османскими войсками в Ширване, велись в основном при активном участии войск крымских татар.

Известно, что в ходе османо-сефевидской войны 1578-1590-х гг. крымские татары осуществили четыре похода в Азербайджан (65,с.71-72; 79,с.178-180). В Зафарнаме содержатся сведения о первых трех из них и эти данные свидетельствует о том, что именно с появлением татарской армии происходит активизация османских войск в Ширване.

Так, известно, что в битве у Шемахи османы избежали разгрома только лишь благодаря подоспевшим к исходу сражения войскам Адиль Гирей-хана. Но вскоре с уходом татар обратно на родину Осман-паша также поспешил покинуть Шемаху и укрыться в Дербенте. С этого момента в течение нескольких месяцев со стороны османских войск не предпринималось никаких военных операций. И только весной следующего года с новым походом многотысячной армии крымских татар в Азербайджан возобновились совместные военные действия.

Содействие, которое крымские татары оказывали османам, определялось не только непосредственной помощью – обеспечением коммуникации, доставкой необходимого вооружения, боеприпасов и казны, выделением войск, участием в военных операциях и т.д., но также и косвенной – нашествия крымских татар в Азербайджан каждый раз со-

проводились бесчисленными бедствиями для азербайджанского народа, гибелью и пленением жителей, разорением городов и поселков, развалом экономики. Все это наряду с другими негативными факторами подрывало оборонно-способность страны и облегчало ее завоевание.

Таким образом, анализ фактического материала, содержащегося в Зафарнаме, и данных других синхронных источников показывает, что участие крымских татар в войне 1578-1590-х гг. на стороне Османской империи было довольно действенным фактором, не только определившим результат отдельных сражений, но и повлиявшим на весь ход этой войны.

Как уже отмечалось выше, хронологические рамки Зафарнаме ограничены 1578-1580 годами, т.е., предположительно, периодом пребывания Рахимизаде в Ширване. Будучи командирован в Стамбул, автор завершает первую часть своей летописи и поэтому в ней не нашла отражения самая крупная военная кампания последующего периода, так называемое «Факельное сражение». Это сражение является весьма показательным с точки зрения изменения отношений между Османской империей и их местными союзниками. Так, еще недавно принявшие османскую сторону правители Грузии, Дагестана, включая Шамхала, а также потомок ширваншахов – Абубекр Мирза, обратились к кызылбашскому правителю Гянджи с предложением о совместном выступлении против объединенных осmano-татарских войск, которые весной 1583 года планировали новое нашествие на Азербайджан. При чем Абубекр Мирза, надо полагать, проигнорировал письмо-предупреждение, отправленное ему из Стамбула еще в сентябре 1582 года. В письме, османские власти, обращаясь к своему бывшему союзнику, апеллируют к религиозным чувствам, призывая *«...не совершать действий, которые могли бы опорочить Вашу веру и праведность, и если будет угодно Аллаху, Вы, несомненно, будете благодетельствованы нашим могуществом»*.

венным шахом разными высокими почестями, скольких Вы даже не ожидали» (3.1,с.11-12).

Анализ динамики взаимоотношений между Османской империей и ее ширванскими сторонниками показывает, что при поддержании союзнических отношений религиозная общность, на которую в данном случае ссылается османская сторона, могла выступать в качестве сплачивающего фактора до определенного момента. Но если же отношения между союзниками становились неэффективными с точки зрения удовлетворения тех или иных интересов, то союзникам не стоило труда переходить на сторону своих недавних противников. Это подтверждает, что при поддержании союзнических отношений стороны руководствовались не иначе как интересами обеспечения своей независимости. Не случайно, что послание Абубекру Мирзе оказалось безрезультатным и он, обратившись к кызылбашскому правителю Гянджи с предложением о совместном выступлении против османов, практически стал инициатором «Факельного сражения». Эта инициатива была одобрена шахом – назначенный командующим 20.000-ной сефевидской армии Имамгулу-хан выступил из Гянджи навстречу противнику. Противоборствовавшие стороны встретились 16 раби-ул эввел 991 г.х./ 8 мая 1583 г. на берегу реки Самур у местечка Бештепе. В первый день сражения кызылбашам удалось нанести поражение и обратить в бегство передовые части османских войск во главе с санджак-беком Силистрии Якуб-беком. Но на следующий день с прибытием основных сил объединенной осmano-татарской армии битва возобновилась и велась даже ночью при зажженных факелах, отчего и получила свое название. Это четырехдневное ожесточенное сражение, являясь последней крупной военной кампанией по выдворению османов из Ширвана, закончилось поражением кызылбашской армии (79, с.181; 104, с.126-127).

Благодаря одержанной победе Осман-паша укрепил

свои позиции на завоеванной территории, он вновь завладел Шемахой, отстроил здесь новую крепость.

Несмотря на некоторую неполноценность Зафарнаме в том плане, что не все сражения, происходившие за Ширван, нашли отражение в этом труде, тем не менее, он представляет большой интерес для изучения истории Азербайджана последней четверти XVI века. Его материалы свидетельствуют о том, что еще за несколько лет до начала войны, Османское государство вынашивало планы по захвату земель Сефевидского государства, а когда наступил благоприятный момент, первым развязало войну в нарушение существовавшего договора 1555 года.

Зафарнаме позволяет восстановить историю осmano-сефевидской войны 1578-1590-х гг. в первый ее период, когда происходило завоевание Ширвана, а также верно оценить роль и участие крымских татар в этой военной кампании.

3. Поход Фархад-паши в Иреван в 1583 г.

Период с 1580 по 1583 можно охарактеризовать как полосу относительного затишья в ходе войны. После смещения с поста главнокомандующего османской армии Лала Мустафа-паши, которого обвинили в бездействии и в том, что, увлекшись ремонтом Карской крепости, он перестал проводить военные действия, сардаром с одновременным возведением на должность садразама был назначен давний конкурент Мустафа-паши – Синан-паша. Последний был заинтересован в прекращении войны и поэтому практически не проводил каких-либо военных операций, если не считать безуспешного похода в Тифлис (4, с.65-66). Вопреки приказу султана, Синан-паша отложил поход в Тебриз, утверждая, что сефевидская сторона запрашивает мира и готова отправить своего посла. В самом деле, оживленная переписка, осуществлявшаяся между высшими должностными

лицами противоборствовавших государств в этот период свидетельствует о том, что после завоевания османами Ширвана с обеих сторон, как с сефевидской, так и османской, делались отдельные попытки к прекращению кровопролитной войны и заключению мирного договора. Однако при этом каждая сторона настаивала на своих условиях.

В одном из писем, адресованном Синан-пашой сефевидским государственным деятелям и эмирам, в частности, оговаривались условия такого перемирия. Среди прочего в нем говорилось: «...Мы приняли решение о том, что все земли, где ступала нога наших воинов, должны принадлежать нам» (16,с.176; 1,с.276). Если принять во внимание, что с начала Восточного похода османами были заняты значительные территории, принадлежавшие сефевидам, то становится ясным, насколько жесткими были выдвигаемые ими условия. Но, тем не менее, как покажут дальнейшие события, в условиях сложной внутривосточной ситуации, сложившейся в стране в результате восстания хорасанских эмиров, объявления малолетнего сына Мухаммеда Худабенде Аббаса шахом в 1581 г. (12,с.238; 79,с.176) и отбытия шаха в Хорасан, наверное, было бы целесообразнее согласиться на эти условия.

Кызылбашский посол Ибрахим-хан Туркман, прибывший в Стамбул в 1582 году, выражал готовность сефевидов признать за османами все завоеванные земли, кроме Ширвана, а вместо него выплачивать ежегодный харадж. Для агрессивно настроенной части османского военного командования эти условия оказались неприемлемыми.

Впоследствии, пишет Печеви, выяснилось, что отправка шахом Мухаммедом Худабенде своего доверенного лица для обсуждения вопроса о мире была осуществлена по инициативе и настойчивости самого Синан-паши (4,с.73) и что своими ложными заверениями о том, что шах просит мира (122, с.23), османский сардар ввел в заблуждение султана, за что поплатился своим постом. Таким образом, по-

пытка мирного урегулирования зашла в тупик, при этом сефевидская сторона не сумела воспользоваться почти трехлетней передышкой для организации решительного отпора завоевателям.

Летом 1583 г. крупные соединения османских войск во главе с новым главнокомандующим Фархад-пашой выступили в направлении Иревана, «прекрасного города страны Иран и Туран, ворот Нахчывана и Ширвана». С этого начинается Рахимизаде описание военных событий в Гянджине.

Правитель Иревана Мухаммед Токмак-хан Устаджлу, узнав о приближении османской армии, по определению Рахимизаде, «бежал» из города, не оказав никакого сопротивления (7, л.110а-111а). Наш автор, ограничиваясь констатацией факта, не раскрывает истинных причин такого поступка. В действительности, Токмак-хан Устаджлу, оказавшись фактически один на один с превосходящими силами противника, обратился за помощью к правителям Карабаха и Южного Азербайджана соответственно Имамгулухан Гаджару и Амир хан Туркману, но не получил от них поддержки (79, с.184). «Грузины тоже не могли оказать помощь, ибо были заняты обороной Тифлиса, нельзя было ждать помощи и от шаха Мухаммеда Худабенде и принца Хамзы» (11, с.104), которые, как уже отмечалось выше, находились в Хорасане. Очевидно, что в этих условиях потеря Иревана была неизбежна. Токмак-хан понимал это и все, что удалось сделать ему, это – во избежание ненужных жертв эвакуировать город, предварительно договорившись об этом с Фархад-пашой. Вступив в город, османские войска приступили к строительству сильно укрепленной крепости, которое было завершено за короткий промежуток времени, а по данным Печеве, всего лишь за 45 дней (7, л.110а; 4, с.84-85). Описание самой крепости нашим автором не дается, согласно же Кютюкоглу, она «строилась вокруг дворца Токмак-хана и состояла из внутренней кр-

епости с 8-ю башнями, 5-ю железными воротами, мечетью и баней; и внешней крепости с 43-мя башнями... Гарнизон крепости насчитывал 5601 человек» (104, с.136).

Завершив дела, связанные с укреплением и обеспечением охраны крепости, Фархад-паша покинул Иреван, чтобы перезимовать в Эрзруме. Здесь состоялся совет военных чинов, на котором было решено с наступлением весны выступить походом в Грузию. Необходимо было расправиться с Симоном, представлявшем собой «помеху на пути Ширвана и Ревана» (7, л.113а). Завоевание опасных, но важных в стратегическом отношении горных проходов Лору и Туманис, «возникающих на пути словно пасть дьявола», строительство крепостей и размещение в них турецких гарнизонов с достаточным количеством боеприпасов и средств имело исключительное значение с точки зрения обеспечения безопасности на пути продвижения османских войск в Тифлис и Ширван, а также создания надежного тыла. Согласно Рахимизаде, беглярбеком Лору был назначен санджак-бек Мора Босналы Путур Али-паша, а беглярбеком Туманиса – Семендер-паша. Беглярбеку же Эрзрума Соколлузаде Хасан-паше была поручена охрана границ крепости Лору (7, л.113 а; 12, с.246).

В силу определенных причин, связанных с состоянием османской армии, Фархад-паша вынужден был ограничиться походом в Грузию, и во главе своих войск, «живых и благополучных», вернуться в Эрзрум. В действительности, состояние османской армии было не столь «благополучным», как пишет наш автор. Наступающие холода, нужда и голод, обрушившиеся на османов из-за недостатка провианта, а также намерение – Фархад-паши перед возвращением «опустошить земли мятежника Менучехра» и построить крепость в Ахыске стали причиной недовольства среди войск. Орудж-бек Байат, в частности, пишет, что «два полка янычар и часть пехоты из Константинополя взбунтовались, но были успокоены усилиями Вейса, паши из Ха-

леба. Фархад-паша попытался штурмом взять крепость Алтункале, которая хорошо обеспечивалась провизией, но его люди разрушили все его планы, вновь подняв мятеж и угрожая ему смертью...» (11,с.106-107). Следует отметить, что проявления недовольства военными действиями были характерны в этот период не только для армии, но и для местного населения, поскольку тяжелое бремя войны ложилось, в первую очередь, на плечи простого народа. В одном из своих отчетов, направленных в Стамбул, Фархад-паша сообщает о том, что большинство райятов округов Эрзрум и Пасин, разоренные налогами и сборами, связанными с военными походами, покинули свои дома (104, с.144). Фархад-паша, непосредственно сталкиваясь с такими настроениями, настаивал на необходимости мирной передышки. Это шло вразрез с планами Османского государства, заинтересованного в том, чтобы военные действия продолжались, и послужило, по всей видимости, главной причиной увольнения Фархад-паши с поста главнокомандующего.

4. Поход Осман-паши в Тебриз в 1585 г.

Отношение османских государственных деятелей к продолжению военных действий было далеко неоднозначным. Так, если Фархад-паша был склонен к заключению перемирия, то османский правитель Ширвана Оздемироглу Осман-паша придерживался непримиримо враждебной позиции, выражая явно агрессивные настроения османских военных кругов. В письме, обращаясь к султану Мураду III, он убеждал его воспользоваться пребыванием шаха Мухаммеда Худабенде в Хорасане и послать армию на завоевание и присоединение к Османской империи всего Азербайджана и западных вилайетов Ирана. Впоследствии он из Дербента через Кафу отправился в Стамбул, где обязался перед султаном захватить Азербайджан и по возможности Ирак Персидский (7, л. 113 б-114 а).

Поскольку о походе Осман-паши в Южный Азербайджан подробно повествуется во второй части рукописи, а именно в Гонче, то в Гянджине Рахимизаде ограничивается лишь сообщением о том, что после взятия османскими войсками «несравненной столицы Азербайджана, местопребывания заблудших и хитрых шахов – города Тебриза», произошло восемь сражений с сефевидским принцем Хамза Мирзой, пытавшимся отбить город у противника (7, л.114б).

10 шевваля 992 г.х./16 октября 1584 г. Осман-паша, получив наставления падишаха и высших должностных лиц государства, выступил в Ускюдар. Отсюда, завершив дела по отправке боеприпасов и снаряжения морским путем в Кафу, он 23 шевваля / 3 ноября выступил в Кастамону, где провел зиму (6, л. 60 а). Здесь же 15 марта 1585 г. он получил приказ о своем назначении главнокомандующим османской армии. Завершив мероприятия по укомплектованию армии вооружением и боеприпасами в течение 19 дней, Осман-паша 4 апреля выступил из Кастамону и на 12-ом переходе прибыл в Амасью.

Еще до выступления в поход, пишет наш автор, Осман-паша отправил письма сефевидскому шаху, написанные в довольно оскорбительном тоне, в которых он не только предупреждал о наступлении османской армии, но и призывал шаха, если он не лишен «шахского достоинства», выступить ему навстречу.

Видимо, ожидая присоединения новых войск, Осман-паша не спешил с началом военных действий. Так, после 22-х дневного пребывания в Амасье, где состоялась встреча Осман-паши с теперь уже бывшим главнокомандующим Фархад-пашой, османская армия выступила в Токат, где находилась еще в течение 20 дней. В Сивасе к армии присоединился беглярбек Анатолии Хасан-паша с 1000 кулларами и 40.000 анатолийским войском, возглавлявшимся 13 беками, а спустя несколько дней – и беглярбек Карамана Мурад-паша (6, л.66б-73б). Наконец, 2 августа армия

прибыла в Эрзрум, но остановка здесь была относительно недолгой: ввиду нехватки продовольствия и фуража в этом округе, запасы которых не покрывали потребностей такой большой армии, Осман-паша 12 августа 1585 года вынужден был выступить в путь (6, л. 76б).

Рахимизаде не сообщает общего количества османских войск. По данным же Орудж-бека Байата, «по прибытии в Эрзрум Осман-паша подверг большому смотру свои войска. Тогда же он обнаружил, что в них насчитывается 230.000 человек, по другим сведениям – 300.000, и оказалось, что воинов было в избытке. Он распустил 50.000 человек, наименее опытных в ведении войны...» (11, с. 110). Войска присоединялись к армии по ходу ее продвижения. Так, в Чалдыране, куда армия прибыла 6 сентября, присоединился беглярбек Вана Джигалазаде Синан-паша с курдскими беками и 1000 воинов (6, л. 78 а-78б).

В Чалдыране окончательно определился маршрут дальнейшего наступления османской армии. Раньше, еще находясь в Эрзруме, Осман-паша публично заявил о том, что собирается выступить маршем на Нахчыван (11, с. 110). Но вскоре он узнал от сбежавшего из сефевидского плена Гази Гирей-хана об отсутствии шаха и шахзаде в Тебризе, которые находились в Карабахе на яйлаге. В Чалдыране получив подтверждение этой информации от захваченного «языка», Осман-паша (6, л. 74б-75б) изменил своим первоначальным планам и выступил в направлении Тебриза. Этот выбор в значительной мере был предопределен тем обстоятельством, что Тебриз находился на тот момент в огне внутривосточной борьбы. Межплеменная вражда и ненависть племен шамлу и устаджлу к племенам туркман и текеу, (79, с. 184-186; 104, с. 154) и восстание последних были в самом разгаре. Осман-паша решил воспользоваться таким выгодным для него стечением обстоятельств, чтобы овладеть, наконец, Тебризом.

Наступая по маршруту Чалдыран-Хой-Маранд-Су-

фиян-Тебриз, османская армия 13 сентября подошла к Хою, в течение одного дня пребывания в городе были учинены большие разрушения. Не избежал этой участи и Маранд, а его жители, не успевшие уйти из города до прибытия османских войск, были частью разрублены мечами, а частью уведены в плен. При подходе к Суфияну, «маленькому - городу на высоте, с которой, если смотреть вниз, можно увидеть Тебриз», стало известно о приближении принца Хамза Мирзы, направлявшегося навстречу противнику.

Первое сражение с участием Хамза Мирзы произошло у Аливармевки. Османы выстроились в боевом порядке следующим образом: в авангарде османских войск шел Синан-паша, правое крыло прикрывали сипахии из Анатолии, Сиваса и Египта, левое – войска из Румелии, Карамана и Алеппо, в арьергарде стояли воины из Эрзрума и Мараша (6, л. 78б-80а). Подробно описывая построение османской армии, Рахимизаде умалчивает о ее численности, хотя известно, что она во много раз превосходила численность кызылбашских войск. Согласно Эфендиеву О.А., кызылбашские войска насчитывали не более 20 тыс. человек (79, с.187). Селяники пишет о 30 тысячах (8, с.198).

В кровопролитном сражении, продолжавшемся до наступления темноты, а затем возобновившемся на следующий день после полудня, обе стороны понесли большие потери, и, в конце концов, отошли на свои позиции. Наш автор намекает на то, что превосходство в этом сражении было на стороне османских войск, отмечая, что в случае преследования отступавших кызылбашей они добились бы полной победы (6, л. 80а-80б). По данным же Печеви, сражение оказалось одинаково тяжелым для обеих сторон: «С обеих сторон было отрублено множество голов и погибло огромное количество воинов» (4, с.95). Знать Тебриза написала письмо османскому сардару Осман-паше, в котором, выражая свое повиновение, просила амана. Сардар предоставил аман, запретив погромы и грабежи, но на деле уже с рассве-

том послушавшаяся приказа часть османских войск ворвалась в город и развязала бой (6, л.80б-81а). Несмотря на ожесточенное сопротивление кызылбашских войск, им не удалось противостоять многочисленной османской армии. Тебриз фактически оказался без поддержки и защиты извне. В таких условиях, поняв бессмысленность дальнейшего сопротивления, комендант города Пиргейб-хан Устаджлу и правитель Хусейнгулу Устаджлу предпочли эвакуировать город. Но одновременно население города продолжало мужественное сопротивление, отбивая первые атаки захватчиков. Рахимизаде сообщает о неудачной попытке кызылбашских войск атаковать войска марашского гарнизона. После нескольких столкновений с сефевидами османская армия заняла Тебриз. Это произошло 25 рамазана 993 г.х./20 сентября 1585 г. Уже ночью этого дня население города выразило покорность (6, л.81а).

После проведения торжеств по случаю взятия города, устроенных на поле Черендаб 27 сентября в мечети Хасан падишаха Аккоюнлу была прочитана пятничная молитва и произнесена хутба на имя султана Мурада III, а 29 сентября на месте, выбранном самим Осман-пашой, началось строительство новой крепости, завершившееся в течение одного месяца. Охрану крепости поручили заботам амир алумара Триполи Джафар-паше Хадиму с выделением около 7 тысяч пехоты и конницы и годовой запас провианта (6, л.82б-83а; 12, с.248).

В ходе строительства крепости кызылбаши, занявшие позиции у горы Сурхаб, неоднократно нападали на османов. 15 октября шахзаде Хамза Мирза со своими войсками расположился в долине Тимсах на расстоянии 4-х фарсахов от Тебриза, готовясь к очередному нападению. Выступивший вперед во главе небольшого отряда Синан-паша, оказавшись без прикрытия артиллерии, не решился вступить в бой и отступил, бросив на поле боя Махмуди Хасанбека с 500 воинами. Передовые части кызылбашских войск

во главе с горчибаши Гулубеком преградили путь к отступлению. Оказавшись фактически в окружении, османы понесли большие потери. В этом сражении погиб и сам Махмуди Хасан-бек. Главную причину поражения османов Рахимизаде видит в бездействии беглярбека Диярбекра, укрывшегося в засаде, но из-за «ненависти и зависти» к Синан-паше так и не выступившего к нему на выручку (6, л.87а-87б).

Следует отметить, что события, связанные с захватом Тебриза, изложены Рахимизаде в достаточной степени правдиво, в том смысле, что автор последовательно отображает сопротивление и борьбу жителей Тебриза против завоевателей. Так, если проследить ход событий по Рахимизаде, то не возникает сомнений, что взятие города было не столь беспрепятственным и легким, как это описано, например, Шараф-ханом Бидлиси. Он писал, что «победоносные войска беспрепятственно разбили лагерь в половине фарсаха от Тебриза. Алигулу-хан, который со считанным числом кызылбашей загородил улицы города, не осмеливаясь ударить по могущественной армии, вместе с вельможами прекратил оборону. Подобно каплям ртути, они рассыпались в разные стороны...» (12, л.248). О самоотверженной борьбе тебризцев против завоевателей свидетельствуют следующие слова нашего автора:

«Стоило им встретить в отдельности нескольких бойцов,

Раздирали их зубами, не делая различия – будь-то мужчина, или женщина» (6, л.87б).

Разгневанные неповиновением жителей города и их нападениями на воинов, османские войска со словами «смерть жителям Тебриза» учинили безжалостное побоище, в результате которого были перебиты тысячи людей, а женщины и дети уведены в плен, их имущество было разграблено (6, л.88а). Рахимизаде, утверждает, что это побоище произошло скорее в результате стихийных действий

воинов, нежели по приказу Осман-паши (104,с.159). Но существует и иная версия – Печеве пишет, что «воины по приказу сардара ворвались в город и начали безжалостное побоище...» (4, с.62).

Как бы то ни было, очевидно, что Осман-паша не предпринял никаких действенных мер, чтобы прекратить кровопролитие. В то время как, по мнению Рахимизаде, уже к полудню можно было усмирить свои войска, «отправив на виселицу одного-двух мародеров», Осман-паша ограничился лишь голословными угрозами (6,л.87б-88а).

Через несколько дней после этих событий, а именно 25 октября на берегу реки Фехусфендж произошло еще одно крупное сражение при личном участии Хамза Мирзы. Правым флангом кызылбашских войск командовал Токмакхан, он находился напротив Джигалазаде Синан-паши, а левым флангом – Амир-хан, ему противостоял беглярбек Диярбекра Мехмед-паша. Сражение началось с атаки кызылбашских отрядов и продолжалось до наступления сумерек. Под натиском сефевидских войск османы обратились в бегство, при этом Мехмед-паша пал шехидом, а беглярбек Карамана Мурад-паша был пленен (6,л.88б-89б; 12,с.249). Главную причину отступления османов Рахимизаде объясняет завистью, существовавшей между Синан-пашой и беглярбеком Диярбекра Мехмед-пашой (6,л.87б).

В условиях систематических нападений кызылбашских войск во главе с Хамза Мирзой на османов, партизанской войны жителей Тебриза, а также недостатка провианта и фуража в округе, а также тяжелого состояния сардара Осман-паши, заболевшего ангиной, завоеватели торопились покинуть город, оставив здесь свой гарнизон во главе с беглярбеком Триполи Хадимом Джафар-пашой (6,л.90а).

28 октября османские войска, которыми командовал Джигалазаде Синан-паша, назначенный Осман-пашой своим преемником, выступили из Тебриза. В авангарде шли войска из Мараша и Сиваса, в центре следовал военный

обоз, а колонну замыкал Синан-паша. По пути в Шамб-и Газан османские войска вновь были атакованы войсками Хамза Мирзы. В этом сражении погиб кетхуда Соколлу Мехмед-паши Хосров-бек, назначенный османами санджак-беком Чалдырана. Затем сияхдар-баши Хуррам-ага во главе с сотней сияхдаров перешел в контратаку и кызылбаши вынуждены были отступить, однако, при этом им удалось увести у османов 85 нагруженных припасами верблюдов (6, л.91б; 12,с.249).

Фарзалиев А.М. пишет, что данные об участии Синан-паши в походе на Тебриз в исторических источниках отсутствуют (74,с.139, прим. 105). Однако, материалы Гонче, как мы могли убедиться, свидетельствуют об активном участии Джигалазаде Синан-паши в боях за Тебриз, более того, он фактически исполнял обязанности сардара ввиду болезни Осман-паши.

Вскоре по прибытии в Шамб-и Газан в ночь с 30 на 31 октября Осман-паша скончался. Пытаясь скрыть это, османские войска выступили в путь и на следующий день прибыли в Аджису. Здесь, узнав о том, что кызылбаши готовят очередную атаку, завоеватели, желая избежать столкновения, утром в спешном порядке выступили в путь (6,л.92б- 93б).

Хамза Мирза со своими войсками вернулся в Тебриз и вместе с кызылбашскими эмирами Фатхоглу Алигулуханом, Афшар Мухаммедгулу-беком, Зульгадарлу Шахрухханом, Мухаммед Токмак-ханом и Имамгулу-ханом в течение 11-и месяцев (4,с.104) пытался отбить крепость у неприятеля, используя всевозможные варианты. Однако ни штурм крепостных стен, ни подкоп, ни попытка затопления, о которых сообщает Печеви (4,с.101-104), не имели успеха. Несмотря на героические усилия кызылбашских войск, завладеть крепостью, в котором укрывался турецкий гарнизон, имевший на вооружении сотни пушек и осадных орудий, не удалось.

Занятие османской армией Тебриза, ставшее одним из наиболее крупных поражений сефевидских войск в ходе войны 1578-1590 гг., было обусловлено определенными причинами. Мы уже отмечали, что вся эта военная кампания проходила на фоне феодальной междоусобной борьбы кызылбашских племен, которая раздирала государство изнутри, не оставляя возможности мобилизовать силы для отражения противника. Самым ярким примером сказанному служит взятие Тебриза – сефевидское командование оказалось неспособным организовать надлежащую оборону города, в первую очередь, вследствие мятежа племен текелю и туркман, которое произошло по причине убийства беглярбека Тебризской области Амир-хана Туркмана в крепости Кахкаха при подстрекательстве эмиров племен устаджлу и шамлу. Не в силах воспрепятствовать им, более того сам, являясь орудием в руках враждовавших между собой племен, шах настроил против себя воинственные племена туркман, «единственных жителей Тебриза и его окрестностей» (11,с.112). Это было большой стратегической ошибкой кызылбашского командования, которая дорого стоила Сефевидскому государству и, в конечном счете, обернулась потерей города. Касаясь причин потери Тебриза, Эфендиев О.А. пишет: «шах не мог открыто выступить навстречу османской армии, имея у себя в тылу мятежные племена и опасаясь их вероломства» (79,с.184-186). Фактически Хамзе Мирзе пришлось прекратить защиту Тебриза и заняться усмирением мятежных племен текелю и туркман, которые, похитив младшего сына шаха Мухаммеда Худабенде принца Тахмасиба, вступили в столицу государства Казвин и объявили его престолонаследником (79,с.193-195; 22,с.96-98).

Осенью следующего – 1586 года новый поход в Тебриз, осуществленный главнокомандующим османской армии Фархад-пашой с целью доставки подкрепления и пополнения боеприпасов, укрепил положение османского гар-

низона Тебриза. Этому событию Рахимизаде придает исключительное значение, отмечая, что оно «явилось действительным покорением Азербайджана» (7, л.117а).

Завоевание Тебриза османскими войсками имело тяжелые последствия для города и сокрушительный удар по его экономике. Если до взятия османами Тебриз являлся весьма развитым в экономическом отношении городом с высоким уровнем развития различных отраслей ремесленного производства, одним из крупнейших центров производства и продажи шелка, центром оживленной внутренней и внешней торговли, обусловленной прохождением через него торгово-караванных путей, то в результате ожесточенных сражений, происходивших между враждовавшими сторонами в ходе оккупации, он подвергся сильным разрушениям, городские здания и торговые центры были превращены в руины, прекращено движение по торгово-караванному пути, посевные площади в окрестностях города были приведены в негодное состояние (25, с.102-158). Придворный сефевидский летописец Кази Ахмед Куми так описывал состояние Тебриза после османской оккупации: *«Тебриз – красивейший из городов мира был настолько разрушен и разорен, что в нем не осталось никаких признаков бывшего благоустройства»*. Здания в городе были сожжены, деревья вырублены (22,с.95).

5. Завоевание Гянджи и Карабаха Фархад-пашой в 1588 г.

Фархад-паша, повторно назначенный главнокомандующим османской армии, в сентябре-октябре 1586 г. предложил сефевидам заключить перемирие при условии признания за османами Ширвана, Шеки, Иревана, а также Южного Азербайджана. Вопреки сопротивлению кызылбашских эмиров, Хамза Мирза, реально оценивая ситуацию и рассчитывая получить мирную передышку, согласился на

эти условия, но при этом он настаивал на обязательном выводе османских войск из Тебриза. Для этого по предложению Фархад-паши было решено послать одного из сефевидских принцев в Стамбул, которому, султан, возможно, «передаст Тебризский вилайет» (79,с.197). Однако планам Хамза Мирзы не суждено было осуществиться, поскольку недалеко от Гянджи он пал жертвой заговора высокопоставленных эмиров, недовольных его централистической политикой (79,с.196-197; 65,с.74-75). Гибель этого самоотверженного сефевидского принца, возглавлявшего борьбу за отвоевание захваченных территорий, фактически означала прекращение дальнейшего сопротивления кызылбашских войск завоевателям. Отныне сефевидское государство, охваченное новой волной междоусобицы, было неспособно во главе со слабовольным шахом Мухаммедом Худабенде противостоять расширению османской оккупации. После гибели Хамза Мирзы хорасанская группа кызылбашей, состоявшая, главным образом, из племен устаджлу и шамлу, во главе с Муршидгулу-ханом привела 16-и летнего сына Мухаммеда Худабенде Аббаса в Казвин и объявила его шахом. Это произошло в мае 1587 г. (65,с.75).

Характеризуя внутривосточную ситуацию в государстве в этот период, Искендер Мюнши отмечает, что в эти годы в Азербайджане *«каждый [знатный] человек, не подчиняясь другому, по своему произволу захватывал власть, которая была ему под силу, не считая себя связанным с поведением и указом шаха»* (65,с.75).

Сложная внутривосточная ситуация отозвалась на внешних границах новыми посягательствами – кызылбашское государство фактически оказалось в кольце окружения внешних врагов. Синан-паша, выступивший из Багдада с 30-и тысячным войском, захватил Нихавенд (4, с.108-109). Война шла и на восточных границах Сефевидского государства. Пользуясь тем, что османские войска усилили наступление с восточного и южного направлений,

правитель государства Шейбанидов Абдулла-хан во второй половине 1587 года вторгся в Хорасан, а 17 февраля 1588 года завоевал Герат (53,с.11-18; 29,с.75; 114, с.75; 14,с.119).

Пользуясь благоприятной для себя ситуацией заактивизировался и засевавший в самом сердце страны Джафар-паша – начальник турецкого гарнизона Тебризской крепости. Захватив окрестности города, он выступил в поход с намерением захватить Ардебиль, но дальше Сераба продвинуться не смог. Из-за предательства же правителя Карадага Шахверди-хана, перешедшего на сторону османов и изъявившего покорность султану, Ордубад, Маранд, Дизмар, Зуруз, Гяргяр перешли под власть Джафар-паши (79,с.199; 65,с.75).

В такой критической для Сефевидского государства ситуации, казвинский двор еще весной 1587 года направил письменные послания, в которых выражалась готовность отправить одного из принцев ко двору османского султана в качестве залога для начала переговоров, однако османские власти фактически проигнорировали эту инициативу. Рахимзаде в свойственном себе тоне объясняет это тем, что «напичканные ложью» письма не вызывали доверия (7, л.117а-117б), и поэтому было решено в ожидании решения султана *«не проводить время в бездействии и заняться заблудшим Казак-ханом»*, правителем крепости Акчекале, поскольку он, примыкая то к *«неверным кызылбашам, то к распутному Левенду, то к неотесанному Симону, ... не упускал случая, чтобы не навредить османам»* (7, л.119а-120б). На самом же деле турецкое военное командование планировало новый военный поход в Северный Азербайджан с целью завоевания Гянджи и Карабаха и в этих условиях усмирение правителей грузинских областей давало стратегические преимущества. Беглярбек Чылдыра Черкес Искендер Пашазаде Ахмед-паша и беглярбек Карса Диване Хызр во главе оставшихся войск из гарнизона Карамана и отважных капыкулларов, сначала совершив рейд в земли

«изменника» Менучехра и захватив его крепость Ахыска, 23 августа 1587 г. подошли к окрестностям Туманиса. Отсюда они направили посланника к Казак-хану, обещав помиловать его и его воинов, не подвергать их резне, если те не окажут сопротивления и пожелают вступить на путь ислама (7, л.120б). Казак-хан принял эти условия. 27 августа он был приведен в ставку Фархад-паши, где ему был оказан почетный прием. Ему были подарены меч и пояс, инкрустированные драгоценными камнями, а его наследственные земли возвращены ему в качестве эялета (7, л.122а). Помилование Казак-хана, а главное возвращение ему земель вызвало «зависть и непонимание у некоторых эмиров. Ведь и грязный Менучехр, сын Кария, был удостоен чести принятия в ислам, одарен многочисленными подарками. Разве он снова не взбунтовался?» – говорили они. Но «мудрые» люди, пишет Рахимизаде, прекрасно понимали значимость этого решения (7, л.122а).

В самом деле, в условиях, когда османы медлили с принятием предложений сефевидов о прекращении военных действий и заключении мирного договора, и с учетом планов по завоеванию Карабаха большое значение приобретала политика привлечения на свою сторону местных правителей.

Выступившая из Эрзрума 100-тысячная османская армия во главе с Фархад-пашой 2 августа 1588 г. подошла к Куре и расположилась в окрестностях крепости Акчекале. Отсюда во главе с беглярбеками Эрзрума Хызр-пашой, Халеба – Хасан-пашой и Акчекале – Казак-ханом был отправлен отряд в Гори для доставки находившемуся там турецкому гарнизону боеприпасов и казны. По пути туда османы попали в засаду, устроенную Симоном, но в результате сражения грузинские отряды были разбиты (7, л.132 а-132б).

22 августа 1588 года османская армия вместе с подоспевшими из Гори войсками подошла к окрестностям

Гянджи. Ее правитель Мухаммед-хан Зиядоглу Гаджар, узнав о приближении столь многочисленной османской армии, предпочел заблаговременно покинуть город, с тем, чтобы, объединившись с войсками других эмиров, совместно атаковать завоевателей. Таким образом, османы фактически беспрепятственно вошли в Гянджу. Описанию красоты Гянджи с ее прекрасным климатом и благодатной почвой Рахимизаде посвящает две страницы своей рукописи. Через два дня после вступления в город, т.е. уже 24 августа османы приступили к строительству крепости. Беглярбекам и санджакбекам были распределены участки – в течение 43-х дней была отстроена крепость площадью более 2000 м, высотой более 13 м, с 43-я башнями и внутренней крепостью (7,л.133б-134б; 8,с.248).

На южном берегу Араза в Арасбаре Зиядоглу Гаджар объединился с племенем устаджлу во главе с Токмак-ханом и во главе 10.000-ной армии он начал наступление на османов. Но, узнав о намерении кызылбашских эмиров, османы 8 зилкааде/30 сентября неожиданно перешли в наступление. И хотя о приближении османских войск в количестве 30.000 человек Зиядоглу Гаджара известил Исмаил-хан, в свое время перешедший на сторону османов и получивший санджак Кыршехир в Карамане, это не спасло его людей от разгрома. 1/3 часть племени гаджар потонула при переправе через Араз, а все их имущество было захвачено османами. После этого преследуя кызылбашские войска, османы настигли и разгромили Токмак-хана. В течение двух дней и двух ночей вилайет был отдан на разграбление воинам (7,л.135а- 137б).

23 зилкааде/15 октября 1588 года османская армия выступила в обратный путь. На пятый день отступления в местечке Сарыкамьш на берегу Куры произошла встреча представителей Александр-хана с османскими военачальниками. Они доставили харадж и подтвердили свою преданность султану, избавив свою страну от очередного втор-

жения османских войск. Покорность султану изъявили также Симон и правитель Барды – Али Султан (7, л. 138б-140а).

Завоевание Гянджи, ставшее, по словам нашего автора, «большой победой» османской армии, для сефевидского государства означало необходимость возобновления мирных переговоров, прерванных после смерти Хамза Мирзы и принятия условий мира, предложенных османами. Это было единственным выходом в сложившихся условиях.

Османская империя имела свои причины для прекращения войны и заключения мирного договора: продолжительные войны втянули страну в затруднительное положение с финансовой точки зрения, так что даже прибыль с покоренных стран не покрывала расходов, необходимых для обеспечения их безопасности; непрерывные войны ослабляли дисциплину в армии, в приграничных крепостях были нередки случаи неподчинения воинов и их бунта; участились случаи дезертирования воинов из османской армии.

В Эрзруме Фархад-паша получил письма от шаха Аббаса I, в которых выражалась готовность отправить своего племянника – шахзаде Хайдар Мирзу в Стамбул в качестве заложника.

В то время как сефевидский принц в сопровождении правителя Ардебиля Мехдигулу-хана, атабека Шахгулу Халифе и Алигулу Султана, 600 именитых горчиев выступил из Казвина в направлении Ардебиля (7, 145а-145б), в завоеванных областях все еще продолжались попытки сопротивления. Когда *«прошелся слух о том, что сам шах [Аббас I] выступил в направлении Гянджи и Барды с намерением отвоевать их»*, взбунтовался Келб Али, которому османской стороной было обещано владение еще над не завоеванными областями Карабаха. В союзе с бывшим кызылбашским правителем Гянджи Мухаммед-хан Гаджаром он решил отвоевать вилайет, но потерпел поражение от эмиров приграничных областей. Затем напал на правителя Акчекале - Казак-хана, схватил его и отправил к шаху Аббасу, но по-

следний, действуя сообразно с ситуацией, отпустил Казакхана восвояси. Узнав обо всем этом, Фархад-паша немедленно выступил из Эрзрума, но уже по прибытии в Хасанкале, стало ясно, что известие о походе шаха Аббаса всего лишь слух (7, л.146а-146б), стало известно и о прибытии принца Хайдара в Кагызман. Тогда, отправив в помощь османским войскам в Гяндже беглярбека Эрзрума, сам Фархад-паша поспешил встретить принца. Эта встреча состоялась 4 зилхиджа / 15 октября – был организован почетный прием, «приготовлено 60 различных блюд». Отсюда Фархад-паша выступил в Стамбул, куда прибыл 8 раби-ул эввел 997 г.х. / 14 января 1590 г., а через четыре дня вместе со своей свитой прибыл принц (7, л.149 б-150б).

Таким образом, были соблюдены все условия, позволявшие начать мирные переговоры. Рахимизаде не приводит условий заключенного мирного договора. Его текст, составленный от имени султана Мурада III на имя шаха Аббаса известным османским летописцем Ходжа Садеддином Эфенди, содержится в Мюншеатес селатин (1,с.249-252; 103,с.380-381). В соответствии с основными пунктами мирного договора сефевидская сторона обязалась:

1) запретить теберра – официально произносимые поношение и проклятия в адрес трех первых халифов пророка Мухаммеда: Абубекра, Омара и Османа, а также его жены, «матери правоверных» хазрет Айши.

2) признать османскими владениями области, завоеванные у кызылбашей и до дня Новруза 998 г.х. (21 марта 1590 года) перешедшие под управление османского государства – Тебриз и Караджадаг с окрестностями, Гянджа и Карабах с окрестностями, Ширван, Грузия, Нихавенд и провинции, Луристан и окрестности, не нападать, не разорять и не допускать никаких действий, противоречащих мирным отношениям.

3) после заключения договора не предоставлять убежища и не оказывать покровительства лицам, повинным в

мятежах, восстаниях и пр.

4) для установления границ в соответствии с этим договором с османской стороны назначены беглярбек Иревана Хызыр-паша и Хусейн – из придворных, состоящих на службе в Высокой Порте.

Этим был положен конец 12-и летней осmano-сефевидской войне 1578-1590 гг. и подписан второй мирный договор между Османской империей и Сефевидским государством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История азербайджанского государства Сефевидов и его взаимоотношений с соседними государствами, в особенности, с Османской империей нашла отражение в многочисленных средневековых сочинениях той эпохи, изучение которых представляет для нас исключительное значение. Однако использование этих источников достигает цели лишь при условии критического анализа и установления их достоверности путем сопоставления отдельных памятников и содержащихся в них сведений.

Исторические труды османского летописца XVI века Ибрахима Рахимизаде содержат много ценных сведений и являются свидетельством очевидца событий османо-сефевидской войны 1578-1590-х гг.

Так, данные Зафарнаме свидетельствуют о том, что еще за несколько лет до начала этой военной кампании Османская империя планировала развязывание войны против Сефевидского государства, а когда наступил благоприятный момент, первой нарушила существовавший договор, подписанный в Амасье в 1555 году.

Труды Рахимизаде, в которых последовательно отражены походы Лала Мустафа-паши, Осман-паши и Фархад-паши в земли Сефевидского государства, позволяют более подробно проследить ход военных действий и их итоги. Приводимые Рахимизаде исторические факты свидетельствуют о том, что с самого начала войны кызылбашские племена оказывали ожесточенное сопротивление завоевателям, невзирая на значительное превосходство османской армии, как в живой силе, так и в вооружении. Причем зачастую кызылбашам приходилось противостоять не только самим завоевателям, но и вступившему с ними в союз оппозиционно настроенному местному суннитскому населению. Это обстоятельство облегчило османам взятие многих городов Ширвана – Шемахи, Ареша, Дербента и др.

В условиях внутривосточной нестабильности в Сефевидском государстве, отсутствия сильной центральной власти, недостаточной координации и мобилизации сил героические усилия кызылбашских племен были обречены. При всей самоотверженности кызылбашских предводителей Токмак-хана Устаджлу, Арас-хана Румлу, шахзаде Хамза Мирзы и пр. действия сефевидской стороны не сумели вылиться в организованное и консолидированное сопротивление противнику в масштабах всей страны.

Материалы трудов Рахимизаде дают возможность оценить роль крымских татар, участвовавших в османо-сефевидской войне 1578-1590 гг. на стороне Османской империи. Как показал анализ фактического материала, в значительной мере благодаря участию крымской армии Османпаше удалось добиться победы в ряде сражений и, в конечном счете, закрепиться в Ширване.

При изучении трудов Рахимизаде следует помнить, что, выступая с позиции «правоверного суннита», он всячески пытается оправдать и возвеличить политику своего государства, чьим «священным долгом» было вступление в войну с «заблудшими кызылбашами». Так, поход на Ширван был вызван, согласно Рахимизаде, провокационными действиями сефевидской стороны и стремлением османов «положить конец распространившейся там «нечисти» и освободить правоверных мусульман-суннитов из-под шиитского гнета. При этом автор полностью игнорирует истинные причины развязывания войны, которые заключались, главным образом, в геополитических и экономических интересах Османской империи.

Однако, несмотря на тенденциозный и односторонний характер трудов Рахимизаде, они несомненно являются ценными первоисточниками и имеют важное значение при изучении военно-политической истории Азербайджана в последней четверти XVI века и его отношений в этот период с Османской империей.

XÜLASƏ

Monoqrafiya XVI əsr Osmanlı tarixçisi İbrahim Rəhimizadənin əsərləri əsasında Azərbaycan tarixinin müvafiq dövrünün tədqiqinə və eyni zamanda həmin əsərlərin bir mənbə kimi elmi təhlilinə həsr olunub. Monoqrafiya girişdən, üç fəsildən, nəticədən, eləcə də Rəhimizadənin əsərlərindən seçilmiş hissələrdən, istifadə olunmuş mənbə və ədəbiyyat siyahısından və xəritədən ibarətdir.

Girişdə mövzunun aktuallığı əsaslandırılmış, tarix elmi üçün ilkin mənbələrin tədqiqinin və tarixşünaslığa cəlb edilməsinin hər zaman müstəsna əhəmiyyətə malik olması göstərilmişdir. Osmanlı salnaməçisi Rəhimizadənin əlyazma əsərlərinin XVI əsrin son rübündə Səfəvi-Osmanlı münasibətlərinə, konkret olaraq 1578-1590-cı illər Osmanlı-Səfəvi müharibəsinə dair bir mənbə kimi əhəmiyyəti göstərilmişdir.

Şah İsmayılın rəhbərliyi ilə Qızılbaş tayfaları tərəfindən 1501-ci ildə qurulan və qısa zamanda qüdrətli imperiyaya çevrilən Səfəvi dövləti Azərbaycanın orta əsr tarixinin zirvəsini təşkil etdi. Eyni zamanda bu dövlət xalqımızın əsrlər boyu yaratdığı dövlətçilik tarixində özündən əvvəlki və sonrakı Azərbaycan dövlətləri kimi sadəcə bir mərhələni təşkil etdi. Bu nöqtəyi nəzərdən, zənnimizcə, Səfəvi-Османлы мünasibətləri də, Osmanlı imperiyası və bir-birini tədricən əvəz edən Azərbaycan dövlətləri arasında tarixən inkişaf edən münasibətlərdə müəyyən bir mərhələ kimi qəbul olunmalıdır. Bütövlükdə, Azərbaycan-Türkiyə münasibətlərinin çoxəsrlik, yəni XV əsrin əvvəllərində meydana gəldiyi andan bu günədək olan tarixinə nəzər salsaq, görürük ki, müəyyən dövrlərdə bu əlaqələr xarakter etibarilə xoşməramlı olub. Ayrı-ayrı dövrlərdə, tarixin ən çətin, kəşmə-kəşli anlarında isə Türk və Azərbaycan xalqlarını bir-birinə bağlayan mübaliğəsiz deyə biləcəyimiz, həqiqətən də qardaşlıq köməyi və təəssübkeşliyi olub. Deyilənlər yalnız yaxın keçmişdə baş verən məlum hadisələrə deyil, həm də daha erkən dövrlərdə cərəyan edən vəqələrə aiddir ki, bunlar xalqlarımızın

tarixi yaddaşında əks olunmuşdur. Səfəvi-Osmanlı qarşিদürması isə həm Azərbaycan, həm də Türk xalqlarının tarixində ən acı və təəssüf doğuracaq hadisə olduğu üçün onun obyektiv tədqiq edilməsinə və tarixin ibrətamiz dərslərindən nəticə çıxarılmasına xüsusi ehtiyac vardır.

Birinci fəsil “İbrahim Rəhimizadənin şəxsiyyəti və əsərləri” adlanır. Burada Rəhimizadənin Osmanlı sarayında xidmət etdiyi və Lələ Mustafa paşanın katibi olaraq 1578-ci ildə başlayan Şərq yürüşündə iştirak etdiyi göstərilir. Rəhimizadənin həmin hadisələrə həsr etdiyi “Zafername-yi Sultan Murad xan”, “Gonçe-yi bağ-i Murad” və “Gencine-yi fath-i Gence” əsərlərinin mənbəşünaslıq xarakteristikası, öyrənilmə səviyyəsi əks olunmuşdur.

“1578-90 illər Osmanlı-Səfəvi müharibəsinin səbəbləri” adlanan ikinci fəsildə müəllif göstərir ki, Rəhimizadə təmsil etdiyi Osmanlı dövlətin ideologiyasından çıxış edərək, Osmanlı-Səfəvi müharibəsinə sünnü-şii ədavətindən irəli gəldiyini göstərir. Halbuki bunun əsl səbəbləri geostrateji və geopolitik amillər idi. Bir tərəfdən Xəzər dənizi və Volqa çayı marşrutu üzrə yeni yaranan ticarət yoluna sahib çıxmaq, digər tərəfdən isə, Osmanlı protektoratı altında olan bir çox əraziləri artıq ələ keçirmiş və qüvvətlənməkdə olan Moskva dövlətinin cənuba doğru genişlənen işğallarına qarşı qoymaq istəyi Osmanlı dövlətini müharibəyə vadar etdi.

Üçüncü fəsil “1578-90 illər Osmanlı-Səfəvi müharibəsi” adlanır və 5 paragrafdan ibarətdir. Burada müharibə ərəfəsində Səfəvi dövlətində yaranmış vəziyyət, Osmanlıların müharibəyə hazırlaşması və həyata keçirdikləri tədbirlər, Lələ Mustafa paşanın sərdarlığı ilə başlayan Şərq yürüşü, 1578 ildə Gürcüstanın və Şirvanın Osmanlılar tərəfindən işğalı, Şamaxı döyüşü, Qızılbaş ordusunun əkshücumu nəticəsində Osman paşanın Dərbənd qalasına sığınması və sair hadisələr tədqiq edilmişdir. Bu fəsildə həmçinin 1583-cü ildə Fərhad paşanın İrəvan şəhərini tutması, 1585-də Osman paşanın Cənubi Azərbaycana hərbi yürüşü, Təbrizin ələ keçirilməsi, və, nəhayət, 1588-də Fərhad paşa tərə-

findən Gəncə və Qarabağın işğalı əks olunmuşdur. Ayrıca Osmanlıların müttəfiqi olan Krım tatarlarının Azərbaycana etdikləri yürüşlər və onların ağır nəticələri də təhlil olunmuşdur.

Nəticə hissəsində tədqiqatdan irəli gələn əsas müddəalar və ümumiləşdirmələr yer almışdır. Rəhimizadənin əsərlərində əks olunan faktlara əsaslanan müəllif göstərir ki, Osmanlı ordusunun say, silah, xüsusilə odlu silah, təşkilatçılıq baxımından üstün olmasına baxmayaraq, Qızılbaşlar müharibənin ilk anlarından sərt müqavimət göstərdilər. Lakin Səfəvi qüvvələrinə rəhbərlik edən Tokmak xan Ustaclu, Aras xan Rumlu, şahzadə Həmzə Mirza və s. Qızılbaş əmirlərinin şiddətli müqavimətinə baxmayaraq, mərkəzi hakimiyyətin zəifliyi, ölkədəki qarışıqlıqlar və qüvvələrin lazımı səviyyədə səfərbər olunmaması nəticəsində Səfəvilər məğlubiyyətə düşər oldular.

Kitaba Rəhimizadənin əsərlərindən əsasən Azərbaycan tarixinə dair parçalar rus dilinə tərcümədə, həmçinin hərbi yürüşləri əks etdirən xəritə də daxil edilmişdir.

SUMMARY

Monograph has been dedicated to the research of the Safavid-Ottoman relations in the last quarter of the XVI century based upon Ottoman chronicler Ibrahim Rahimizadeh's works and to the scientific analysis of these works as well. Monograph consists of introduction, 3 chapters, a conclusion, a summary, translation from Rahimizadeh's works, a list of sources and literature and the map.

In the Introduction the author has grounded the topicality of the theme and noted that the research of primary sources and their drawing into historiography has always been of exceptional importance for the science of history. It is examined value of Rahimizadeh's manuscript works as a source concerning to the Safavid-Ottoman relations of the last quarter of the XVI century, definitely, the Ottoman-Safavid war of 1578-1590.

The Safavid state established in 1501 by the Gizilbash tribes, Shah Ismail being on the head, In a brief period of time became a mighty empire, forming the summit of Middle Age history of Azerbaijan. But at the same time the Safavid state as well as the preceding and following states was only one of the stage in the centuries-old state system of our nation. Therefore the Safavid-Ottoman relations should be considered as only a part of relations between the Ottoman Empire and the Azerbaijani states replacing one another. If we have a look over the many centuries old history of those relations, namely, from the XV century, when they were established, up to date, then we can see that these relations mainly had been well-disposed. Moreover in different times, in the hardest and tragic instants of the history Turkish and Azerbaijani peoples rendered truly fraternal help to each other. Aforesaid applies not only to well-known developments of the comparative recent times, but to the distant past as well.

As the Ottoman-Safavid confrontation being the bitterest events in the history of both Turkic and Azerbaijani peoples,

there is a great need for the impartial investigation and for receiving the lessons of history.

Chapter I is titled “Ibrahim Rahimizadeh’s personality and his works”. It is noted that Rahimizadeh served in the palace of the Ottomanids and as secretary of the Ottoman commander-in-chief Mustafa pasha participated in the march to the East began in 1578. The characteristic of Rahimizadeh’s works “Zafar-name-yi Sultan Murad khan”, “Goncha-yi baghi Murad” and “Ganjine-yi fatkhi Ganja”, which narrate those events, has been reflected there.

In the Chapter II titled “Reasons of the Ottoman-Safavid war of 1578-90-s” the author notes that Rahimizadeh as an apologist of the Ottoman state ideology adhered to the position that the Ottoman-Safavid war was the result of hostility between the Sunnites and Shiites. Nevertheless, the main reasons were the geopolitical and strategic factors. On one hand, the striving for taking under control the trade ways on the route through the Caspian Sea and the river Volga, on the other hand, the necessity to stand against the increasing invasions of the Moscow State towards the south induced the Ottoman State to the war.

In the Chapter III titled “The Ottoman-Safavid war of 1578-90-s” consists of 5 paragraphs. The situation created in the Safavid State on the eve of the military campaign, preparation of the Ottomans to the war, arrangements realized for this purpose, the march to the East started by Ottomans under the command of sardar Mustafa pasha, occupation of Georgia and Shirvan, the battle of Shamakhy, taking shelter of Osman pasha in the fortress of Darband at the result of Gizilbash army’s attack and other developments have been investigated there. Besides, occupation of the town of Revan in 1583 by Farhad pasha, Osman pasha’s march on the South Azerbaijan in 1585, capture of Tabriz and, finally, occupation of Ganja and Garabagh by Farhad pasha in 1588 have been reflected there. The allies of the Ottomans, the Crimea tatars’ marches on Azerbaijan and grave results of them have been investigated as well.

The main theses of the investigation and summerizings have had a place in the conclusion. Basing upon the facts from Rahimizadeh's works the author notes that although the Ottoman army outnumbered the Gizilbashes and excelled them in armament, especially in artillery, and in organization, the Gizilbashes showed a firm resistance. But in spite of violent repulse of such Gizilbash chiefs as Tokmak khan Ustajlu, Araz khan Rumlu, the prince Hamza Mirza and others nevertheless the Safavids were defeated over inability of central government to consolidate the Gizilbash tribes and mobilize its forces.

Passages translated from Rahimizadeh's works into Russian and the map reflecting the marches have also been included into the book.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ТРУДОВ ИБРАХИМА РАХИМИЗАДЕ

“ЗАФАРНАМЕ-ЙИ ХАЗРАТ СУЛТАН МУРАД-ХАН”

Раздел II. Глава 1. События, произошедшие на пути следования из Эрзрума в Тифлис

(12-а)...Вознамерившись покорить Гюрджистан [османская армия] в счастливый час выступила из Эрзрума и, следуя в указанном направлении, в тот же день благополучно прибыла в Хасанкалеⁱ, что находится на известной равнине, называемой Пасин овасыⁱⁱ. Сюда в виду важности охраны границ Эрзрума вместе с войском из Сиваса был назначен опытный и повидавший жизнь беглярбек Сиваса Махмуд-паша, который к тому же был старшим братом четвертого везира Синан-паши (12-б). В указанном пункте был размещен полк. Было решено, чтобы беглярбек Эрзрума Бахрам-паша, забрав повозки с пушками, через крепость Олту выступил вперед. Вслед за ним незамедлительно выступил и сам [Мустафа-паша], и на пятый день благополучно прибыл в пункт Басмали. Сюда же для изъявления покорности прибыл кетхудаⁱⁱⁱ одного из гюрджистанских меликов презренного правителя Пашачуга^{iv} вместе со знатными беками и несколькими улусбеками. Прислав несколько сопряженных с грехом подарков, [он] заверил, что вместе со своим потомством и подданными является привязанным за горло рабом счастливого падишаха, владыки семи климатических поясов и что их владения также принадлежат падишаху. «Отныне, – говорили они, – мы не свернем с пути смирения и до самой смерти намерены сохранять преданность [падишаху]». После этих слов достойнейший сардар, действуя согласно старой пословице «если хочешь умыкнуть коня, сначала брось кость в пасть стерегущего его

пса», оказал прибывшим большие почести, одарил подарками и пообещал пощадить их жизни и имущество, если они сохранят верность данному обещанию. На четвертый день после этого армия прибыла в крепость под названием Ардахан. (13-а) В этот день был пожалован санджак кетхуде беглярбека Вана Хосров-паши, [благодаря действиям которого] были приведены нужные доказательства^v. Затем для изъявления преданности прибыли послы ряда гюрджистанских меликов с повинными грамотами и подарками. Им были вручены высочайшие султанские грамоты о помиловании и, таким образом, осуществилось покорение большинства врагов веры, что внушило некоторую уверенность и спокойствие духа. В таком расположении духа исламские войска на 6-ом конаке^{vi} прибыли на Чылдырскую равнину. Они окружили здешнюю крепость^{vii} и с четырех сторон установили огнедышащие пушки. В то время как крепость под атаками всепокоряющих султанских войск начала сдаваться, беглярбек Диярбекра Дервиш-паша выступил вперед в качестве боевого патруля.

Между тем, как сардаром проклятых [кызылбашских] войск был назначен правитель Гянджи Имамгулухан^{viii}, Токмак-ак^{ix} вместе с некоторыми знатными султанами во главе свыше 50.000 иракских воинов сам встретился с передовыми османскими частями. Хотя и было яснее ясного, что один беглярбек не в силах противостоять такой многочисленной армии, тем не менее, вышеуказанный паша [Дервиш-паша] из чувства благородной зависти сказал себе: «Я справлюсь один». Не известив никого и не попросив о помощи, он вступил в бой.

(13-б) Само поле битвы было охвачено печалью. В ходе сражения много оджак-беков^x из числа курдских эмиров стали шехидами, а также много отважных эмиров из владельцев тимаров и зеаметов^{xi} вознеслись в райские сады. Сам [Дервиш-паша] был сбит с коня. Когда прибывший голец сообщил славному сардару о том, что [османским] вой-

скам грозит полный разгром, а врагам их – удача, он не потерял хладнокровия, слова «враг наступает» вовсе не действовали на него. Он был тверд и неприступен подобно искендеровой стене. «Пусть Осман-паша со своими войсками немедленно выступает», – приказал сардар и тогда этот тигр во главе своих кулларов и отважных воинов, верхом на коне подобно Хызру прибыл на поле боя. Благодаря помощи владыки мира и благословенным молитвам падишаха, главы халифата, зловредные отряды были охвачены таким страхом и ужасом от напористости и отваги единобожных войск, что каждый из воинов казался им бесстрашным тигром и они, бежали с поля боя. Но когда решили вернуться, (14-а) [на поле боя] подоспел беглярбек Эрзума Бахрам-паши и командированный из Мараша Ахмед-паша, и это еще более укрепило положение османов и стало причиной поражения врагов. Ближе к закату солнца силы противника были расстроены. Проливные дожди, которые шли из сострадания к павшим шехидам и из злорадства к врагам веры, смешавшись с кровью солдат, образовывали реки, уносившие тела воинов ислама в райские сады, а трупы врагов – ввергавшие в адский огонь. Однако, ни мрак ночи, ни невыносимые дожди, ни страх перед врагом не могли удерживать воинов ислама, они продолжали убивать и убивать.

Сражение, начавшееся на рассвете, продолжалось до вечера и снова до утра. Было убито свыше 4000 проклятых [кызылбашей], захвачено 13 пар литавров. Нагромоздив отрубленные головы на медные подносы, радостные и веселые османы направились к достойнейшему сардару. (14-б) В это время прибыли послы могущественного правителя лицемерной страны Гюрджистан, потомков Кейхосрова, правителя крепости Алтункале мелика Кваркаре и мелика Менучехра, которые уже ранее изъявили покорность, а теперь надеялись получить разрешение прибыть и припасть к благословенным стопам [сардара]. Получив разрешение, они прибыли в тот же день. Был организован большой ди-

ван, забили в барабаны, были выстроены полки, [прибывшие] грузинские эмиры расселись справа и слева от отважного и просвещенного везира.

Один за другим под барабанный бой со своими войсками и захваченными пленными подходили Дервиш-паша, Осман-паша, Бахрам-паша, Ахмед-паша и другие, чтобы облобызать руку достойнейшего сардара. [Сардар] своими благословенными руками собственноручно надевал на их головы сургучи, на плечи – халаты, а на пояс – сабли, украшенные драгоценными камнями.

Таким образом, он одарил отважных бойцов согласно их положению: кому-то выделил санджак, кому-то – зеамет, кому-то прибавил жалованье, а кого-то одарил подарками. Владения курдских эмиров, павших в бою, были закреплены за их потомками. Затем тут же напротив диванхане были разрублены мечами более 1000 безбожных сорхсаров, захваченных в плен. (15-а) Воодушевленные от полученных наград и подарков, люди поговаривали: «Хоть бы выпала еще одна возможность схватиться с врагом и показать, что значит биться насмерть ради августейшего падишаха». [В ходе этого сражения] против безбожных врагов было сделано столько выстрелов из пистолетов, сколько не выдывали со времен бахадура Исмаила. После вознесения благодарности Всевышнему и прочтения молитв во имя продления могущества султана из трупов и отрубленных голов были сооружены две башни, одну из которых назвали «башней тел», а другую – «крепостью царства небытия». Тут же Токмаку – бунтарю против религии – было написано письмо, содержание которого состояло из слов, драгоценных как жемчуг: «Целью похода исламских войск в этом направлении было завоевание Гюрджистана. Мы уважали и сохраняли существующее между нами перемирие и до настоящего времени не действовали против своих обещаний и не нарушали условий договора. Не было намерения и впредь делать этого. Но гнусные действия той [кызыл-

башской] стороны, противоречащие существующему миру, спровоцировали нас на завоевание Ширвана, Ирана и Турана вместе с Хорасаном. Да будет вам известно, что отсюда, уповая на всемогущество господина и чудодейственность главы пророков, да благословит и приветствует его Аллах, я направляюсь на завоевание Ширвана. (15-б) Не говорите потом, что не знали об этом». Из вышеуказанного пункта [войска] незамедлительно выступили в направлении страны сыновей вышеупомянутого Кейхосрова мелика Кваркаре и мелика Менучехра. В ответ на сделанное им предложение отказаться от приверженности шатру заблудшего шаха и подчиниться царственному чертогу Сатурна, они, хотя и имели в своем распоряжении более 10.000 отважных бойцов, волей-неволей перешли на сторону счастливого султанского порога. Назначив [сумму] джизьи, подлежащей для уплаты в государственную казну, выступили в сторону вилайетов знатных гюрджистанских меликов Вахтанга и Амилахора. Они также отреклись от приверженности вражеской [кызылбашской] стороне и выразили покорность, [обязавшись] выплатить в султанскую казну установленную шариатом джизью. Приняв решение достигнуть Тифлиса в 10 переходов, войско, ведомое победой, преодолевало то гористую местность, то широкие равнины, а то обрывистые лощины. Были местности, где подобно дождевым каплям скатывались на дно земли, или же подобно огненному дыму взвивались высоко в небо.

Глава 2. Взятие крепости Тифлис и о событиях до подхода к Ширвану

(16-а) На 20-ый день джумадуль-ахир 986 года (26 августа 1578 года), в понедельник прибыли к [предмету] томления правителей – крепости Тифлис, о которой упоминается в исторических книгах, и которая была построена во времена справедливого Ануширвана^{xii}. Сколько грандиоз-

ных сражений происходило за этот город! В то время как [они] надеялись в течение долгого времени прикрывать путь на Ширван, только лишь с помощью Всевышнего, чудодействию главы пророков и могуществу падишаха их малодушные сердца охватил ужас от многочисленности [османских] войск. Их правитель Давуд-хан^{xiii} особенно после разгрома Токмак-ака, впав в совершенную панику и смятение, собрав своих пособников – сорхсаров и грузин, вместе со своим потомством и родственниками, прихватив имущество и военное снаряжение, в полночь... покинул крепость. [Они] то скитались по степи, а то рассыпались по лесам и рощам. Как только об этом стало известно бесстрашным воинам, они тут же настигли их и неоднократно ввязывались с ними в бой, время от времени кто-то из них выходил из окрестных лесов, но терпел поражение и обращался в бегство. (16-б) С помощью владыки мира единобожные войска одержали победу, а враги веры, потерпели поражение и рассыпались – Тифлисская крепость была завоевана. По мере возрастания с каждым днем уверенности в [своей] безопасности, находившиеся в разброде раяты большей частью вернулись на свои места, со стороны падишаха была проявлена милость к почтенным среди них лицам – их одарили почетными халатами, оказали покровительство и расположение.

Красивая Тифлисская крепость по глубине своих рвов и симметрией башен является подобием Халебской крепости – достоинства арабских стран. Огромная река, называемая ими Кюр сую, подобно реке Туне^{xiv} протекает рядом с вышеупомянутой крепостью. С одной стороны, славный город со знаменитым фортом, с другой, пригород с некоторыми благоустроенными церквями, и в особенности с многочисленными ильче, находящимися в оврагах, напоминает Буд и Пешт в Энкрусе^{xv}.

25-го числа упомянутого месяца (31 августа 1578 года), что пришелся на пятницу, в соответствие с август-

тейшим намерением счастливого падишаха – покровителя религии, появилась большая мечеть, и были определены села для передачи под вакуфы^{xvi}. Когда все приготовления для проведения пятничной молитвы были завершены, собралось все мусульманское население и на имя августейшего падишаха была прочитана прославляющая хакана хутба. После произнесения присутствующими газиями и борцами за веру тысяч возгласов и стенаний во имя упрочения могущества султана (17-а) на минбар взошел дама^{xvii} – гордость улемов^{xviii} и толкователей [Корана] Мевляна Валехи Эфенди. Произнесенные им великие аяты и хадисы великодушного пророка, четкое обоснование на законе шариата того, что осуществляемые поход и джихад являются богоугодным делом, привело исламское войско в религиозный трепет, они вознесли многократные молитвы во хвалу властелина мира и продления величия и могущества избранного падишаха. Затем из числа бёлюк халкы^{xix}, янычаров и прочих были назначены [части] для охраны [крепости], выделено вооружение, завершены дела по оснащению вышеупомянутой крепости пушками и другим оружием, обеспечены запасы провианта и выделены средства на расходы. Беглярбегство было пожаловано нынешнему санджакбеку Кастамону Мухаммед-беку – сыну покойного Солак Фархадпаши, который до конца жизни был беглярбеком Багдада. Во время привала, совершенного на третьем переходе отсюда на берегу реки Габырры^{xx}, состоялось прибытие сына Левенд-хана Александр-хана^{xxi}, который умело управлял упомянутым вилайетом со времен Кисры по настоящее время, имел в своем распоряжении до 30-40 тысяч воинов и пользовался вниманием шаха. Если до сих пор он ни перед кем не заискивал, не склонял головы, и даже, несмотря на неоднократные предложения шаха Тахмас ибн Хуннаса^{xxii}, (17-б) которому [Александр-хан] приходился шурином, не надел таджа^{xxiii}, то сейчас он впал в полное смятение и ужас от могущества и величия бойцов падишаха. Для его встречи

помимо возглавляющего [церемонию] везира, в украшенный шатер благородного Сардара прибыли все мирмираны и отважные эмиры, прочие победоносные войска в превосходном убранстве и с не поддающимися описанию почестями прибыли и выстроились по колоннам. Отважный везир не жалел сил, наряжая лагерь войск падишаха – прибежища мира и свой шатер как изнутри, так и снаружи. Когда они прибыли и вышеупомянутый хан [Александр-хан] спешился, [сардар] направился до навеса, чтобы встретить его, он протянул руку для рукопожатия, но [Александр-хан] почтено упал ему в ноги. Поцеловав и обняв, [сардар] поднял [его] с земли и указал место на устланной чехлами скамье. Янычары вместе с барабанщиками устроили такое веселое представление, что невозможно передать. Религиозный трепет, охвативший людей, многочисленность исламских войск падишаха, величие и слава счастливых газиев привели вышеупомянутого в состояние полного изумления. Он был вне себя, погруженный [в эту атмосферу], когда ему преподнесли три великолепных халата, (18-а) один осыпанный драгоценными камнями сургуч и превосходного коня. 150 человек из его окружения были награждены почетными халатами. Страна, находящаяся под его управлением и [перешедшая] к нему [по наследству] от деда к отцу, была пожалована ему в качестве беглярбегства. [Чеканка] монет и [чтение] хутбы стало осуществляться на имя падишаха веры, увековечившего халифат, их джизья по шариату пополнила казну, поступила в полную казну. Одним словом, его высокий порог стал рабом хагану, [ему] были вручены августейший берат^{xxiv} и сопряженный со счастьем ахднаме^{xxv}, а в сердцах воцарилось полное успокоение. До подхода к границе Ширвана [Александр-хан] отслужил большую службу, сопровождая войска и доставляя достаточное количество провизии во время остановок на привал, а также своей обходительностью и доброжелательным обращением. Хотя и было ясно, что такое поведение Александр-хана все-

го лишь притворство, и что устранение вышеупомянутого отвечало бы [интересам] религии и государства, счастливый сардар все же купился на его услужливость, говоря: «если казнить или схватить его сейчас, то больше никто не изъявит нам покорности, а может, отвернутся даже те, кто уже покорился. Они ополчатся против нас, преградят путь, а на обратном пути станут чинить препятствия исламским войскам. Сейчас стоит задобрить его, оказав высокий прием, а на обратном пути разберемся, иншаллах». (18-б) Так, по своей беспечности упустил сокола страны, который сам прилетел к нему в руки. Но запоздавшее раскаяние бесполезно. Были предприняты тысячи различных уловок и хитростей, но все безуспешно. [Александр-хан] не то, что не пришел к ним, мало того он исчезал при виде их следа, поневоле издалека выражал покорность. Но тот, кто убегает, рано или поздно оказывается схваченным.

Глава 3. В ней описываются события, произошедшие со времени вступления османской армии в Ширван и до возвращения ее в Эрзрум

[Османская] армия выступила из Тифлиса и на 9-ом переходе 5-го числа почитаемого месяца раджаба 986 г. (8 сентября 1578 г.) подошла к берегу глубокой реки, называемой ими Канык^{xxvi}, преграждающей путь на Ширван. Если представить эту страну в виде крепости, то Канык можно считать ее глубоким рвом. [Османским] войскам не удалось переплыть ее из-за сильного течения в реке и разлива.

На следующий день, т.е. во вторник рано утром, сюда же подошли кызылбашские войска. Их предводителем был прославленный своей смелостью и отвагой заблудший (19-а) Амир-хан, пользующийся уважением везир и векил сбившегося с истинного пути шаха. Здесь были и его несчастный сын Мурад Султан, правитель Мугана, и Шереф-хан Бидлиси, правитель Нахчывана, некогда сбежавший из

страны падишаха, отцом которого был достойный человек, и разрешающий проблемы Халифа Ансар, правитель Караджадага; и Донбал Хаджи-бек^{xxvii} – один из военачальников в Чалдыране^{xxviii}, и известный среди них своей отвагой Мирза Али – бек Капана^{xxix}; и кроме них еще много сбившихся с истинного пути султанов и ханов-смутьянов, тех, кто не верит в день страшного суда.

Более 20.000 [кызылбашских] кровопийц бросились в атаку, вознамерившись отомстить за поражение, которое ранее, с божьей помощью, османы нанесли проклятому Токмаку^{xxx}, и помешать доблестным воинам добраться до Ширванского вилайета.

Еще раньше кызылбашам удалось захватить несколько верблюдов и лошадей, разбредшихся по полю. Они сочли это за хорошее предзнаменование и возгордились своей победой. Как только был дан приказ к наступлению, расположившиеся на берегу реки Куры три больших [кызылбашских] полка бросились в воду. Переплыв реку в местечке Коюн-кечиди^{xxxi}, они налетели на [османов]. Сардар [Мустафа-паша] со свирепостью страшного льва твердо защищал свою позицию и ни на шаг не сдвинулся со своего места. (19-б) А бесстрашные полководцы, отважные эмиры и самоотверженные воины, получив приказ перейти в контратаку, тут же переплыли реку Габырры, которую в течение двух дней невозможно было переплыть из-за сильного наводнения и с возгласами «Аллах-Аллах» яростно набросились на врага.

Разразилось кровопролитное сражение. Под ударами мечей, цена которым 40-50 акче^{xxxii}, крепкие тела воинов, хранившие в себе их бесценные души, ниспровергались во прах и смешивались с землей. Пламя войны разгоралось все сильнее, будто уже наступил день страшного суда.

Тогда отважному сардару [Мустафа-паше] пришлось, выстроив впереди себя капыкулларов^{xxxiii}, янычаров и артиллерию, а позади себя – отважных газиев, вскочить на

своего коня и вместе со своими достойными воинами броситься в атаку.

В результате ожесточенного сражения исламские войска одержали победу, а враги были разгромлены и обращены в бегство. Охваченные страхом и ужасом, и, не разобрав в ночной темноте место переправы, [кызылбаши] поневоле бросались (20-а) в упомянутую реку где попало, но переправиться не могли. Их тела отправились на дно реки, а души попали в адский огонь в полное подтверждение известных слов аята «Были они потоплены и введены в огонь»^{xxxiv}.

Донбал Хаджи-бек и бек Капана – Мирза Али-бек были схвачены живыми и преданы публичной казни на площади. Когда их упали на черную землю... А от схваченных «языков» и прибывших на следующий день с вражеской стороны храбрецов стало известно, что более 5000 заблудших воинов было разрублено мечами, а около 10.000 нечестивцев потонуло в глубокой реке. И если бы не мрак ночи, ни один из них не смог бы спастись...

Затем сардар... собрал диван, на котором присутствовали воины исламского войска, участвовавшие в этом победоносном сражении, и каждый из них по высочайшей царской милости был удостоен повышения в чинах и званиях. А те, кому повезло в меньшей степени, были одарены прекрасными халатами.

(20-б) Те, кому удалось спастись из этого кровопролитного сражения и избежать мечей газиев, нашли убежище у проклятого Арас-хана, который вместе с несколькими своими соратниками во главе свыше 10.000 безбожников расположился на берегу глубокой реки Канык, днем и ночью ожидая возможности переправиться через нее.

«Мы помешаем исламским войскам переплыть эту реку и воспрепятствуем их вторжению в исламские владения» – ошибочно предполагали они.

Могущественный сардар [Мустафа-паша] медлил с переплытием упомянутой реки. Воспользовавшись такой ситуацией, капыкуллары и янычары взбунтовались, требуя возвращения армии назад: «Приближается зима, – говорили они, – если мы останемся зимовать здесь, то из-за нехватки продовольствия и фуража, а также денег, мы обессилим и попадем в руки врага. А если мы повернем назад, чтобы затем вновь вернуться, то уже в дороге будем настигнуты холодами. Если ты решил наступать, что ж, пусть сопутствует тебе удача, мы же заберем казну и знамя и вернемся в Эрзрум».

(21-а) Чтобы обсудить создавшуюся ситуацию, предприимчивый сардар собрал диван, на котором присутствовало все воинство ислама. Он сказал: «Если мы успешно форсируем эту реку, то завоюем Ширванский вилайет и захватим достаточное количество трофеев... А иначе, если мы направимся в Эрзрум, то запасов нам едва хватит до Ардахана и, упаси господь, если недостаток продовольствия вызовет недовольство и смуту в армии. К тому же прибыли гонцы от суннитов Ширвана. Они сказали: «Переплыв упомянутую реку и вступив в страну Ширван, армия одержит победу, а кызылбашей ожидает разгром и поражение. Голод и лишения уступят место достатку, а пережитые страдания – покою. Кроме того, сражаясь с неверными, вы совершаете джихад, а это есть благое дело. В случае же если вы вернетесь назад, враги чарйара^{xxxv} скажут: «Вы были заодно с сержаскером [армии] веры и разрубят нас всех острыми мечами. Возвращением назад вы возьмете грех на свою душу, станете причиной нашего разгрома. Вы будете осуждены и наказаны самим падишахом за то, что (21-б) после растраты стольких денег и гибели стольких правоверных воинов вы не добились конечной цели».

После этих слов все присутствующие на собрании должностные лица единодушно согласились в необходимости наступления. Однако капыкуллары продолжали упор-

ствовать: «Мы не сможем преодолеть это наводнение», – говорили они. А тем временем, пока на берегу продолжались споры и столкновения, хитроумному сардару удалось, сговорившись с некоторыми преданными ему эмирами, втайне от всех переплыть реку и каким-то способом переправить казну и военное снаряжение на противоположный берег. Когда же мятежники образумились и последовали за ними, [в наказание] за то, что оспаривали фирман падишаха, убежища мира, были унесены речным потоком в небытие. Остальные же на 3-й день пути, преодолевая переход за переходом, прибыли в живописный город Ареш, являющийся красотой и достоинством Ширванского вилайета.

Сразу же по прибытии [османов] в вышеуказанный пункт между воюющими сторонами произошло несколько сражений, но каждый раз кызылбашская чернь терпела разгром и поражение, теряя убитыми по несколько человек. Наконец, убедившись в невозможности таким способом соединиться [с кызылбашами Ареша?], (22-а) они, расслышав о случившемся на подступах к Арешу, попытались спастись бегством. Населению данного вилайета заранее поступил августейший приказ «быть готовыми». Как только чархчи^{xxxvi} победоносной армии перешли в наступление, [кызылбашаи] все разом одновременно помчались к мосту. Но Создатель мироздания не пощадил их: мост рухнул, и неудачники, которые находились на нем, потонули, а их души попали в ад. Оставшиеся на берегу, лишившись возможности переправиться на другой берег, были вынуждены оказать сопротивление газиям ислама и вступить в бой с суннитами того края. Но и на этот раз победа оказалась на стороне исламской армии, а поражение и унижение – на стороне несчастных безбожников.

Таким образом, совершилось прибытие [османской армии] – на Арешскую равнину... Каждый мусульманин, каждый верующий^{xxxvii}, будь-то взрослый или юный, занялись розыском сорхсаров. Если это было необходимо, то

они сами же отрубали головы попадавших им в руки [кызылбашей], разоблачали мятежников. Ширванские сунниты (22-б) ежедневно со свирепостью тигров обыскивали окрестности, и если случалось им схватить какого-либо безбожника, то с возгласами «Аллах – Аллах» они приводили его на площадь и с чувством удовлетворения предавали его казни.

16 числа упомянутого месяца (19 сентября 1578 года), который приходится на пятницу, собрались сунниты для произнесения пятничной молитвы. На протяжении 70-80 лет они не слышали восхвалений в адрес Избранного главы [пророка Мухаммеда] и славного чарйара. И теперь произнеся молитву и услышав хутбу, прочтенную на имя августейшего султана, они вознесли бесконечные благодарения, из глубины их сердец вырвался плач... Красноречивые аджамцы, с наслаждением внимая оживляющим душу речам вышеупомянутого Шейха Валехи Эфенди, возносившего хвалу главе демонов и людей, и пророку религии, и могуществу падишаха ислама, совершенно очистились душой. Сокрушаясь по поводу прожитой в заблуждении жизни, они воспылали любовью к исламу...

(23-а) В городе Ареше издавна не было своей крепости. Строительство крепости было важным и необходимым делом. Под умелым руководством беглярбеков и, в особенности, Дервиш-паши и Осман-паши и при активном участии янычар и капыкулларов в течение одной недели была отстроена мощная крепость, окруженная глубоким рвом, с фортами и башнями, со складами для вооружения. Здесь была и просторная площадь, где 40-50 тысяч конников могли совершенствовать свое мастерство верховой езды.

Затем была завоевана и Шемаха, славный город Ширванского вилайета и приняты меры по организации его обороны. После этого был создан диван, чтобы выбрать достойного сардара на должность военачальника Ширванского эялета.

Сначала эта должность была предложена беглярбеку Диярбекра Дервиш-паше и другим почтенным беглярбекам, но ни один из них не осмелился занять эту должность. Тогда было решено, что было бы целесообразней, если назначенный на этот пост беглярбек был бы одновременно возведен в сан везира, чтобы иметь возможность распоряжаться вверенными ему войсками и завоевывать вилайет.

(23-б) Находящийся в родственных отношениях со счастливым сардаром Мухаммед-паша, который [некогда] был беглярбеком Эрзрума, польстился на звание везира. «Я останусь», – сказал он. Тут же был отдан приказ о его назначении военачальником Ширвана в сане везира. Однако, намерение [Мухаммед-паши] не было твердым, его храбрость словно улетучилась, как только ему было поручено отобрать войска, которые останутся с ним. Пожалев о своем решении, он сказал: «Лучше сейчас я признаю себя побежденным, нежели потом прослышу предателем», но при этом он лишился и должности беглярбека, которую занимал.

Вопрос об обороне [Ширвана] зашел в тупик. Могущественный сардар был сильно огорчен. «Какое бесчестие, – говорил он. – Мы пережили столько горя, страданий и лишений, растратили столько денег. В свое оправдание нам нечего будет сказать родственникам погибших людей ни на этом, ни на том свете. А теперь, к тому же, оказалось, что и мое слово ничего не значит. Как же будет злорадствовать наш враг! Сейчас вы молчите, а ведь каждый из вас с детских лет пользовался дарами падишаха и был возвышен его милостью. Конечно, бесполезно кого-либо из вас оставлять здесь. Будет лучше, если я сам останусь. А вы же будете призваны к ответственности и наказаны всеведущим падишахом».

(24-а) Присутствующие выслушали порицательную речь сардара, понутив голову, словно по горло были погружены в море смущения или же на их головы обрушилась лавина скорби. Смущенные и оцепеневшие, они молчали,

будто живые трупы, не найдя в себе ни мужества, чтобы сказать себе: «Ведь так повелевает наш султан!»; ни дерзости, чтобы сказать: «Нет, мы не останемся здесь».

Тогда перед собранием предстал Осман-паша, бывший некогда беглярбеком Диярбекара. Он сражался как лев и совершил много различных подвигов в сражениях при Чылдыре и Коюн-кечиди, и в битве с Амир-ханом, и в особенности, при покорении Гюрджистана и завоевании Ширвана.

«Что за безмолвие!» – сказал он... Я ожидал вашего решения. Вы же, забившись в угол, храните молчание. Все мы были возвышены милостью падишаха, покорителя всех климатических поясов. И сейчас мы должны отплатить ему добросовестной службой. Чего же мы стоим, если не способны отдать свою жизнь ради процветания августейшего правителя. Если эта должность будет поручена вашему покорному слуге и будет выделено достаточное количество войск и казны, то я готов пожертвовать своей жизнью на этом пути и сгореть в огне усердия здесь на чужбине». (24-б) После этих слов Осман-паша занял свое место и замолк. А счастливый сардар [Мустафа-паша], подавив свое волнение, тут же преподнес ему в подарок халат, сургуч и меч, усыпанные драгоценными камнями, а также прекрасного коня. Тут же на основании султанского берата, на которой была оттиснута печать бриллиантовой тугрой^{xxxviii}, Осман-паша был утвержден в должности везира и главнокомандующего османскими войсками в Ширване.

«Пусть же выступят вперед отважные воины!» – сказал Осман-паша. Он соорудил свой шатер и под барабанный бой отделил свои войска. К нему присоединился беглярбек Руха Ибрахим-бек, сын Халваджи Мустафа-паши. Сын Искендер-паши Мухаммед-бек тоже выразил желание остаться при условии назначения его беглярбеком Карса. Его требование было тотчас удовлетворено. Но, будучи по натуре своей человеком трусливым и безвольным, он вскоре пожа-

лел о своих словах: «Что мне за дело! Что удерживает меня здесь? Не сегодня-завтра придут кызылбаши, горе нам тогда».

Говоря о его самоотводе, следует отметить, что он, в действительности, не заслуживал даже и должности беглярбека. Его назначение на этот пост было связано с надеждой на то, что в этом случае вместе с ним останутся находящиеся при нем отважные соратники его отца. (25-а) Санджак Санджар, которым он владел, был передан беку Амасьи – Будаг-беку, а Амасья – Заим Гасым-беку, он из кулларов Искендер-паши...

Когда беглярбеку Эрзрума Бахрам-паше было предложено остаться, он отказался, сославшись на слабое здоровье и физическую немощь. Тогда выбор пал на беглярбека Халеба Мухаммед-пашу, но он сказал высокомерно: «Я отказался остаться здесь даже в сане везира и главнокомандующего. (25-б) Неужели вы думаете, что я соглашусь остаться в качестве приспешника?». Когда же обратились к Ахмед-паше, лишённого поста беглярбека Мараша, он сказал: «Облеченные властью не пожелали остаться. Меня же невинного лишили власти. Так, с какой стати мне предлагаете эту службу».

В конце концов, было решено оставить при втором сардаре Осман-паше Гейтас-бека, бывшего некогда мирасхуром^{xxxix}, затем санджак-беком^{xl} Маниса, а [недавно] назначенного беглярбеком Эрзрума. Но ввиду [недовольства] эрзрумских кулларов и отбытия их в направлении Рума, а также важности охраны рубежей Эрзрума, Мухаммед-паша был вновь назначен беглярбеком Эрзрума, а Гейтас-паша – беглярбеком Ареша с ежегодным доходом 500.000 акче.

Таким образом, были завершены дела по обеспечению Ширвана необходимым снаряжением и припасами, а также по присоединению к владениям падишаха Дербента, известного под названием Демиркапы – крепости, примы-

кающей к икендеровой стене и (26-а) являющейся удивительным проходом в Дешт-и кыпчак.

Безбожник Чыраг и его нечестивые пособники, а также правители соседних с икендеровой стеной областей и близлежащих к Дешт-и кыпчак местностей выразили полную покорность счастливому падишаху, прибывая лично, либо со своими посланниками присылая убудият-наме^{xli} славному сардару, прибежищу справедливости.

Каждый день был отмечен новыми победами и успехами [османской армии], благодаря которым осуществилось полное завоевание и присоединение к царским владениям Ширвана и, в частности, 9-и известных областей, и городов, таких, как Ареш, Шемаха, Кабала, Сальян, Шеки, Баку, Дербент, Махмудабад^{xlii}, Шабран. Были осуществлены меры по организации охраны и удовлетворению потребностей в вооружении, припасах и обслуживающем персонале. Кроме владельцев тимаров и капыкулларов для охраны областей записалось 5600 отважных кулкарындаши^{xliii}.

По завершении всех этих дел могущественный сардар выступил в обратный путь. Продвигаясь в сторону Грузии, к Тифлису, на 8-й день он прибыл в местечко под названием Султанджик^{xliiv}. Как только об этом стало известно Амиру Шамхалу, самому могущественному из дагестанских беков, возглавлявшему в это время поход в страну неверных черкесов, он тут же вместе с 40-50-ю близкими родственниками и друзьями не делая остановок, форсированным маршем перевалив через гору Эльборз, прибыл сюда, чтобы встретиться со счастливым сардаром. (26-б) Амир-хан, являясь обладателем благородного характера, был славным и почитаемым правителем в своей стране. Он имел 70-80-и тысячное войско и был приверженцем мазхаба шафиитов^{xlv}.

Ему был оказан почетный прием беглярбеками и воинами, затем [Амир-хан] с почестями был проведен в шатер сардара. Вознеся бесконечную благодарность Господу Богу, он выразил искреннее желание быть рабом вели-

чественного падишаха, правителя семи держав. За свою преданность и благочестие [Амир Шамхалу] преподнесли от имени султана почетный халат и прекрасных лошадей, мечи и сургучи, украшенные драгоценными камнями. Кроме того, он получил близлежащую к его владениям область Шабран в качестве лива^{xvi}. А его племяннику Пуча Лаву был отдан санджак Ахты Ширванского вилайета. Поручив им оказывать помощь и поддержку достойному Осман-паше, [сардар] мог более не тревожиться об охране [вилайета].

Гора Эльборз, сведения о которой мы черпали из исторических книг, написанных мудрыми людьми, и рассказы о которой нам доводилось слушать в меджлисах, является величественным краем, куда, возможно, даже не долетают птицы, не говоря уже о том, что со времён строительства Александровой стены и по сей день туда не ступала нога воина. Теперь же в дни [царствования] счастливого падишаха благодаря помощи Аллаха этот край был завоеван воинами исламской религии вдоль и поперек и здесь же [османская] армия пополнила свои запасы в питье и еде.

(27-а) Те, кто выразил покорность, получил аман, их семьи и имущество тоже не пострадали. А упрямцы, ступившие на путь неповиновения, стали пищей для мечей ганиев, их имущество же было разграблено.

Выступив из вышеупомянутого пункта, [османская армия] на 28-ом переходе добралась до Эрзрума. Невозможно передать словами все те трудности, которые встретились им на пути, и все горести и страдания, связанные с наступившими холодами.

Поэтому, довольствуясь сказанным, перейдем к изложению героических поступков счастливого Осман-паши в Ширванском вилайете.

Раздел III. Глава 1. В ней рассказываются о событиях, имевших место после назначения Осман-паши

военачальником Ширвана в сане везира, о сражении Гейтас-паши и пленении Арас-хана

(27-б) Как только счастливый сардар [Мустафа-паша] закончил дела, связанные с обеспечением Ширвана оружием, и выступил в направлении Эрзрума, вся работа обрушилась на везира Осман-пашу, подобного охотящемуся тигру. Но он был крайне удивлен, когда выяснилось, что не было оставлено даже 1/10 части от того количества войск и казны, которое было ему обещано. Словно мир обрушился на его голову. [Тогда] он сказал: «Раз уж так случилось, у нас нет иного выхода, кроме как сражаться до самой смерти, не роняя своего достоинства и своей чести».

Для начала было решено напасть на Порталоглу Ахмеда – султана Шекинской касабы Гянджинского вилайета, расположенного на противоположном от Ареша берегу реки Куры. Стало известно, что он [Порталоглу Ахмед] обладает [многочисленным] семейством и [крупным] состоянием. «Пусть воины победоносной армии испытают себя в схватке с врагом и наживутся на его состоянии», – решил [Осман-паша] и отправил одного из эрзрумских беков – Абдурахман-бека во главе с некоторым количеством воинов на строительство понтонного моста через упомянутую реку. Когда задание было выполнено, сам [Осман-паша] занял позиции у моста, а против врага отправил беглярбека Ареша – Гейтас-пашу во главе с достаточным количеством войск. Однако об этом стало известно проклятым безбожникам, и они, оставив все свое имущество и вещи, бежали вместе со своими семьями. Остались только воины. (28-а) В результате сражения с ними [османам] удалось захватить достаточное количество трофеев и с победой присоединиться к сардару [Осман-паше].

[Тем временем], стало известно, что бывший правитель Ширвана Арас-хан, и Эрдогду-хан, и еще много безбожных ханов засели в местечке Сальяна, подчиненном

Ширвану, и никак не угомонятся, подвергая исламские войска беспрестанным атакам. Тут же на их подавление было послано некоторое количество кулкардаши и 200-300 человек из числа капыкулларов во главе с сол улуфеджибаши^{xlvii} Хуррам-агой.

Противники, внезапно наткнувшись друг на друга ночью, вступили в бой, в котором обе стороны понесли потери и разошлись. Утром, когда рассеялся мрак, было обнаружено, что погибло значительное количество воинов ислама. Со стороны же противника [кызылбашей] было убито 300 человек и ранен выродок невежественного Арас-хана.

[А тем временем], Осман-паша готовился выступить походом в направлении Шемахи – необходимо было очистить исламскую веру от распространившейся там нечисти. Но, когда прибыли воины ислама и рассказали сардару о случившемся, он отложил свой поход в Шемаху, отправив туда своего кетхуду Хосрова, а сам вслед за ним выступил против Арас-хана. (28-б) В Ареше остался Гейтас-паша со своими войсками. Когда исламские войска прибыли в местечко под названием Зардав, к сардару пришли пиры и старейшины этого вилайета, предупредили его о том, что их ждет ужасная дорога до Арас-хана: на протяжении 5-6 конаков земля полностью опустошена, а жители разбежались. Поэтому прежде чем выступать в поход, необходимо запастись достаточным количеством припасов. Однако бесстрашный сардар сказал: «Необходимо выступать [немедленно]!».

Тогда к сардару пришли отважные эмиры. «По приказу счастливого султана мы готовы броситься в бой и сражаться, – сказали они, – наши бесстрашные сердца лишены страха смерти, и мы готовы сложить свои головы и ниспровергнуться в прах во имя счастья августейшего падишаха. Но отдаваться во вражеский плен из чувства голода недостойно нас, поэтому нам следует отправиться в Шемаху, чтобы оставить там обессиленных воинов и животных, и передохнуть в течение нескольких дней. (29-а) Затем мы

вновь отправимся по следу врага, мы обыщем все деревни, каждый уголок и с божьей помощью расправимся с ним».

Эти слова возымели действие на Осман-пашу и он согласился направиться на Шемаху. Вскоре распространилась радостная весть о том, что прибывает сын татарского хана Гарят Гирея^{xlviii} – Адиль Гирей-хан с 15-и тысячным войском татар, черкесов и ногайцев. С ними был бек Азка^{xlix} Мухаммед-бек, и еще три знаменитых чавуша¹, 300 янычар, охотящихся за врагом, и 10 штук зарбзановⁱⁱ. Эта новость очень обрадовала [османов] и придала им сил. «Мы дождемся их прибытия, затем совместно с ними выступим против врага», – решил [Осман-паша]. В то время как, устроив празднества и вознося бесконечные восхваления и слова благодарности всемогущему Господу Богу, [османы] пребывали в ожидании татар, внезапно с противоположной стороны появились сатанинские отряды во главе с безбожником Эрдогду-ханом и Арас-ханом, которому место в преисподней. «Османы очень слабы, а тем более, здесь, на чужбине, изнуренные страхом, они подавлены и растеряны. (29-б) Однако все-таки им удалось захватить наш вилайет, и теперь они ведут себя здесь как хозяева. Как же можно бездействовать и смириться, забившись в угол. Мы должны атаковать их. Иншаллах, удача будет с нами», – говорили они. Собрав более 20.000 воинов и трусливую пехоту из райятов, злонамеренные враги неожиданно подступили к Шемахе. Это произошло рано утром. Захватив все выходы из города, они словно кара небесная обрушились на него.

Навстречу вражескому полку во главе отважных воинов первым выступил Ибрахим-бек, сын Халваджи Мустафа-паши, который являлся правителем Руха, и разразилось кровавое сражение. Затем к ним присоединились объединенные силы счастливого сардара [Осман-паши], правителя Кухистана – Шамхал-хана, и правителя Гюрджистана Александр-хана, прибывшие со стороны кладбища. Оставив здесь свой груз, их конница (30-а) без промедления рину-

лась в бой. Сражение происходило на каждой улице, в каждом углу и с каждой минутой все сильнее разгоралось. Бои шли за овладение горной высотой, что находилась в центре [боевых действий] и по воле божьей неоднократно переходила то в руки воинов веры, то в руки нечестивых еретиков. Видя, как отважно, восклицая текбирⁱⁱⁱ и тахлилⁱⁱⁱⁱ, янычары захватили эту высоту, проклятые вскипели от ярости, в них взбурлило море чести, и они, сплотившись, неожиданно атаковали и отбили эту высоту. Поскольку большинство воинов ислама были пешими, многие из них пали шехидами, но достойнейший сардар даже не сдвинулся с места, его поведение никоим образом не изменилось, подобно льву он противостоял [противнику]. Благодаря его достойному поведению и стойкости, проклятые войска отступили. Если бы сардар, подобный могущественному Искендеру, не дай бог, оставил свою позицию или, если бы даже отвлекся, обратив свои всевидящие взоры на фланги, то тогда гибель постигла бы всех воинов ислама: они отправились бы в небытие, а их имущество и обозы были бы разграблены. Короче говоря, в тот день с самого утра до заката солнца продолжалось такое ожесточенное сражение, которое невозможно пересказать словами. Со стороны неверующих погиб нечестивый (30-б) сын Эрдогду Султана, и 800 подлецов стали пищей для мечей борцов за веру. [Со стороны же османов] 19 отважных львов отправилось в рай.

С наступлением вечера был дан сигнал к спокойствию и войска разошлись. Ночь провели кто в палатках и шатрах, а кто в амбарах, на крышах которых до самого утра горели костры. Будто наступил день Страшного суда и небеса и звезды обрушились на землю. До самого рассвета никто не спешил, а утро было встречено в страхе и ужасе. Подобно ночи в Кербела, все [воины] пребывали в ожидании мученической смерти за веру, но в это самое время неожиданно прибыл гонец от Гейтас-паши. «На нас наступает банда беспутных кызылбашей, – сказал он. Нам нужна ваша

поддержка. Если она не подоспеет подобно зефиру, мы сами будем не в состоянии оказать сопротивление, поскольку наши силы незначительны. [Это наступление кызылбашей] может стать причиной сокращения земель султаната».

Несмотря на то, что и здесь [в Шемахе] происходило сражение, великодушный сардар приказал куллар-аге Ширвана Хамид-аге во главе 700 воинов срочно выступить [в Ареш]. Но божья воля была такова, что кызылбашские войска в количестве 10.000 воинов прибыли [в Ареш] раньше них.

(31-а) Вышеупомянутый Гейтас-паша был человеком благородного происхождения и обладал мужеством, но при этом он был известен и ограниченностью ума. Он проявил неумелость в организации обороны. В то время как правильной расстановкой пушек и привлечением отважных людей можно было добиться полной победы, он [занялся тем], что создавал укрепления на каждой улице города, превратив его в сплошное ограждение.

[А когда появились кызылбашаи], он вместе с 200-300-ми соколов, по молодости лет, ослепленный своим тщеславием, не раздумывая, и без всякой подготовки ринулся навстречу вражескому войску. Большинство тех коварных воинов сидело в засаде, а остальные изобразили поражение и бегство, завлекая за собой преследовавших их [османов]. Оказавшись в окружении противника и не имея возможности повернуть назад, они были разрублены вражескими мечами. Так, вышеупомянутый паша [Гейтас-паша] пал шехидом и вознесся в мир иной. Подоспевших с другой стороны Хамид-агу и правителя Хасанкале в Эрзруме во главе более 300 отважных воинов постигла та же участь. Абдурахман-бека заманили в ловушку. А те воины, которым удалось избежать удара меча, потеряли всякую стойкость, словно тело, лишенное головы. Их преследовали и убивали жители вилайета, (31-б) а те, кому [все-таки] удалось спа-

стись живым, прибыли к несравненному сардару [Осман-паше] и сообщили ему эту горькую весть.

«Он [Гейтас-паша] стал жертвой своего злосчастливого тщеславия, – подумал сардар. Не дай бог, если эта [трагедия] станет причиной нашего поражения!» Эта новость была скрыта от всех, и уже на рассвете следующего дня с обеих сторон выступили конные отряды. Сардар, охотящийся за врагами, уповая на помощь могущественного Творца и произнося зикр^{liv}, оказал честь под звуки барабанного боя и литавра лично прибыть на поле боя во главе газиев ислама и отрядов правоверных, восклицающих текбир и тахлил.

В счастливом правом фланге армии находились правитель Дагестана, раб султана – Шамхал-хан и бек Санджара – Будаг-бек, а также Ахмед-бек, Пияла-бек, Гасым-бек и Хуррам-ага – начальник сол улuffedжи-баши при дворе султана.

В успешном левом фланге находились прибывший раньше [основных сил крымских татар] аталык^{lv} Адиль Гирей-хана Мухаммед-бек во главе отрядов татарских грабителей, а также беки Гюрджистана и Агдаша, и бек Садара – Омар-бек.

(32-а) Сатанинские отряды врагов веры возглавляли Арас-хан, Ядигяр-бек, Имамгулу, Порталоглу Пиргулу и другие хулители ал-аба^{lvi} и противники славного чарйара. В несчастный правый фланг был назначен убийца по имени Эрдогду, а в неудачный левый фланг – злобный пес по имени Хамза-бек.

Сражение, начавшееся на рассвете, продолжалось до вечера, а с вечера до самого утра и снова до заката солнца, не прекращаясь ни на минуту... Три дня и три ночи шла ожесточенная битва, а на четвертый день после полудня, когда воины ислама, осознав свое поражение, впали в отчаяние, по милости создателя земли и небес подоспело 15.000-ое татарское войско во главе с Адиль Гирей-ханом.

(32-б) Четыре [татарских] бёлюка, возглавляемые Адиль Гиреем, Саадат Гиреем и Гази Гиреем, без колебания бросились на врагов религии, которые, не имея возможности опомниться, обратились в бегство. При этом более 15.000 богоотступников отправилось в адский огонь преисподней. Их сардар Арас-хан, отмеченный знаком неустрашимости, и его недостойный сын Деде-хан были взяты живыми. Мирза Али Султан, и Хусейн-хан Султан, и правитель Гянджи Имамгулу Султан [также] были взяты живыми, а впоследствии – казнены^{lvii}. Были отрублены головы правителя Тура – Баба Халифы, правителя Гиляна – Сейид Мир Султана, сына Левенда – Иса Султана.

Короче говоря, из более, чем 20.000 воинов удалось спастись всего одной тысяче псов. Из отрубленных голов и трупов было сооружено 8 башен, а их злосчастные знамена валялись [на земле]. Эта победа была самой значительной из всех одержанных до настоящего момента побед и [даже] превосходила их всех вместе взятых.

Три дня продолжалось грандиозное пиршество, на котором чествовали прибывших [татарских ханов], каждый из них был одарен почетным халатом, (33-а) мечами и кинжалами, усыпанными драгоценными камнями, прекрасными лошадьми. Были устроены большие празднества.

Те [воины], которых настигла смерть на поле боя, прославились как шехиды, а оставшиеся в живых газии были награждены высокими званиями. На место покойного Гейтас-паши был назначен правитель Руха Ибрахим-бек, а санджак Рух был отдан Будаг-беку.

[Затем] татарское войско, охотящееся за врагом, отправилось в сторону Сальян, чтобы захватить имущество и семью безбожника Арас-хана, оставленные им на берегу Куры. К нему присоединились добровольцы из Диярбекра во главе с Пияла-беком. Татары настигли [людей Арас-хана] как внезапная смерть: подобно тому, как зерна уно-

сятся буйным ветром, так и их жизни были унесены внезапно налетевшим на них татарским войском...

Была захвачена большая добыча. Количество захваченных жемчугов, драгоценных камней, золота, акче было столько, что уступало место разве что количеству хвороста [на земле]. Кто-то завладел чернобровыми красавицами, кто-то тканями, а кому-то достался скот в несметном количестве. Караваны верблюдов, нагруженные всем этим богатством, напоминали караваны господ из Хиджаза и Индии, или же купцов из Ирака и Синда...

**Глава 2.[Повествует] о том,
как заблудший шах^{lviii} объявил нефир-и ам^{lix}
и направил своего сына во главе 80.000-ной армии
против Осман-паши, а также о пленении Адиль Гирея,
сына татарского хана, и впоследствии об укрытии
[Осман-паши] в крепости Демиркапы**

(33-б) Когда заблудший шах узнал о том, что переменчивая фортуна, многоликость которой отражается в зеркале времени, на этот раз обернулась потерей Ширвана и присоединением его к халифату османов, он сказал: «Я тысячу раз согласился бы на потерю одного лишь Ширвана. Но если этот счастливый сокол^{lx} совет свое гнездо в стране Ширван, то не миновать нам потери и Хорасана, и Ирана, и Турана. А мы сами превратимся в дервишей, облаченных в войлочные одежды, какими были и мои благородные предки». Море благородного пыла взыграло в нем.

Благодаря большим усердиям и безукоризненным действиям, (34-а) сплотив все силы, [Мухаммед Худабенде] собрал 80.000-ную армию. Объединенная кызылбашская армия с 8-летним мальчиком^{lxi} и его матерью, и с более чем 300-ми бесстыдными женщинами, а также с Халил-ханом, и Амир-ханом, и Копек-ханом, и Шахгулу-ханом, и горчибаши^{lxii} Парвана-агой, и юзбаша^{lxiii} Гейтас-агой, и другим Гей-

тас-агой, и с примкнувшими к ним бесчисленными беками и бесконечным количеством собак, неизвестных и безродных султанов и горчиев, направилась в Ширван.

Как только [Осман-паше] стала известна эта досадная весть о наступлении объединенной армии на Ширван и о переходе ее через понтонный мост, он немедленно один за другим послал несколько гонцов к Адиль Гирею с сообщением: «Срочно направляйтесь к нам. Мы вместе должны встретить то, что нас ожидает: будь-то удача или беда».

Но Адиль Гирей, дни и ночи проводивший в увеселениях, и ослепленный красотой своих пленниц, не внял этим словам, а возможно, в силу своей беспечности не придал им должного значения...

(34-б) Утром 26 рамазана 986 г.х. (26 ноября 1578 г.) слышались страшные крики и раздались странные возгласы: «Наступает сын шаха». Все вокруг было охвачено суматохой и явной паникой. Османы были ошеломлены внезапным вторжением в город [кызылбашей] со стороны крепости Гюлистан, построенной Абдулла-ханом, место которому в преисподней, и захватом ими участка за участком, но было уже поздно. Воины победоносной армии были лишены возможности объединиться, поскольку каждый из них находился у себя в доме и не мог связаться друг с другом. Благородный и достойный сардар, удрученный такой безвыходной ситуацией, волей-неволей собрал отважных воинов и, выставив перед собой пушки и орудия, бесстрашно двинулся на врага. Вмиг разразилось сражение, начавшееся так необычно, что даже сама игривая фортуна была удивлена. Души шехидов, вкусив шербет из (35-а) чаши виночерпия смерти, в один миг вознеслись к престолу главы обители шехидов, и более 5000 грязных богоотступников было убито.

Когда небеса обволокло черное покрывало ночи, словно в знак траура по мученически павшим бойцам и славным газиям, и забили в барабаны прекращения огня,

противники разошлись. Обе стороны выдвинули своих караульных. В ту ночь, ночь шаб-и ахья^{kiv}, каждый воин молился о спасении своих воинов, до самого утра обращаясь с мольбами к Творцу и тысячекратно прикладываясь лицом к черной земле, произнося таухид^{kxv} и тахлиль. А рассвет был ознаменован желанием воинов сражаться и побеждать, большинство из которых жаждало пасть мучеником за веру.

В предыдущий день проклятые безбожники наступали с верхней части города. Но, встреченные огнем пушек и винтовок, словно огнедышащим драконом, грязные боготступники, были разгромлены. На этот раз, действуя по принципу «Раз на раз не приходится», [кызылбаши] начали наступление с нижних районов города. Притворившись торговцами, они заполнили рыночную площадь и ухитрились полностью занять ее, вытеснив оттуда оборонявшихся [османов]. Как пишет Физули:

Если во все времена
сутью сражения было кровопролитие,
То здесь и хитрость считается героизмом.

(35-б) На этот участок [османы] направили вышеупомянутого Ибрахим-бека, сына Халваджи Мустафа-паши, во главе 2000 янычар, капыкулларов и кулларов из Эрзрума. Тотчас 1500 подлых [кызылбашей] стали пищей для острых мечей [османских] газиев. Остальные же, оставив свои лавки и все свое имущество, бежали с поля боя. Униженные и обесславленные, они бежали на расстояние одного фарсаха от города, не переводя дыхание. Их чувство отваги и благородный пыл поостыл, и они больше не атаковали.

«С присоединением к ним татарского войска они и вовсе окрепнут. Необходимо выступить навстречу [татарам] и соорудить между ними [татарами и османами] искендерову стену из острых мечей», – решили кызылбаши. Нечестивые души [кызылбашей] были терпеливы к горестям и бе-

дам той ночи и, невзирая на усталость, уже на рассвете они выступили навстречу татарам-грабителям.

Еще раньше татары были предупреждены о том, что необходимо оставить где-нибудь награбленное богатство, (36-а) а самим присоединиться к османам. Затем снова были посланы гонцы к татарам, известившие их о наступлении сына шаха. Но сыновья [татарского] хана и находившиеся при них отважные бойцы в силу своей надменности и беспечности отнюдь не прислушались к этим наставлениям и пренебрегли опасностью, грозившей со стороны наступавшего противника.

«Кто такие эти проклятые кызылбаши, чтобы так их бояться?» – говорили они с укором. Надменные татары не предприняли никаких мер, чтобы подготовиться к сражению и продолжали продвигаться все в том же порядке: каждый из них шел сам по себе, таща с собой пленников и захваченные трофеи. Всего лишь до 2000 воинов находилось в распоряжении вышеупомянутого хана [Адиль Гирея], остальная же часть [татарского войска] разбрелась и находилась в довольно беспорядочном состоянии. Так они брели привал за привалом, словно заигрывая с ангелом смерти.

Сражение началось с внезапного столкновения караулов противостоящих сторон. Но войска безбожников все прибывали. Они словно вороны налетели на обесславленное татарское племя. От многочисленности врагов высокомерные сердца татар охватил ужас. (36-б) Как только самонадеянному Адиль Гирею стало ясно, что происходит, и как далеко зашло дело, он направил своего коня на поле битвы и словно разъяренный лев бросился в бой. Сначала беспощадным огнем он оповестил в адский огонь бесчисленное количество врагов чарйара, а затем безжалостным мечом он обесславил бесконечное количество свиней.

«Но что поделать? В силах ли один отважный тигр противостоять 100.000 огромных львов?» Татары были опозорены и разгромлены, а этот несравненный жемчуг [Адиль

Гирей-хан] подобно замученному Хусейну^{kvii} поневоле оказался в руках врагов веры. Также был пленен и Пияла-бек. Довольные одержанной победой и захваченными трофеями, [кызылбаши] не вернулись на свои стоянки.

Острыми мечами они перебили 200 татар, трупы которых смешались с землей. Несколько человек спаслись бегством из этой кровопролитной бойни. С их прибытием и распространением этой горькой вести, воины, и без того пребывавшие в страхе, пришли в полное смятение, [в армии] началось дезертирство.

Сначала дезертировал дефтердар^{kvii} эрзрумского тимара (37-а) Узун Хызр, на совести которого была кровь правоверных, тот самый, что еще раньше при поражении Гейтас-паши и мужественной гибели его воинов, бежал с поля боя во главе 300 негодяев. По прибытии к Осман-паше [последний] приказал казнить его, но затем по ходатайству авторитетных вельмож помиловал. На этот же раз, введя в заблуждение 400-500 таких же изменников, как и он сам, [Узун Хызр] вместе с ними направился в Эрзрум... Это сввергло оставшиеся войска в оцепенение.

Помимо него один за другим идя по пути заблуждений, дезертировали и некий несчастный по имени Бекр из Эрзрума и 100 его злосчастных сторонников, и кетхуда эрзрумских чавушей – Челебверди со своими беспутными друзьями и, наконец, всякие бродяги, и лживые негодяи, кое-где наспех набранные в армию. От этого оставшая часть войск сильно пала духом и [тогда] эмиры и рядовые, собравшись вместе, пришли к сардару, который по своему величию подобен Искендеру, и сказали: «До настоящего момента уже дезертировало 2000-3000 предателей, (37-б) что сильно расстроило оставшуюся часть победоносного войска... В этом городе [Шемахе] нет хорошо укрепленной крепости, чтобы укрыться в ней при нападении врага, и благодаря которой можно было бы прекратить дезертирство

воинов. В любом случае нам необходимо укрепиться в неприступной крепости».

Но могущественный сардар упорствовал, отвечая на их требования следующим образом: «Скорее я умру, нежели покину это место». Но они продолжали настаивать: «Дело не только в каменных стенах. Чего ты добьёшься в одиночку. Те, кому было суждено, пали мучениками за веру, многие из оставшихся в живых дезертировали, а многих постигла смерть от стихийных бедствий. Мы готовы сложить свои головы вместе с тобой. Но только стоит ли? Если грязные кызылбаши терпят потери в живой силе, то их войска тут же пополняются вновь прибывающими из тыла свежими силами, благодаря чему они всегда сильны. Мы же потеряли всякую надежду на прибытие своих войск. Одним словом, нам необходимо добраться до [укрепленной] крепости, чтобы немного передохнуть, пополнить свои запасы. А после этого мы готовы исполнить любой твой приказ и отдать свою жизнь за тебя».

Под таким давлением сардар согласился, сочтя, что слова их благоразумны и уместны.

Демиркапы является сильно укрепленной крепостью. Ее стены частично были возведены Искендером Зульгарнейном, а частично – справедливым Ануширваном еще во времена пророка обоих миров.

(38-а) Предварительно с целью военного оснащения крепости и обеспечения ее охраны, туда во главе с сардаром были направлены 100 воинов с вооружением, пушками и боеприпасами. А сами войска выступили из Шемахи в направлении Демиркапы в праздничный день 10-го зульхиджа 986 года^{kviii}. Казна падишаха была погружена на верблюдов и к нему приставлены вышеупомянутый Ибрахим-бек, дефтердар^{kix} Мустафа Челеби и кетхуда Ахмед и начальник капыкулларов Хуррам-ага, и реис-и куттаб^{kxx} Мухаммед Челеби.

Затем в названном направлении выступил благородный сардар [Осман-паша], медленно следуя за своей армией во главе 1000-2000 храбрецов. Стояли такие сильные морозы, каких не было со времен потопа Нуха. От стужи одни отмораживали ноги, другие – руки, а большинство несчастных воинов – носы и уши. Короче говоря, от обрушившихся на долю [османов] страданий и пережитого горя, а также от суровой зимы на тот свет отправилось столько людей, сколько не погибало за все время с начала восточного похода до настоящего момента. Те, кто еще был в состоянии передвигаться сам, преодолел этот путь за 7-8 дней, остальные же, вконец истощенные, добрались до Демиркапы в течение 12 дней.

(38-б) Еще раньше при вступлении воинов ислама в страну Ширван сунниты вышеупомянутой крепости перебили всех кызылбашей. Они схватили правителя и военачальника крепости безбожника по имени Чыраг Халифа, назначенного заблудшим шахом, и доставили его к достойнейшему сардару в местечко Зардав, о котором говорилось выше. Представ перед ним [Чыраг Халифа] отверг предложение вступить на путь ислама^{lxxi} и не отказался от своей ереси, за что и был казнен.

Прибывшие [в Демиркапы войска] были встречены благожелательно настроенным местным населением, одарены халатами и подарками. Население искренне выразило свою покорность падишаху, прибежищу мира.

Но с распространением по области слухов о том, что исламские войска, чтобы спастись от разгрома, продвигаются в направлении упомянутой крепости, некоторые упрямы из Дагестана послали гонцов к жителям города со словами: «Будьте начеку! Не отворяйте ворота крепости и не выпускайте оттуда мусульман! Укрепляйте крепость и обороняйтесь!»

Безмозглые приверженцы этих чудаков тут же взбунтовались. Они выгнали из крепости ранее прибывших 100

защитников вместе с их диздаром^{lxxii}, а сами хорошо укрепились в ней.

(39-а) Об этом стало известно отважному сардару. Однако он дал указание не разглашать эту новость: «Если растерянные воины услышат об этом, они и вовсе впадут в отчаяние». А сам [сардар] с 500-600 отборных храбрецов поспешно направился к воротам крепости. Прибыв на это место, он нашел ворота запертыми, а самого диздара [крепости] вместе со своими людьми – выдворенными за ворота. Это сильно раздосадовало его, он погрузился в пучину горя, не зная, как поступить. Тогда [Осман-паша] осенила удивительная мысль: предварительно подойдя к окраинным воротам, он предпринял меры по разрушению основной дороги, [ведущей в крепость]. В конце концов, пройдя через сто тысяч страданий и усилий, прибегая то к чрезмерной лести, а то к безрассудному насилию, [сардар] добился, чтобы ворота отворились.

Османы вступили в город. При этом тех, кто категорически не желал внимать наставлениям и покориться, принуждали то силой, а то терпеливым языком убеждений, заставляя их присягнуть в верности правителю [османскому султану]. Порою, чтобы избежать смерти под ударом разящего меча или топора, они [жители города] сами просили пощады. [Итак], с помощью открывающего двери счастья завоевателя все двери отворились. Тот, кто, сначала изъяснив покорность, затем пренебрег этим, был наказан, враждебно настроенные отряды были начисто уничтожены. (39-б) После всего этого наступило некоторое спокойствие, благодаря тому, что было покончено со страхом и беспокойством, внушаемым врагом, однако в крепости отсутствовало какое-либо продовольствие и одежда. Там не было ничего, кроме слова «нет». От голода людей и животных рвало пеной. Ежедневно по 50-60 голов людей и животных отправлялось на тот свет. Считалось выгодной покупкой, если удавалось

киле^{lxxiii} ячменя приобрести за 1000 акче, а кусок хлеба невозможно было достать даже за оружие.

Через несколько дней райяты Дербента свыклись с ситуацией и начали постепенно возвращаться группами по 5-10 человек. Их привлекала возможность нажиться, ведь они продавали вещи голодным и раздетым людям в 10 раз дороже настоящей стоимости. В обмен за меч стоимостью в 2000-3000 акче они давали киле ячменя или же две буханки хлеба, а за дорогого коня ценою в 100 золотых давали 3-4 буханки хлеба.

Стояли сильные морозы, из-за которых люди отмораживали руки и ноги. Тяжелая дорога, страх перед воинами заблудшего шаха, несчастья, связанные с суровой зимой, стали причиной гибели чрезмерного количества мусульман. Трупы людей и (40-а) туши мертвых животных валялись на земле: не было возможности ни похоронить их, ни вынести за пределы крепости. Каждый воин в слезах, предаваясь ночным молитвам, обращался к Всевышнему – исполнителю желаний – с просьбой о следующем: «Они отдали свою жизнь здесь в чужом краю в страданиях и печали. Пусть же их душам покровительствует душа главы пророков, пусть пребывают они рядом с ней». Не вызывало сомнений, что невозможно в этом мире отплатить им за их многострадальную службу, только лишь в загробном мире им по достоинству воздастся за выпавшее на их долю горе и пережитые страдания. Одним словом, те, кому было суждено умереть в ту зиму, ушли в мир иной, пройдя через бесконечные бедствия, а уцелевшие сами были на пороге смерти. Но с наступлением весны их души несколько окрепли, а благодаря оживлению торговли возродилась и жизнь [в городе]. С каждым днем положение победоносных исламских войск все более улучшалось, и враг, окружавший с 4-х сторон, со временем покорился и ступил на путь смирения, охваченный страхом от очевидных побед исламских войск.

С прибытием в достаточном количестве казны от повелителя и военного корпуса [положение османов] совершенно окрепло. (40-б) Стало возможным полное завоевание Ширвана. Вначале благословенной весны были отправлены люди в Шемаху, чтобы доставить оставленное там оружие боеприпасы и другое имущество, а также сделаны назначения в такие известные города, как Шемаха, Ареш, Махмудабад, Кабала и другие. По предопределению судьбы и благодаря большим усердиям осуществилось беспрепятственное и полное завоевание [Ширвана], а государство врагов веры потерпело поражение.

Глава 3. Сражения, произошедшие после укрытия [османских войск] в Демиркапы

Та зима прошла в сплошных горестях и лишениях. Но когда по милости Создателя земли и небес наступила благословенная весна, единобожные войска окрепли духом, чувство чести и благородный порыв овладели душами мусульман и начали они повсюду охотиться за безбожными врагами. В то время как, вознамерившись отомстить им, [османы] вели грандиозную подготовку к выступлению в поход, (41-а) в последних числах славного месяца шабана 987 г.х. (середина октября 1579 г.) в Демиркапы прибыл татарский хан^{lxxiv} во главе 80.000 татар-грабителей. Они были встречены находящимися здесь единобожными войсками, а когда Осман-паша хотел спешиться, чтобы приветствовать хана, [последний] возразил и они обменялись рукопожатием на конях. Для прибывших [татар] был устроен пышный прием. Хан, его сыновья и братья были одарены от имени падишаха саблями, украшенными драгоценными камнями, великолепными [почетными] халатами и превосходными конями. Щедро одаренные разного рода драгоценностями и осыпанные многочисленными подарками, татары начали собираться в дорогу с тем, чтобы, встретившись с сардаром

Мустафа-пашой, вместе выступить против распутного шаха и покарать его по справедливости. Однако встреча с Мустафа-пашой не состоялась, (41-б) поскольку хан опоздал с прибытием, и теперь было поздно выступать в поход – уже наступили зимние холода. Кроме того, из-за восстановления крепости^{lxxv} и преследования врагов, исламские войска вконец изнуренные, были не в состоянии снова выступать походом на Ширван. Тогда хан сказал: «Раз уж мы здесь, то устроим настоящее бедствие тем, кто проявляет непокорность». Он учинил разгром в Гяндже и Карабахе, подвергнув опустошению их населенные пункты, пленив жителей и захватив их имущество, а после этого в здравии и благополучии направился в свою столицу.

В тех краях были мятежники, которые представляли собой явное оскорбление для религии и являлись щипами на пути шариата. К тому же, они, пользуясь тем, воины ислама находились в окружении, нападали на отдельные отряды, отбирая у них их имущество и одежду, подвергая унижениям, а иногда и убивая. Поэтому необходимо было острыми мечами и меткими выстрелами разгромить их лагерь и очистить страницы времени от их пагубного влияния.

После этого, 11 числа благословенного месяца рамазана 987 г.х. (2 ноября 1579 г.) в пятницу, после произнесения пятничной молитвы, достойнейший сардар, возглавив готовые к выступлению единобожные войска, под знаменем ислама и под звуки барабанного боя на пегом коне выступил из железных ворот [Дербент], решив направляться на врага.

(42-а) Прочитав молитвы во имя победы над врагами веры и благополучия воинов ислама и поручив охрану Демиркапы Мухаммед-беку, правителю Азака, и оставив в его распоряжении двух почтенных яя баша^{lxxvi}, вместе с подчиненными им янычарами, сам [Осман-паша] направился на противника. Как только об этом стало известно врагам, отряды из Кума, Табасарана, Кайтага, а также кыпчаки скопи-

лись у местечка, известного под названием Кюр Кюре богаты.

«Со времен Адама и по настоящий день кроме Пехливана Хамзы ни одному из покорителей мира не удавалось прийти в край Эльборза и покорить его. Если 150.000-160.000-ные армии шаха Исмаила и шаха Тахмаса, неоднократно пытавшиеся покорить нас, были разбиты и побеждены, а сами они, схватившись за свои несчастные головы, спасались бегством, что же говорить о румийцах, ведь из-за зимних холодов, недостатка продовольствия и боеприпасов, а также из-за дальних расстояний, они, лишённые помощи и поддержки со стороны падишаха, сами находятся в состоянии растерянности. Разве смогут они нам навредить своими бессмысленными действиями. (42-б) Мы устроим им такое, о чем они будут помнить до самого Судного дня», – говорили они. С головы до ног облачившись в железные доспехи и обложившись мечами и стрелами, они заняли позиции для боя.

Могущественный сардар, уповая на напутствие всемогущего Господа, чудодейственную силу благородного сарвара^{lxxvii} и помощь избранного чарйара, тут же выступил в этом направлении и, следуя по горному проходу, подошел к огромному ущелью, с двух сторон окруженному горами, вершины которых скрывались в небесном своде, а сама пропасть была настолько глубокой, что, [казалось], уносила в преисподнюю. Внизу протекала большая река, подобная морю, а напротив горного прохода разместились большая деревня в 200 домов. Здесь и расположились отряды безбожников, намереваясь атаковать исламские войска во время их прохождения через горный проход.

Гази Гирей-хан, который был оставлен в Ширване для охраны вилайета, первым вступил в бой во главе 1000 безжалостных татар, а вслед за ним сардар, отмеченный знаком отваги, прикрыв лицо щитом и подняв меч, сражающийся как удар молнии, вместе с 5000 стрелков бросился

в атаку. В результате этого сражения 1000 безбожников было отправлено в преисподнюю и 200 правоверных стали (43-а) шехидами. Как только злонамеренные враги обратились в бегство, чтобы укрыться в горах Эльборза, в ход пошли шахи зарбзаны^{lxxviii}, огнем которых было истреблено значительное количество врагов. В один миг все бросились переплывать вышеупомянутую реку, однако, многие отстали из-за усталости лошадей и были разрублены мечами, удалось скрыться лишь малому количеству нечестивцев. Было разрушено 60-70 поселков, имущество жителей было разграблено, а их дома сровнены с землей. По милости Всевышнего была одержана такая большая победа, какой не было со времен Пехливана Хамзы. Но, как описано в исторических книгах, даже Пехливану Хамзе и его беспощадным воинам не удалось пробиться через этот горный проход. На этот же раз [османы] не только прошли через него, но на расстоянии 50-60 фарсахов^{lxxix} учинили такой разгром, что не оставили нигде камня на камне и с победой вернулись в Демиркапы. Их встретили мудрые старейшины вилайета. Раскаиваясь и сокрушаясь по поводу совершенных грехов, они просили о пощаде, говоря «умение прощать свидетельствует о великодушии человека». В ответ на их просьбы о прощении [Осман-паша] сказал: «[Жители] находящиеся под властью хагана областей Энкруса, (43-б) а также европейцы и другие гяуры и безбожники платят жизнью^{lxxx} в казну хакана. Если и вы согласны давать бадж-у харадж^{lxxxi} на этих условиях, то мы дадим вам аман». Они охотно согласились на это требование, а поскольку проявление милосердия и прощение грехов было привычным делом для этого достойного человека, он простил их за устроенные мятежи и непокорность.

Большинство [населения] вышеназванного вилайета выразило верность престолу халифата. Назначив эмиров и газиев управлять вилайетом, войска благополучно прибыли в свое местопребывание. Вскоре от татарской стороны

вновь прибыли Мурад Гирей-хан и Инаят Гирей-хан во главе 4000-5000-го войска. Удостоившись чести поклониться достойнейшему сардару и приободрившись от преподнесенных им различных даров, они сказали: «Мы будем рады служить тебе не жалея сил».

А тем временем до высочайшего слуха сардара дошли вести о том, что великий везир лицемерного и распутного шаха – Салман-хан и Мехдигулу-хан сосредоточили 17.000 (44-а) безбожных сорхсаров на берегу Куры, намереваясь вторгнуться в Ширван и учинить здесь бедствие. Назначенному сардаром Гази Гирей-хану вместе с Мурад Гирей-ханом и Инаят Гирей-ханом было поручено немедленно выступить против врага. Ночью, переплыв Куру, они неожиданно напали на противника и устроили такое побоище, что из 17.000-18.000 проклятых [кызылбашей] спаслись лишь 300 нечестивцев, а их сардар Салман-хан был ранен, но ему удалось сбежать. Мехдигулу-хан же вместе с 50-ю безбожниками [кызылбашами] попал в плен, а впоследствии был казнен. Разграбив войско и захватив большую добычу, которая превосходила все предыдущие, со времени завоевания Ширвана, сыновья татарского хана обосновались в Ширване, а сардар отправился в Демиркапы...

Раздел IV. Глава 2. Поход беглярбека Шама Хасан-паши в Тифлис с целью доставки туда провизии

...(48-а) Еще во время ширванского похода могущественный сардар отправил в Тифлис войска с достаточным количеством запасов провианта. Но в короткое время истратив все запасы, исламские войска, находящиеся там на службе, оказались в таком затруднительном положении, что невозможно передать словами. Подробное изложение пережитых ими страданий, несомненно, было бы изнурительным занятием. Короче говоря, для доставки туда некоторого количества провизии были направлены войска во главе с

сардаром Мустафа-пашой – беглярбеком Мараша. Однако и этого оказалось недостаточно. Ввиду необходимости повторного похода, на этот раз был отправлен (48-б) Ахмед-паша – сын Искендер-паши. С ним отправился небольшой отряд, причем вскоре те воины, которые участвовали в этом походе против своей воли, вышли из повиновения. В такой ситуации грузинские гяуры перекрыли им путь, по которому они продвигались и совершили нападение, отобрав большую часть резервов. При этом несколько исламских воинов пали шехидами, а сам вышеупомянутый сардар, получив несколько ранений, едва спасся бегством. Таким образом, этот поход полностью провалился, и была начата серьезная подготовка к новому.

Было решено на этот раз со своими войсками отправить беглярбека Диярбекра Бахрам-пашу. В день, когда, собрав свои войска и получив разрешение, Бахрам-паша готовился выступить в указанном направлении, вмешался двучличный Шейх Наджди, являющий собой олицетворение злобности. [Обращаясь к Бахрам-паше], он сказал: «Несчастный, если ты останешься там служить, считай, что сам себе надеваешь на голову петлю, ты навлечешь на себя проклятье и погибнешь никчемной смертью, потом будет поздно раскаиваться». После таких зловредных слов, сам [Бахрам-паша] будучи не в силах лично отказаться от этого задания, спровоцировал курдских эмиров. Они взбунтовались и начали упорствовать, восклицая «Мы не будем участвовать в этом походе». Все это стало причиной дезорганизации войск, (49-а) но поскольку курдские племена известны своей непокорностью и сплоченностью, было исключено применение оружия [с целью усмирения]. Вскоре и сам Бахрам-паша раскаялся о содеянном.

Попытки беглярбеков повлиять на курдских эмиров путем наставлений оказались бесполезными, только после взаимных препирательств, пришли к такому решению: «О том, чтобы выступить в поход вместе с Бахрам-пашой не

может быть и речи, – сказали они, – но мы готовы служить падишаху, не жалея сил, и выступим в этот поход под предводительством беглярбека Шама Хасан-паши».

После этих слов Хасан-паша не стал дожидаться, чтобы сардар обратился к нему с этим предложением, а сам отправился к нему. Поцеловав подол халата сардара, он сказал: «Поручите это задание вашему рабу». Получив в подарок почетный халат и пегого коня иранской породы, он 28-го числа почитаемого месяца раджаба 987 г.х. (20 сентября 1579 г.) выступил в путь. В этом походе во главе своих войск участвовал и Ризван-паша, назначенный на пост беглярбека Диярбекра вместо его брата Бахрам-паши, а также Ахмед-бек, сын Хаджи-бека с отрядом новобранцев кулкардеша. Ахмед-бек был назначен беглярбеком Тифлиса вместо Мухаммед-паши – сына Фархад-паши, который оказался не в силах далее исполнять эту службу ввиду отсутствия запасов.

Когда [османские войска] прибыли в местечко под названием (49-б) «Гюрджю богазы», малодушные соратники молодого сардара начали убеждать его в том, что это место очень опасно. «Мы не в силах сами пробиться через этот проход. В любом случае необходимо прибытие могущественного сардара»^{lxxxii} – говорили они и поскольку сардар [Хасан-паша] не имел опыта в таких делах, им овладел такой страх, что он, не раздумывая, оповестил об этом сардара, который принял решение о немедленном выступлении в Тифлис. Когда глашатаи объявили об этом, восклицая «Решено на рассвете сниматься с места», это вызвало недовольство в бёлюке, вынудив воинов вступить на путь неповиновения. «Мы столько лет трудились как батраки, выбились из сил, лишились многого. А теперь, когда нам, наконец, выпала возможность участвовать в задании такого рода и появилась надежда, что, выполнив его, мы вступим на путь благоденствия, то оказалось, что мы якобы не в силах справиться с ничтожными и презренными врагами. Если

тебе угодно, возвращайся. [В таком случае] мы заберем султанское знамя и казну», – говорили они с негодованием. Возмущенные они подошли к шатру беглярбека Анадолу Джафар-паши. Тут к ним примкнула голодная и полураздетая чернь Анадолу и возникла угроза мятежа. (50-а) Тогда вышеупомянутый паша [Джафар-паша] вышел к ним и сказал: «Соратники, своими неразумными действиями вы только даете повод злорадствовать нашим врагам... Будьте терпеливы, иншааллах, ваши пожелания осуществляются». Одним словом, благодаря его речам страсти несколько поулеглись. Вся эта нелепая ситуация происходила без ведома Ризван-паши, но как только ему стало известно о случившемся, он тотчас прибыл к Хасан-паше. «Что же ты наделал? [Своим поступком] ты опозорил нас и опозорился сам, во-первых, перед своим отцом, во-вторых, перед падишахом, в-третьих, перед воинами, и в-четвертых, во всем мире. Разве стоило просить помощи для [выполнения] такого несложного задания? Если ты обратишься за помощью к сардару, то в первую очередь слетит моя голова, а ты навлечешь на себя бесславие и участь до скончания века скрываться, забившись в угол, как трусливая женщина!» Попрекнув этими словами, [Ризван-паша] приказал затрубить в трубы и, встав впереди нагруженных боеприпасов, двинулся на Тифлис. [Колонну] замыкали Хасан-паша и беглярбек Тифлиса с отрядом новобранцев кулларов. Но, встретив на пути замок, глашатаи провозгласили «отбой» еще до прибытия в Тифлис. (50-б) Разгрузившись здесь, воины со спокойной душой отошли в свои шатры. Отсюда резерв в целостности и сохранности был доставлен мусульманским войскам в 22 дней...

Глава 3. [Шовестует о том], как под начальством беглярбека Анадолу Джафар-паши беглярбек Эрзрума Бахрам-паша, беглярбек Карамана Мухаммед-паша и беглярбек Сиваса Махмуд-паша с войсками, [набранными] с подчиненных им областей, отправились на разграбление Реванского вилайета

[Это было сделано] потому, что после завершения ремонта крепости Карс и отправки в Тифлис достаточного [количества] резерва, правитель Ревана дини - Токмак-ак^{lxxxiii}, сначала сообщив [османской стороне] о том, что ожидается прибытие высокопоставленного посланника для заключения перемирия, затем каждую неделю посылал человека с письмами, в которых писалось: «подождите еще 2-3 дня». Это отсрочка в 2-3 дня не имела конца. А смысл этой отсрочки [заключался в том], что они тешили себя надеждой дождаться наступления зимы. (51-а) И тогда было решено разграбить этот вилайет, чтобы это стало «уроком для проклятых безбожников до скончания века». Сардаром назначили беглярбека Анадолу Джафар-пашу, к нему отправили беглярбека Сиваса Махмуд-пашу и беглярбека Карамана Бахрам-пашу с войсками, набранными с находящихся под их управлением эялетов, к ним присоединились добровольцы из числа отважных янычаров и капыкулларов. Было решено отправить 50-60 хабрецов, каждый из которых имел при себе по одному запасному животному и по одному или двум [комплектам] фуража. Выступив в полночь 12 дня великого месяца шабана (4 октября 1579 г.), который приходился на субботу, они в тот же день прибыли в местечко под названием Шарабхана, где схватили четыре языка, которые сообщили, что «Токмак-ак, как только ему стало известно о наступлении исламских войск, сбежал». В тот же день случилось такое ненастье, которого не видавали со времен потопа Нуха. Упаси Аллах, если бы появился враг в количестве 200-300 человек, то, наверняка, никому из

бойцов не удалось бы спастись живым. Каждый был озабочен лишь тем, как устоять на месте. Сколько было тех, кто от дирлика^{lxxxiv} и, (51-б) рискуя головой, бежал назад.

Тогда отважный сардар, [приказал] отрубить головы нескольким из числа захваченных языков, выдав их за сипахиев, [с тем, чтобы показать] – «такова участь дезертиров, послушавшихся приказа падишаха», добился воцарения среди войск некоторого спокойствия. Когда, пройдя это место, на рассвете подошли к Ревану, сорхсаров здесь не было и в помине.

Оставшиеся городские жители, преимущественно армяне, полагают: «ведь мы освобождены самим господином мира и пророком, они не станут убивать нас», не бежали из города^{lxxxv}. Предшествовавшие улемы запрещали убивать или пленить их. Но поскольку теперь была выдана славная фетва о позволительности предавать их смерти и пленить, поскольку они, подчинившись секте безбожников, вышли из подчинения халифа ислама и с присоединением [к ним] кучки упрямец приобрели силу, большинство из них было пленено, а некоторые убиты.

В особенности дворец и сад раскольника Токмака был разнесен в такой степени, что никто бы не догадался – неужели на этом месте [когда-то] существовал дворец и сад. Трофеев было захвачено столько, что не знали, на что погрузить всю эту утварь, и пришлось все же оставить многое из захваченных трофеев. Короче говоря, было захвачено столько, что это победа оказалась достойней всех побед, (52-а) одержанных с начала восточного похода. Пробыв там тот день и на следующий день до обеда, разграбив город и отобрав все самое ценное из захваченного имущества, благополучно вернулись обратно. Однако, захватив добычу, исламские войска тут же разбрелись, и при сардаре осталось очень мало воинов. Упаси Аллах, если бы враг, прослышав об этом, стал преследовать, то не избежать было бы крупных потерь. Благодаря помощи господина мира, враг не осме-

лился выступить из ущелья, которое стало для него как веревка вокруг шеи, так что 18 числа упомянутого месяца состоялось благополучное присоединение к [османской] армии. Из-за болезни беглярбек Анадолу не в силах был прибыть к сардару, но остальные беглярбеки прибыли к нему, надели халаты, а халат [беглярбека Анадолу] отправили в его шатер с агами из Муша. Это глубоко потрясло врага – он был морально разбит, были восполнены потребности окрестных мест в боеприпасах. Так [разграблением] Ревана достающие врагов сабли газиев ответили на [предложение о] мире и вопрос об отправке посланника для [заключения мира] отпал.

(52-б) Суровая зима принесла много тревог... и поскольку нужно было заняться вопросами зимовки, [армия] незамедлительно выступила из крепости Карс в направлении Эрзрума и в благополучный час вступила в Эрзрум. Войска из Анадолу, Карамана, Сиваса, Мараша и Румели были отпущены, а несравненному сардару было предписано остаться с капыкулларами и янычарами в Эрзруме. Однако никто из капыкулларов и янычар не остался, желая вернуться в свои дома, они все дезертировали. Достигающий своей цели паша в ожидании прибытия от хагана фирмана [по поводу произошедшего] остался в Эрзруме и всю зиму провел здесь. В начале благословенной весны, когда [сардар] с целью присоединения к владениям султана наиважнейшего [города] – Ревана, готовился к строительству здесь крепости, от убежища справедливости и счастливого порога прибыл августейший приказ, предписывавший «предназначенные для похода (53-а) оружие и прочий резерв передать беглярбеку Эрзрума Хосров-паше, а самому [сардару] прибыть для поклона к престолу – обителю справедливости». Получив обязательный для исполнения высочайший приказ, [сардар] тотчас передал все имущество вышеупомянутому беглярбеку, оставив даже свои вещи из того, что ему не понадобится, и, забрав с собой нескольких лошаков, незамед-

лительно выступил в путь, чтобы поклониться счастливому порогу.

В счастливый час он прибыл на поклон порогу могущественного повелителя и престолу подобного Сулейману [правителя], в течение нескольких дней он исполнял службу в диване султана, но его жизненный путь подошел к концу. После непродолжительной болезни [его душа] с миром и мечтой о райских садах отошла в мир иной.

Ни шаху, ни везиру, ни эмиру, ни богачу, ни нищему, ни бедняку не остается этот мир, поистине все брэнно, вечности остается только сама вечность.

По милости Аллаха здесь завершилась эта героическая история с молитвами [об] упрочении счастья [правления] могущественного повелителя, увековечении его халифства до скончания мира...

“ГОНЧЕ-ЙИ БАГ-И МУРАД”

(80-а) 14. **Второе сражение** у местечка Аджису повествует о завоевании богохранимого Тебриза в 993 году (1585).

15. Искренние [душой] тот вечер провели в молениях и бедениях,
беспечные искатели мирских удовольствий не сомкнули глаз, имея дурное предчувствие.

(80-б) 1. Просившие о ниспослании счастья загробной жизни были спокойны душой,
а дорожившие своим богатством, семьями, впали в горькие думы.

2. Как только появились проблески рассвета,
меч и копье были готовы к тому, чтобы превратить каждого в прах.

3. Из-за вероятного нападения шаха
все были возбуждены и в боевом строю.

4. Полки выстроились по своим местам,
вокруг зазвучали звуки цимбал и флейт.

5. [Османские войска] расположились у приятного местечка Аджису,
что на расстоянии одного двух миль от Тебриза.

6. Хотя злополучные враги и давали о себе знать, но не выступили навстречу,
Несколько упрямцев орудовали со стороны.

7. Поэтому пришлось пройти еще одну-две мили,
и когда совершили привал, [кызылбаши] стали заверять, что прибудет человек с предложением о перемирии.

8. Потому что Магсуд-хан обратился к знати со словами:

«пока ваши жизни не пострадали от войска религии,

9. Не упорствуйте, не доверяйтесь туркманам,
разве до сих пор кому-то удавалось противостоять османам!

10. Окажем же почетный прием сардару
и встретим того, кто по завету Всевышнего дает покрови-
тельство.

11. Обратитесь с искренней просьбой и спасите свои души,
но если вздумаете упорствовать, то погибнете».

12. Но те безбожники не прислушались к его предупрежде-
нию,
возводя укрепления вокруг города.

13. Сразу же, как подоспел сардар,
несколько из числа отважных, как лев [бойцов] атаковали
город.

14. Морем пыла были унесены щипы и колючки
в щепки разлетелись укрепления.

15. Рафизиты были раздосадованы
их имущество стало добычей на поле боя.

(81-а) 1. Был учинен такой погром, что улицы переполни-
лись телами убитых,
к предвечернему времени были взяты подступы к джаме
султана Хасана.

2. Имущество было разграблено, а население пленено,
[город] наполовину был захвачен, но предстояло захватить
другую половину.

3. Те, кто остался за городом, готовились к ночной атаке,
но все усилия мятежников были предопределены.

4.Если кучка проклятых совершала вылазку на скопление [воинов],
то могущественной рукой безбожники тут же получали возмездие.

5.Как-только был дан приказ: «выстрелами из пушек лишите их рук!»
направили вверх стволы [оружий].

6.Презренные и отверженные [кызылбаши] отступили –
Всевышний вновь ниспослал победу войскам религии.

7.Воины, потеряв бдительность и не придав значения [поднявшемуся] шуму,
беззаботно спали в палатках.

8.Но когда увидели, что в городе царит раскол и вражда,
они, чтобы подавить это, поспешили заключить союз.

9.Сборище этих упрямцев уполномочило нескольких стариков [на переговоры],
но не ради славного Корана, а чтобы получить заступничество.

10.Печеночной кровью написали письмо, моля:
«во имя Аллаха, прояви к нам милосердие и доброжелательность».

11.Не совершай того, что сделали мы, будь благосклонным и правосудным
освободи птицу души из заточения.

12.Мы блуждали, потому что были ущемлены [душой],
но ты – исцелитель душ, и милосердие твое как бальзам для сердца.

13.Почему бы тебе не повести нас по пути истинному [ведь] мы уповаем на твое милосердие во имя Аллаха».

14. Письмо, написанное кровавыми слезами, пронзало сердце –
оно было доставлено сардару в полночь того же дня.

15. Внешне сардар вовсе не проявил склонности к [заключению] перемирия,
но втайне он всем сердцем жаждал спокойствия.

(81-б) 1. Упорствовавшие сочли такое доброжелательное отношение уловкой
и для проверки несколько раз посылали своего представителя.

2. Как только состоялась встреча этот благородный по натуре
[Осман-паша]
ради [достижения] мира доверился их обещаниям о повиновении.

3. В полночь затрубили «отбой!» и
каждый довольствовался покоем до рассвета.

4. [На рассвете сардар], собрав всех мирмиранов, объявил:
«поскольку жители Тебриза покорились, я предоставил им аман.

5. Отныне Азербайджан стал [владением] падишаха,
сдерживайте войска, пусть благосклонность они явят.

6. Пусть глашатаи провозгласят, что вилайет принадлежит падишаху,
[чтобы войска] не чинили погромов!»

7. Жизням и имуществу этого племени был предоставлен аман,
[но] изворотливые не подчинились приказу, выжидая момента нажиться.

8. Тот, кто считал себя слугой падишаха, подчинился приказу,
а оппозиционно настроенные жаждали трофеев.

9. Присутствующие сказали: «готовы исполнить твой приказ даже ценой жизни!»
Этот приказ был распространен среди войск.

10. Описание **третьего сражения** 29-го числа славного рамазана
(24 сентября) ... у местечка Аджису

11. Большинство войск расположилось вокруг города, готовые с наступлением утра начать разграбление.

12. На рассвете они вошли в город и вопреки предоставленному аману насытили свои мечи врагами.

13. Сардар предостерег войска от участия в сражении,
[но] отважные воины уже вели горячий бой внутри города.

14. [Раздаются] стоны, плач и мольбы народа, лишённого благосклонности [бога]
и с помощью Всевышнего становятся очевидными признаки победы.

15. Имущество разграблено, жители пленены
Отовсюду войскам прибывают трофеи.

(82-а) 1. Как только сардару об этом стало известно,
он тут же вскочил на своего пегого коня.

2. Он усердствовал, стараясь воспрепятствовать воинам,
но те не прислушались к нему и отвечали только насмешками.

3. Никак ему не удалось урезонить религиозное войско –

прибегнул к насилию, но все бесполезно.

4.[Осман-паша] хотел вызволить жителей Гебриза, но многие из числа войск ислама вышли из-под контроля.

5. Изложение всего, что было, потребует много слов, услышанное вызывает лишь стыд и скорбь.

6.[Осман-паша] увидев, что не в силах предотвратить [беспорядки], в гневе решил одному-двоим ослушавшимся отсечь голову.

7.Но понял, что это могло стать причиной смуты, не было в том проку, он страдал от того что [войска] не подчинились его приказу.

8.[Тогда] везир, разрешив грабеж имущества, запретил пленить жителей.

9.Тут же огласили [приказ]: «привести всех захваченных пленников. а тем, кто ослушается, не избежать наказания!».

10.Собрались все, кто спасся от острых мечей (клинков), ударов копье (дротик) и палиц, – мужчины и женщины, старые и молодые

11.Рыдали – кто по отцу, а кто по матери, кто сокрушался по брату, а кто по сыну.

12.Обнаженные, в слезах и стенаниях, зывали они к победоносному сардару.

13.Рыдая в беспамятстве, они сокрушались: «Разве нет справедливости для бедноты?»

14.Мы стали рабами падишаха веры – к чему же такое насилие,

К чему применять стрелы и саблю против беспомощных и незащитных.

15. [Даже] грешным и заблудшим иноверцам-кяфирам падишах веры дарует помилование.

(82-б) 1. Пусть мы и согрешили, но где же ваше великодушие и милосердие!

Служителю священного дома присуще проявление милосердия.

2. Заберите все наше добро, но пощадите только наши жизни.

3. Тот день словно был днем всеобщего воскресения из мертвых,
все вокруг было обагрено кровью.

4. Такое горе выпало в тот день жителям Тебриза,
что их стоны и рыдания сокрушали небосвод.

5. Разутых, нагих, с обнаженными головами,
стонущих и рыдающих

6. Всех их собрали и тут же проводили в город,
чтобы каждый спокойно вернулся домой...

(86-а) 15. **Сражение четвертое** и шехидство курдских эмиров, которое произошло из-за нерадивости и зависти мирмирана Диярбе-кра – Мехмед паши.

(86-б) 1. Каждый искренне уповая на милость господя, старался для восстановления крепости.

2. Было 20 шевваля (15 октября), и стар, и млад, трудился на строительстве,
не подозревая [о том, что готовят кызылбаши].

3. Шах выслал одного лукавого негодяя вместе с бойцами, чтобы тот выведал обстановку вокруг крепости.
4. Газии схватили того езида, когда, он, занимаясь разведкой крепости, выяснил, что она не завершена.
5. Тут же отвели они его к Синан-паше, но он лукаво сказал: «я могу пригодиться вам.
6. Я направлялся к ставке сардара – хотел в подробности поведать о состоянии шаха».
7. Увидев и разузнав, кто он, Синан-паша отвел его в шатер сардара [Осман паши].
8. «Не бойся, тебе не будет причинен вред, – сказали ему – расскажи правду о шахе и шахзаде».
9. Он сказал: «До самого рассвета они пили вино, услаждая шахзаде красивыми речами.
10. Испивши из чаши высокомерия и опьянев, каждый из них дал клятву, сделав фальшивую запись на мече.
11. Они сказали, что незамедлительно пойдут в атаку, это зловещее племя намерено атаковать [османскую] армию».
12. Получив верные сведения от неверного, в тот же миг [османы] приступили к принятию скорых мер.
13. [Осман-паша] назначил сардаром Синан-пашу, а в подмогу ему в [предстоящей] битве дал курдские войска.
14. Прочие бойцы вскочили на коней и были начеку, чтобы быть готовым отразить нападение врага.

15. Но от энергичного [сардара] поступил приказ:
«не делать и шага, забегая вперед пушек».

(87-а) 1. Когда наступило утро и до Синан-паши поступила радостная весть,
он отправился на поле боя, чтобы разгромить врага.

2. Не мобилизовав войска, и оставив все вокруг без внимания,
он оседлал коня гнева и без промедления выступил [навстречу войскам шахзаде].

3. Опрокинув несколько высокомерных преград на пути,
внезапно натолкнулся на войско шаха.

4. Имея вокруг себя малочисленные войска,
при виде плотных рядов врага, он [осознал], насколько уязвим.

5. Этот пехливан яростно, как подобает предводителю, выступил [вперед],
[противники] бросились друг на друга.

6. Завязалась горячая схватка – поняв, что дело зашло далеко,
[Синан-паша] обнажив свой меч, сам бросился в бой.

7. С появлением вражеских пехотинцев
зловредный ездид одержал победу над войсками веры.

8. Войска стали отступать и фактически потерпели разгром, те, чьи молитвы были услышаны, стал шехидом, остальные бежали.

9. Из [числа] знаменосцев и барабанщиков несколько беков стали шехидами,
многие из знатных лиц пропали без вести.

10. Сколько тысяч стали пищей для мечей еретиков, многие молодые бойцы вмиг поседели от ужаса.

11. Мирмиран Караамида, оказалось, питал злобу и хотел навредить Синан-паше.

12. Из-за зависти, которую питали друг к другу эти два [стройных, как] кипарис мужа, он [мирмиран Караамида] не вышел из засады, чтобы поддержать войско религии.

13. Но если бы он выступил из засады навстречу врагу, то сорхсарам пришлось бы туго.

14. Затаенная взаимная злоба приводит к поражению, и даже если победа наполовину одержана, желаемого результата все же добивается враг.

15. Действительно, слава и благо народу снисходят от бога. Тот муж [мирмиран Караамида] стал виновником произошедшего...

(87-б) 6. **Сражение пятое** и резня жителей Тебриза
...(неразборчиво)

7. Рафизиты только на мгновение одержали верх, но от этого жители города окрепли духом.

8. Стоило им заметить в отдельности нескольких бойцов, раздирали их зубами, не делая различия – мужчина то, или женщина.

9. Об этой тайне прошелся слух среди [воинов] армии веры, стали поговаривать о том, что дан приказ об их истреблении.

10. Вдруг произошла такая резня, что и глаза судьбы не видывали такого,

это событие вызвало оцепенение у людей и ангелов.

11. Конечно же, этот приказ был дан не оступившимся сардаром,
это справедливое повеление, без сомнений, исходило от
господа бога.

12. Бедствия, причиненные бойцами [османской] армии жителям Тебриза,
вызвали у сардара чувство глубокого отчаяния.

13. Испив из чаши негодования и опьянев от гнева,
он потерял голову от неистовства.

14. Через час-два он понемногу стал приходить в себя,
но все еще не уяснил тайну происхождения приказа о резне.

15. Вознамерившись подавить смуту, он, вскочил на коня,
отдал приказ, чтобы глашатаи объявили о том, что

(88-а) 1. Жители Тебриза, изъявив покорность, получили
аман,
и после этого, какой деспот [осмелится] пролить кровь ре-
айа.

2. В то время, как они стали преданными рабами повелителя
эпохи,
кто разрешил вам отбирать у них имущество и предавать
всех вокруг смерти!

3. Реайа принадлежат падишаху, и не помышляйте их при-
теснять,
коль не желаете расстаться с головой, то не убивайте.

4. Пока эта весть о негодовании сардара дошла до слуха
воинов,
сколько молодых и престарелых, безбородых [юнцов] и
женщин пали.

5.Произошло такое страшное бедствие, что если я возьмусь его описать,
от горьких слов изведутся бумага и перо.

6.Если день всеобщего воскрешения из мертвых будет таким же,
как тот день, то это кошмар!

7.Это бедствие удалось подавить только лишь к вечеру,
стонущие женщины и дети, со сторбленными спинами.

8.Одного-двух их числа участвовавших в разбоях и грабежах
сераскер приказал тут же повесить в центре города.

9.Такие разговоры и поступки бойцов вызвали у непоколебимого везира
глубокую печаль, которая снедала его изнутри.

10.Из-за того, что бойцы и эмиры не подчинились его приказу
его одолели стыд и боль.

11.Было 23 шевваля (18 октября), когда слегший от [горя сардар],
положил голову на подушку смерти.

12.Враги веры, разузнав об этой вести, стали притеснять [османов],
не давая им покупать провизию извне.

13.С каждым днем непокорность проклятых возрастала –
когда сераскер нездоров, то и его бойцы становятся уязвимыми.

14.Из-за отсутствия провизии животные оказались в тяжелом состоянии
тем не менее, ни шейхи, ни юноши не теряли отваги.

15. По милости господина – султана Мурада, обладающего великодушием и благословенного удачей, стало возможным пополнение припасов.

(88-б) 3. Из-за болезни сераскера наступил беспорядок войско религии оказалось в удручающем положении.

4. Кто-то занимался поджогом и грабежом, кто-то захватывал, а кто-то сбегал.

5. Никто не прислушивался к товарищу дело дошло до того, что пренебрегли и сардаром.

6. С одной стороны, провинились [войска] из Рума и капы-куллары
- они подожгли шатер сардара.

7. Смута охватила войска религии каждый старался лишь ради своих интересов.

8. На тот день пришлось немало печали, перо бессильно описать это.

9. Описание **шестого сражения** и шехидство Мехмед-паши – мирмирана Диярбекра (неразборчиво)

10. Пленение мирмирана Карамана Мурад-паши в начале месяца зилькаде 992 года.

11. В пятницу – первый день месяца зилькаде (24 октября 1585 года)
[появились] вражеские силы, обуреваемые яростью и гордыней.

12. Собравшись вокруг шахзаде, злополучное племя перешло в наступление,
[теперь] бесславие обрушилось и на румское войско.

13. Ушло счастье и снизошло оно на голову шаха,
а нам, оказалось, суждено сложить головы и руки на крепостных камнях.

14. Всевышний, что даровал нам их имущество и добро,
ниспослал нам свой суровый приговор.

15. Сосредоточив свои силы за горой, [кызылбаши],
рассчитывали: «[неожиданно] набросимся и разгромим их».

(89-а) 1. В центре – шахзаде, с правого фланга – Токмак-хан,
с левого фланга Амир-хан с несколькими кровожадными.

2. Разделив войска на три части полный лицемерия [враг]
в таком порядке с утра начал атаку.

3. Когда [волею] Всевышнего этот скрытый замысел стал
ясен,
эмиры и простые воины выстроились для боя.

4. Сам сардар [Осман-паша] был не в состоянии сесть на коня,
а проклятый враг был уже на поле боя.

5. Что ему еще оставалось?! в слезах
он вновь назначил сардаром Синан-пашу.

6. В арьергарде, прикрывая армию, шли
[войска] из числа янычар и бёлюк халгы.

7. С появлением этого душой отважного тигра
поле битвы стало тесным для врага.

8. Было утро, когда воины встали в боевой строй,
и окрестности огласили возгласы мехтаров^{lxxxvi}.

9. Исламские войска возглашали таухид и темджид,
а порочное племя – клевету и хулу в адрес верных асхабов.

10.С обеих сторон войска выстроились в ряды,
от пыли заволкло солнце, словно наступило затмение.

11.Полетели стрелы с обеих сторон –
вызов храбрецам выступить на поле боя.

12.Безбожники, в душе лелеявшие ненависть к асхабам ве-
ры,
вступили на поле с пренебрежением, – сообщил Синан.

13.Но потом на их головы посыпался огонь пушек,
раздались удары гурзы^{lxxxvii} и шешпара^{lxxxviii}.

14.Воины религии схватились в битве с безбожниками
сей час ударили мечами.

15.Всевышнему известно, в тот миг произошел геран^{lxxxix}
соединение светил,
в ужасе закатилось солнце Вселенной.

(89-б) 1.Без промедления бойцы из Шама пошли в атаку,
злополучное племя набросилось на воинов – последовате-
лей религии.

2.А когда стали близиться вечерние сумерки,
то все смешалось на удивление [самой] долины [сражения].

3.Войска [противостоящих] сторон в тот миг перемешались,
воины религии бились с друзьями пророка.

4.В тот миг не оставался спокойным мирмиран Караамида,
жаждал он пасть шехидом и выпало ему это счастье.

5.Ведь ранее его нерадивость привела к поражению,
предал он благосклонность султана и был [за это] покаран.

6.Мурад-паша в тот миг был пленен –
кто готовит яму для брата, сам же в нее и угодит.

7.Сколькими отважными воинами ты пожертвовал за веру, [теперь] и твоя душа птицей вознесется и угнездится на небесах.

8.Сражение в тот день продолжалось до самого вечера, чей-то отец, а чей-то сын лишился головы.

9.Таков уж закон войны – один побеждает, другой лишается головы, каждому, в конце концов, воздается за дела его.

10.Оставив этот бранный мир, [кызылбаши] нашли вечность, но не в раю им было пристанище, а в огне, [уготованном] Всевышним.

11.Хотя [вначале] эти кызылбаши и сражались, как одержимые, но расплатились по праву крови и отступили...

“ГЯНДЖИНЕ-ЙИ ФАТХ-И ГЯНДЖА”

Глава 1. [Изложение того], как предприимчивый и отважный везир Фархад-паша стал сардаром, и обзор крепости Реван

(108-а) Когда покровительствуемый Аллахом и осененный тенью Феникса господин^{хс}, да продлит Всевышний его правление до Судного дня, вознамерившись подавить и искоренить Аджемский вилайет, покорить Гюрджистан и Тюрк-и Дейлем исключительно ради того, чтобы заслужить благосклонность всемогущего и Всевышнего господа, и соблюсти сунну избранного пророка, да благословит его Аллах и приветствует, и обеспечить [защиту] честь избранного чарйара, да будет доволен ими всеми Аллах, сначала отправил покойного Мустафа-пашу, да смилостивится над ним Аллах, то все совершенные тогда завоевания были подробно изложены в столь красноречивых и выразительных описаниях, что (108-б) прочим обладателям острословия нет надобности пытаться что-то добавить. Позже, когда был направлен грозный как лев Синан-паша, да пошлет Всевышний ему навеки счастливые дни, то поскольку великими мастерами слова был составлен превосходный дастан с описанием той эпохи, то было решено, чтобы не повторяться осуществить данное изложение в виде обзора.

Когда для выполнения августейшего намерения, осуществляемого во имя торжества религии и соблюдения очевидного шариата, требовалось [назначение] добропорядочного сардара и обладающего высокими помыслами везира, на эту должность в 991 году был назначен почитаемый министр и прославленный советник, упорядочитель мира, даровитый устроитель дел народа счастливый Фархад-паша, да продлит Аллах его величие. Определившись с походным снаряжением и вооружением для предстоящих сражений, он прибыл для поклонения престолу покорителя мира, затем

состоялся просмотр [войск] и устроено торжество при благосклонном внимании повелителя мира и (109-а) хакана эпохи. (Лакуна) Уповая на творца, с хорошими предзнаменованиями и великим счастьем, выступили в назначенном направлении и, (109-б) двигаясь от привала к привалу, дошли до крепости Реван, являющейся честью стран Иран и Туран, воротами Нахчывана и Ширвана, вызывающей зависть владением Азербайджана. Военачальник и правитель [Ревана] Токмак-ак, будучи беспомощен перед мощью единобожных войск, решил бежать, его наследственные владения были захвачены вдоль и поперек, прочитана славная хутба на имя августейшего покорителя мира, победоносного сахибграна^{хсi}, да продлит Аллах его халифатство до дня подсчета грехов... Предприимчивый министр, приложив тысячу усилий и совершив подвиги сродни Фархадовым, в ничтожно малые сроки соорудил для повелителя эпохи в той прекрасной как Ширин стране крепость округлой формы, (110-а) для описания которой у пера не хватит слов, а красноречивый повествователь нем, чтобы воспеть ее. (Лакуна) Джигалазаде Синан-паше, бывшему в то время беглярбеком Диярбекра, было отдано беглярбегство Реван. Он был возведен на должность везира (110-б) с выделением неисчислимой казны и снаряжения. Этот искусный всадник на поле боя и днем, и ночью, не переставая, предпринимал огромные усилия для охраны [вилайета], завоевал неисчислимое число крепостей и местностей...

Глава 2. О походе османской армии в Гюрджистан и строительстве укрепленных крепостей в горных проходах Лору и Туманис

(111-а)...Завершив многочисленные победоносные завоевания, исламские войска в величии и славе в благоприятный час выступили из вышеупомянутого пункта в сторону Эрзрума. С помощью Аллаха в условиях суровой стужи

и ярой стужи [войска] благополучно достигли ворот государства. Часть войск была расквартирована по зимним квартирам, а остальные получили увольнение и отправились по домам, где предались наслаждениям и сокровенным желаниям, (111-б) усердно вознося молитвы во имя продления правления победоносного [правителя], да увековечит Аллах его халифство до Судного дня. (Лакуна) Когда по воле Всевышнего зазвучали соловьиные напевы, распевая радостную весть об отступлении армии зимы и сразу вслед за этим появились признаки благоухающей властительницы весны с армией цветов, войско религии также было готово к тому, чтобы рассеять подобно войску зимы бесстыжую кучку безбожников. В тот превосходный год, что приходился на (пропуск) год хиджры пророка, да благословит его Аллах и приветствует, когда славный отважный сардар решил направиться против никчемного врага, находившиеся при нем мудрые благожелатели посоветовали: «благодаря помощи и милости Всевышнего (112-а) сорхсарам отчасти отомстили. На данный момент серьезной заботой для людей верующих и их очевидным долгом перед исламом является очищение поверхности земли мечами и штыками газиев от проклятого Симона, который представляет собой помеху на пути религии, зловредное по своей натуре пятно. Он не успокаивался без того, чтобы каждый раз не причинять вред и учинить бедствие войскам моджахедов. В особенности он является помехой на пути в Ширван и щипом на дороге в Реван. Сначала искрами, [высекаемыми] из-под копыт лошадей соловой масти сжечь этот край, захватить их семейства, богатство, а затем с помощью Всевышнего выловить и расправиться с сорхсарами». Праведный сардар согласился с этим, и решил направить коня цели против проклятого Симона и натянуть узды великодушия на бдительного, [но] поддавшегося соблазну Левенда. (112-б) Возвышенные победой войска, преодолевая привал за привалом, достигли опасных горных проходов под названием Лору и Туманис. Правиль-

но рассудив о том, что, прежде всего необходимо эти горные проходы, возникающие [на пути] словно пасть дракона укрепить мощными крепостями, и затем уж двигаться далее, [войска] тут же приступили к строительству крепостей. В короткий срок с помощью Всевышнего были возведены две невиданные крепости, в описании которых такими, какие они есть, мудрые летописцы и талантливые люди оказались бессильны. Беглярбегство Туманис было отдано Самандарпаше, а беглярбегство Лору вверено Путур Али-паше. Беглярбеку Эрзрума покойному Мехмед Пашазаде Хасан-паше было велено с непоколебимыми как львы войсками, мобилизованными с подвластного ему эялета, остаться в Лору для охраны. После выделения достаточного количества казны и продовольствия, вооружения и войск [османская армия] благополучно с победой вступила в крепость Эрзрум – врата безопасности.

(113-а) Поистине, строительство вышеупомянутых крепостей стало клеймом и обожгло сердце проклятого Симона и душу Левенда и, по сути, стало настоящей сетью для поимки этих несчастных. (Лакуна).

(Лакуна) Глава 3. [В ней повествуется] о доставке провизии в Тебриз счастливым и мудрым везирем Фархад-пашой, во второй раз назначенным сардаром

(113-б) Завоеватель Ширвана, покаравший [потомка] рода Чингиз-хана^{xcii}, покойный Осман-паша, да будет согласие и милосердие над ним, прибыл в богохранимый город Кастантинию^{xciii}, великие врата халифата, защищаемые Всевышним Аллахом от бедствий, (114-а) и удостоился чести быть принятым и чести поцеловать подол сопутствующего счастьем августейшего султана. (Лакуна)

(114-а) Добившись, наконец, осуществления своей давнишней мечты, он обратился [к падишаху] с просьбой: «Я поклялся отомстить шаху Аджема и государю Тюрк-и

Дейлема за избранного чарйара, да будет доволен ими Аллах. Если Аллаху будет угодно, чтобы свершение этого дела было поручено этому презренному и ничтожному рабу, то всю жизнь и силы я посвящу тому, чтобы уже в дни правления счастливого падишаха подчинить власти халифата Азербайджан, Шираз и Хорасан».

Великодушный падишах счел светлую мысль сардара благоразумной и удовлетворил его просьбу, пригласив очастливленного, достойнейшего сардара во дворец – основание правосудия, чтобы [он имел возможность] поклониться престолу солнцеподобного. (114-б) Получив в шевале 993 г.х. (октябрь 1585 года) приказ о выступлении с целью осуществления этого важного задания, вышеназванный господин [Осман-паша] приложил бесконечные усилия к тому, чтобы незамедлительно прибыть на место назначения.

С принятием этого решения и претворением его желания в жизнь стало возможным, с помощью Аллаха, всемогущего властителя, завоевание несравненной столицы Азербайджана, города Тебриза, местонахождения трона заблудших и хитрых шахов, утверждавших порочный путь.

Принимая во внимание то, что мастера слова устно и письменно тысячекратно описывали сражения, которые 8 раз происходили с принцем сатанинской армии, то было бы неразумно говорить о них в нашем кратком изложении.

Мы ограничимся лишь приведением нижеследующих прекрасных строк, восхваляющих красоту Тебриза:

Он утопает в садах Ирема,
А камни и стены его
чисты как воды океана.

(115-а) Осман-паша, этот искуснейший воин наездник военного поля, был возвышен особым почетом в этом мире и поэтому его мольба, обращенная к всемогущему

господу о ниспослании ему счастья шехидства, достигли цели, его искренние молитвы были приняты всемилостивым богом. (пропущен год)^{xciv} в среду в полночь 6-го зилькаде (20 октября 1585 г.) его душа, да смилостивится над ней Аллах, птицей фениксом вознеслась в небеса, чтобы свить свое гнездо в райских садах. (Лакуна) Безжалостный лик многоликой судьбы отразился в зеркале времени. Однако для завершения завоевательных походов необходимо было [руководство] мудрого и благочестивого сардара с выдающимися способностями и поэтому во второй раз сардаром был назначен Фархад-паша, завоеватель Гюрджистана и покоритель Нахчывана, основатель крепости (115-б) Реван. Вышеупомянутый Фархад-паша, да будет он почитаем Аллахом до дня правосудия, осчастливленный благосклонностью к нему могущественного Султана вселенной и обрадованный подарками его величества (пропуск) числа выступил в направлении боевых действий и, преодолевая переход за переходом, прибыл в Эрзрум.

После того, как был осуществлен сбор всех выделенных ему войск и казны, в благоприятный день в шатре несравненного главнокомандующего собрались воины и высокопоставленные эмиры. В ходе громких споров каждый из присутствующих согласно своему нраву и в соответствии со своим уразумением высказывался по поводу направления военных действий, но тут раскрылись уста сардара и словно из блестящей живой сокровищницы слов посыпались драгоценные жемчуга [красноречия]. Он сказал: (116-а) «Все сказанное вами разумно и ваше мнение приемлемо, однако, для всевышнего, всевидящего и пронизательного, не является секретом, то, какие неисчислимые страдания и неисчислимые лишения перенесли победоносные исламские войска ради завоевания Тебриза, сколько погибло людей, лошадей и мулов, сколько растрчено казны, и в особенности, этой зимой, когда враги веры и ненавистники избранного чарйара держали в осаде единобожные войска. И не

является тайной то, сколько отважных воинов, равноценных самому Тебризу, было отправлено в небытие. Под атаками врагов веры и из-за недостатка провианта их сердца обливаются кровью. Мы должны поддержать единобожные войска, разбить и ввергнуть в скорбь безбожных мятежников, принести освобождение находящимся в Тебризе (воинам). Накрепко закрепим ремень энергии на пояснице решимости, и в первую очередь, поспешим туда, чтобы поправить положение тех отчаявшихся [воинов], а затем будем ждать освещающих путь указаний падишаха покорителя мира».

Присутствующие здесь мудрейшины и опытные военачальники восприняли эту речь (116-б) с большим одобрением и вознесли бесконечные молитвы. Согласно изречению «государственные мужи вдохновляемы богом», они сказали: «это решение, несомненно, является божественным внушением», и, осуществив необходимые мероприятия, со спокойной душой выступили в направлении Тебриза.

Переход за переходом, продвигаясь по степи, усыпанной розами и наслаждаясь [этим зрелищем], они подошли к мощной крепости, называемой ими Хамна. Вершины этой крепости возвышались в небеса, а глубина рвов [уносилась] в бездну земную. В ней благоденствовало бесчисленное количество грязных разбойников. Воистину, если представить Азербайджан в виде одной крепости, то можно считать, что Хамна представляет собой ее висячие ворота.

В прошедшем году [жители Хамны] при ходатайстве и покровительстве проклятого Магсуд-хана^{xcv} получили аман и поэтому у победоносных войск не было желания вступать в сражение: «[Ведь] мы же помиловали и пощадили их», - говорили они пренебрежительно. Как только эти слухи стали доходить до высочайшего слуха справедливого сардара, он повелел своим глашатаям распространить [его приказ]: «Все имущество, скотина и жители [крепости] достанутся воинам, а камни и земля - счастливому падишаху». Услышав это, воины веры одним решительным ударом раз-

грабили и сровняли все с землей, разгромили все имущество и пленили жителей. Впоследствии разрушения, произведенные ими в ходе сражения, были восстановлены в кратчайший срок.

(117-а) Разместив [в крепости] достаточное количество боеприпасов и денег, и назначив одного из решительных эмиров во главе отважных воинов, [османская армия] подавив всевозможные волнения, выступила в путь и на третьем переходе вступила в город Тебриз.

[Гарнизон крепости], изнуренный страданиями, причиняемыми осадой врагов, воскрес духом и оживился с прибытием [османов].

В самом деле, не вызывает сомнения, что покорение Азербайджана осуществилось именно в этот раз, ввергнув безбожников в скорбь и потрясения, а единобожцев возвысив славой и величием. Были удовлетворены потребности крепости в боеприпасах и казне, а разрушения, произведенные заблудшими воинами еще при осаде, были восстановлены в течение 3-4-х дней и стали еще более прочными. Завершив укрепление крепости, [Фархад-паша] со спокойной душой выступил в обратный путь в сторону убежища мира, покровительствуемого Аллахом. Каждый отбыл по месту назначения, а получившие увольнение, встретились со своими родными после разлуки и вознося бесконечные молитвы предались своим заботам.

Глава 6. О завоевании вилайета Гянджа и строительстве Гянджинской крепости в 996 г.х. (1588 г.)

(130-б)...С наступлением весны поступил августейший указ, обязательный для исполнения и предписывающий выступление на поле боя пехоты и конницы охотящейся за врагом армии.

(131-а)... В четверг, 26-го числа великого месяца шабана 996 г.х. (11 июля 1588 г.) [османская армия] выступила

из Эрзрума в направлении вилайета Гянджа, (131-б) чтобы с помощью всевышнего Аллаха заковать в цепи коварных врагов и покорить владения никчемных богоотступников. Завоевание этого вилайета стало причиной все возрастающего недовольства врага. Проходя через сады и луга, усыпанные розами, преодолевая степи и горы, [османская армия] 29-го числа благословенного месяца рамазана (12 августа 1588 г.) прибыла к берегу реки Куры и остановилась у крепости Акчекале, которая в прошедшем году была присоединена к государству ислама направляемыми Аллахом всепобеждающими войсками падишаха – убежища мира. Отсюда в Гори, являющийся важнейшим участком Гюрджистанского вилайета и местопребыванием заблудших грузинских правителей, был послан отряд под предводительством нынешнего беглярбека Эрзрума отважного Хызр-паши, чтобы доставить туда резерв и деньги, необходимые для выплаты жалованья турецкого гарнизона крепости. (132-а) В этом походе участвовали также беглярбек Халеба Хасан-паша, обладающий благонравным характером и беглярбек Акчекале Казак-хан, и доблестные владельцы эялетов из числа отважных курдских эмиров, и правители Румелии, Анадолу и Карамана с подчиненными войсками. Им стало известно о том, что проклятый Симон на своих землях устроил укрепления и вырыл глубокие рвы, по злему умыслу намереваясь преградить путь борцам за мусульманскую веру, и даже сам он в боевой готовности находился в засаде. Тогда [османские войска] с возгласами таухид и текбир, уповая на помощь Творца, сами бросились в атаку. Согласно изречению «каждый сам попадет в вырытую им яму», (132-б) несчастные головы и нечистые тела [самих грузин] переполнили вырытые ими же рвы в полное подтверждение слов «Неверному грузину место в яме». Довольные и благополучные [османские войска] прибыли на место назначения и доставили казну...

Войска пробыли в крепости один день. Выступив [из Гори], они последовали за победоносной [османской] армией и, соединившись с ней 9-го числа благословенного месяца шевваля (22 августа 1588 г.), вступили в Гянджу, и расположились в садах и лугах ее, утопающих в маках и жасминах.

(133-а) Воистину, Гянджа оказалась столь живописным и умиротворенным краем со сказочным климатом и неумолкающим пением соловьев, с дворцами и сараями, с протекающими здесь прозрачными реками, что являлась полным подтверждением слов «В этой стране не было творения подобного ей», и знаменитого аята, гласящего «под нею текут реки».

Те, кто воочию увидел богатство этого края, животворные реки, многообразие плодов, и пленяющих своей красотой райских красавиц и юношей, все повторяли слова славного аята «Да будет благословен Аллах, самый лучший из творцов». Не говоря о других достоинствах этого края, скажем лишь о том, что свыше 360 рек, каждая из которых таит в себе сокровищницу богатств, протекает в его окрестностях. В самом деле, если сравнить Гянджу с красивой возлюбленной, обладающей прекрасными чертами, то гора Эльборз была бы ее величественной головой, а производимые здесь шелка – ее волнистыми волосами, река Кура, протекающая с левой стороны и река Арас (?) – (133-б) ее ценными десницами. Соседствуя с [владениями] безбожников и являясь их союзником, [Гянджа] лишилась своего блеска, подобно тому, как драгоценный жемчуг теряет свою красоту, оказавшись в куче мелких раковин.

Поскольку эта жемчужина, достойная самого шаха, заслуживала того, чтобы стать драгоценным украшением на ушах великодушного государя и подобного Сулейману правителя, то с помощью Аллаха, всемилостивого властителя, газии ислама с криком устремились вперед и, погрузившись

в бурлящее море битвы, завладели ею [Гянджой] и обосновались здесь 11 шевваля (24 августа 1588 г.).

Как и полагается, беглярбекам и санджакбекам были выделены участки по корпусам, на которых с восхода солнца и до самого заката, восклицая таухид и тахлиль, текбир и темджит^{xcvi}, прилагая невероятные старания, они трудились, не покладая рук на строительстве фортификационных сооружений.

Сардар [Фархад-паша] с самого рассвета и до наступления вечера обходил участок за участком, подобно соколу облетал их. (134-а) Люди работали с усердием, круглые сутки напролет.

Стихи: Где еще есть такие воины, которые готовы и работать, и головы сложить в борьбе за веру.

15-го числа упомянутого месяца (28 августа 1588 г.) в среду прибыл правитель Ширванского вилайета Джафар, известный под именем Джафар Гарар, которому был оказан почетный прием. Сам достойнейший сардар [Фархад-паша] и все прибывшие в шатер счастливого сардара беглярбеки, облаченные в пышное великолепие парадных одежд, выразили свое почтение мудрому советнику, опытному полководцу, славному везиру, могущественному Джафар-паше. Почтенный сардар, источник благодеяний [Фархад-паша], при заслуженной безграничной благосклонности этой именитой особы вознесся с брэнной земли до небесной выси, а войска в тот день были охвачены таким благоговейным трепетом и испытывали такое величие, что даже ангелы небесные не видывали и не слыхивали прежде о таком.

(134-б) Окружность вышеуказанной [Гянджинской] крепости составляла 3800 зира^{xcvii}, высота – 10 зира, а ширина – 3 зира.

Согласно изречению «доблестные люди свернут горы», войска, отмеченные знаком победы, своим усердием и

стараниями завершили строительство 43-х величественных башен и 7-и железных ворот, мощной внутренней крепости, 3-х фортов, глубоких рвов, и других объектов в окрестностях. Крепость обладала несказанной красотой и изяществом. Вышеупомянутому Черкес Хайдар-паше был пожалован пост беглярбека [Гянджи] и выделено достойное количество казны и боеприпасов и отважных воинов для охраны.

В одном из благословенных мест [города] был совершен намаз, на котором была прочитана хутба на имя могущественного повелителя, а затем прочитаны молитвы во имя продления царствования счастливого Султана, победоносных завоеваний воинов веры, за разгром и поражение врагов...

Глава 7. [В ней описывается] поход и разгром с помощью Аллаха правителя Гянджи Зиядоглу Мухаммед-хана

(135-а)...Как только до слуха бывшего правителя Гянджи отъявленного злодея Зиядоглу Мухаммед-хана дошла весть о том, что исламские войска, завершив благоустройство Гянджи, собираются выступить в поход против них с целью грабежа и наживы, он [Зиядоглу Мухаммед-хан] за 5-10 дней [до их выступления] собрал свой народ, проживавший в окрестностях и состоящий примерно из более чем 40-50 тысяч дворов, и выступил в путь. При этом они забрали с собой семьи, имущество и скот, а все дома свои разрушили. Перевалив через степи и горы, они расположились в живописном местечке на берегу Араса, где к ним присоединились и племя устаджлу. (135-б) Собрав войско, насчитывающее более 10.000 хорошо вооруженных богоотступников, они подготовились к освобождению своей страны и защите своих подданных. Полный лицемерия Токмак, также намереваясь отомстить [османам], засел в засаде с отрядом в несколько тысяч заблудших воинов. После выхода побе-

доносной армии веры из Гянджи, эти злоумышленники, набирая с каждого двора по одному всаднику и одному пехотинцу, мобилизовали армию, [насчитывавшую] приблизительно около 100.000 нечестивцев. Они решили сначала осадить Гянджу, а затем рассчитывали направиться в Нахчыван, Реван, Азербайджан, подвергнув эти страны опустошению, разорив население, ввергнув в страдания войска и райатов.

Однако их никчемные замыслы стали известны [османам] и они решили, что во имя защиты чистоты веры и сохранения земель султаната, принадлежащих падишаху, следует с помощью Аллаха покончить со зловредными посягательствами безбожных врагов, а их самих (136-а) стереть с лица земли, перебив карающими мечами и саблями.

Назначив военачальником Ширвана, вышеупомянутого Джафар-пашу со своими войсками, а также белюк агасы^{xcviii} с отважными капыкулларами и кетхуду янычаров охранять султанские войска и оставив здесь самых юных и немощных, османские войска в составе самых отборных сил и отважных воинов, 8-го числа месяца зилькааде (19 сентября 1588 г.), в пятницу, со словами «да поможет Всевышний», выступили в путь в указанном направлении. [Османская] армия была охвачена таким высоким пылом и возбуждением и переполнена чувством энтузиазма, что преодолела восьмидневный путь за два с половиной дня, о чем проклятый хан [Зиядоглу Мухаммед] даже и не подозревал, опьяненный своим высокомерием и ослепленный жаждой веселья. Но этой же ночью к нему прибыл Исмаил-хан, тот самый, что когда-то перебежал от кызылбашей и, надев на шею ярмо повиновения, подчинился падишаху ислама. Тогда ему был пожалован подчиненный Караману санджак Кыршехир, но твердо укоренившаяся в его натуре завистливая злоба и ересь все (136-б) еще не исчезли, и он, поддавшись искушению дьявола, сбежал [из османской армии].

Подобно разразившемуся грому он обрушился в опочивальню хана со словами «Они [османы] уже здесь, тебе следует бежать».

Эти слова поразили хана, и он вынужден был бежать из своего гнездышка, оставив все свое имущество, скот, и бросив весь свой обоз. С членами своей семьи, челядью и своими близкими, словом, всеми, кого можно было перевезти на верблюдах и лошадях, он поспешил к берегу Араса, уносившегося в бездну небытия. Более 1/3 людей потонуло тогда в пучине разбушевавшейся реки, остальные же с трудом сумели спасти свои души.

Воины, привыкшие к захвату добычи на поле боя, увидев все это добро, прекратили преследование противника и бросились мародерствовать, оставив без всякой защиты всепобеждающее знамя ислама. Не дай бог, чтобы об этом стало известно врагам, потому что, было очевидно, что в этом случае даже незначительными силами они сумели бы нанести [османам] полное поражение. Тогда отважный сардар сам вознес над головой (137-а) августейшее знамя и, своей беспримерной храбростью и твердой непоколебимостью увлекая за собой находящихся рядом бойцов, погрузился в море сражения, уповая на всемогущество Господа бога. Прискакав на берег Араса, он немедленно форсировал его. Когда он на своей лошади, переходящей реку, где вплавь, а где верхом на лошадях, благополучно перебрался на другой берег, то для других почтенных военачальников, благополучных эмиров, стало невозможным более оставаться безучастным и медлить с выполнением приказа. Река Арас, подобно дракону с раскрытой пастью и безжалостные мечи, в сражениях проливающие кровь врагов, делали свое дело. Упрямы, не принявшие милости султана, за свою неблагодарность были потоплены в реке, а праведники, усердствующие на пути религии, спаслись благодаря заботе избранного чарйара. Они налетели на врага подобно соколу, настигнутому свою добычу, и разгромили его: скольким не-

честивцам (137-б) они отрубили головы, скольких закололи! Такого кровопролитного сражения на мечах не видывали и глаза самой фортуны.

Токмак-хан ак, который из-за вражды, возникшей между ним и войсками из Караджадага, отошел от них, а затем, опасаясь встречи с воинами ислама, начал отступление, все-таки наткнулся на них. Воспользовавшись благоприятным случаем, [османы] захватили все его имущество и скот, но когда решили напасть на его семью и родственников, то тут заиграли мечи. Проклятые безбожники потерпели ошеломительное поражение, ниспосланное им господом богом. Два дня и две ночи находились [османы] в этой области. Вышеупомянутый вилайет был разграблен вдоль и вширь, население разорено. Оставшихся в живых людей этого племени, тех, кто не потонул в реке и не был разрублен мечами, пригнали обратно на места их жительства и оградили от притеснений и грабежа воинов.

(138-а) В день, когда с помощью Создателя земли и небес на пятом переходе [османские войска], благополучные и довольные, присоединились к султанской армии, были устроены грандиозные празднества и веселья.

Со временем ввиду полученного ранения состояние Джафар-паши, валия Ширванского вилайета, оставшегося во главе войск, ухудшалось, болезнь усиливалась, и приближался его смертный час. 11-го числа вышеупомянутого месяца (22 сентября) он скончался, а его душа перешла из этого бренного ложного мира в обитель Всевышнего, «мы принадлежим Аллаху и к нему возвратимся...»

Поскольку человек, находящийся на этом посту, должен был обладать качествами непоколебимого валия и непреклонного как лев везира, то на эту должность заслуженно был назначен беглярбек Анадолу Хадим Хасан-паша. Ему был пожалован сан везира и Ширванский эялет, куда он отправился незамедлительно во главе отважных воинов. А в Анадолуйский эялет, который находился под особой

опекой султана, (138-б) был направлен беглярбек Халеба Хасан-паша, второй мирахур.

На пятый день пути, 23-го числа месяца зилькааде (4 октября), [османы] прибыли в местечко Сарыкамыш на берегу реки Куры. Они намеревались перейти на другой берег и подвергнуть страну проклятого Левенда разгрому и опустошению, а уцелевших жителей увести в плен, по причине того, что сумма хараджа, которую Левенд должен был выплатить, из-за его халатного отношения все еще не была доставлена. (139-а) Когда эта недобрая весть дошла до слуха этого отъявленного разбойника, он, оказавшись в тисках смерти, сначала в качестве послов отправил к османам нескольких известных подлецов, доставивших его письменные извинения, а вслед за ними тут же выслал харадж. Его извинения были приняты, как и извинения уродливого Симона, который, узнав о случившемся, поспешил отправить свой харадж и выразить покорность. Искендер-хан, находящийся в родственных отношениях с потерпевшим поражение вышеупомянутым Мухаммед-ханом^{хсх}, во главе 8500 бойцов, отличавшихся редкой храбростью, и 12.000-ным племенем, присоединился к главе армии правоверных. Правитель Барды Али Султан, подчинявшийся Порталоглу Мустафа-паше, ранее изъявившему покорность османам, вместе со своими отважными воинами, прекрасно владеющими саблей и артиллерийским оружием, и жителями вилайета Барда, также прибыл для изъявления покорности. (139-б) Раяты всех округов Гянджи и Карабаха тоже отправили своих меликов^с, чтобы выразить покорность. Меликам были вручены султанские грамоты о помиловании, они получили подарки и дирлики. Ханы и султаны были назначены править своими владениями. Возвысилось славное знамя султаната, утвердился мир и спокойствие и люди вернулись в свои дома, чтобы приложить свои усилия в дело навечного присоединения к могущественному государству султана. С помощью господ бога, всемогущего и славного, с укрепле-

нием повсюду авторитета султана и распространением настроений приверженности к нему, то незначительное количество комарья, заносчиво ведущее борьбу, вынуждено было сменить свою самонадеянность на смирение.

Период правления августейшего правителя был ознаменован миром и спокойствием, благодаря чему райаты и берайаты получили возможность заняться своим ремеслом.

Осуществив это великое завоевание, (140-а) [османская армия] 17-го числа месяца зильхиджа (28 ноября 1588 г.), во вторник в целости и невредимости добралась до Эрзрума. Отсюда кто-то в соответствии с приказом отправился на зимовку в места назначения, а кто-то получил разрешение вернуться домой.

Глава 8. [Повествует о том], как бывший шах Аджема и шахрияр Тюрк-и Дейлема, после убийства Кочкапан^{ci} шаха Хамзы обязался отправить его сына Султана Хайдара ко двору властелина – убежища справедливости для заключения мира

Мирза Аббас, став шахом, значительно отсрочил это важное событие. Но по благоразумному совету сардара [Султан Хайдар] был отправлен, о чем и повествуется в этой главе.

(140-б)...В то время как волею могущественного и милосердного Творца ее величество Весна силой отвоевала из-под власти войск зловерной зимы эту страну-цветник, [покорив] её от края до края и распространив вокруг благость и справедливость, розовый цветок наследного трона Хосроя впал в сожаление, (141-а) что своим пылающим огнем обжигал шахрияра, а у [государственных] вельмож [в надежде на] воссоединение вызывал стоны, как у плачущих соловьев^{ci}. Раскаиваясь в действиях, совершенных вопреки согласию распространяющего справедливость шахиншаха, и насовсем отказавшись от страсти к главенству, [шах Аб-

бас I] решил встать на службу величественного как Искендер, султана, отправив во дворец – прибежище справедливости [стройного как] кипарис главного цветка из цветника... [Проливая] реки слез раскаяния, он обеспечил себе выход на просторную дорогу, ведь главенство в этом брэнном мире достойно лишь счастливого султана. «Я намерен отличиться среди равных себе в покорности властям. Пока я совершал своеволие и проявлял непокорность, следуя по пути притеснений, не обходилось без того, чтобы моя совесть не мучилась, [истерзанная] щипами, и мой печальный колос не подтачивался. Как бы наша покорность великодушному хакану, (141-б) привязанность ко двору убежища справедливости, и опора на источник осуществления желаний не привела бы нас на положение невольников. А каково ваше светлое мнение на этот счет?» – обратился [шах] с вопросом.

Стих: «Душа шаха подобна зеркалу, в котором отражаются идеи, внушенные Всевышним».

В то время как [шах] внимал этому благоприятному ответу, состоялось прибытие делегации в уроченное место. Тотчас были преподнесены различные неисчислимы дары и передано гиацинтовой руке письмо о повиновении. С отправкой по великодушному царскому благословию юного шахзаде в сторону венценосного шахрияра в качестве невольника хакана эпохи, он [шах] наслаждался покоем в окружении своих помощников и приближенных...

(142-а)...От такого повинования и единодушия страна преобразилась в цветущий сад Ирема, черным воронам пришлось удалиться за тысячу переходов от блистательного меджлиса, вершины гор покрылись армией плодоносящих деревьев. Те, кто был застужен зимними холодами, оживился под дуновением справедливой весны. Шах Аббас, заслуживший порицание перед Аллахом и людьми, уединив-

шись в углу, своим пронизательным взором и беспристрастностью наблюдал за тем, как в цветнике наступило совершенное умиротворение, и народ передохнул спокойно. Его каменное сердце, переполненное смутой, смягчилось. Полагая, что «эти сокровенные знаки являются для нас напутствием, исходящим от Всевышнего», [шах] решил исполнить данное им ранее обещание и принялся за подготовку отправки [ко двору] убежища справедливости сына своего брата, именовавшегося шахом (142-б) – Кочкапан шаха Хамзы – Султана Хайдара с просьбой воспитывать его под своим покровительством. Было очевидно, что эти проявления воли Всевышнего предопределили искренние намерения падишаха, которые осуществились в этот благословенный год, что приходился на 997 год хиджры пророка (1589), самого благословенного и приветствуемого. С начала восточного похода и до настоящего дня ознаменованные победой и удачей исламские войска, погруженные в море кровавых слез пораженных мечами и выстрелами врагов славных шейхов, под напутствием Аллаха первыми достигли завоевательного берега. Сколько достойных шаха драгоценных жемчугов было добыто! Тогда-то мечи борцов за веру успокоились в своих ножнах, а бойцы Всевышнего и прочие (143-а) реая и берая обрели покой. «Пусть они возносят молитвы во имя упрочения моего царства, привитого к вечности. Мои устремления на восток есть предопределение Аллаха, и можно полагать, что по милости Аллаха распутный шах и небритый бездельник, следуя по пути своего предшественника, иншаллах, вскоре явятся к дверям моего могущественного халифата с просьбой о пощаде и благодетельности». [Исходя] из таких соображений, было отдано высокое повеление об отсрочке счастливого похода. Однако сардар, отмеченный знаком отваги, вместе с некоторыми отважными смельчаками обосновался в Эрзруме – воротах завоеваний, прилагая усилия по удержанию границ и защите владений породненного с вечностью султаната. Обходясь

тем положением, в котором пребывал, и во всех делах смиренно вверившись господу – владыке мира, он занимался мероприятиями по [подготовке] прибытия шахзаде. (143-б) Однако зловредные враги и вероломные завистники своей беспросветной ложью сеяли среди знати и простого люда смятение, твердя о том, «словам сардара не осуществиться». Хвала Всевышнему, их злобная зависть послужила тому, что исполнение намерений того, кому они завидовали, лишь прибавило ему успеха и почитания... Один из чашнигиров^{сiii} Высокого порога Вели-ага, прибывший ранее с посольством в связи с решением об отправке шахзаде, принятым по милости наставляющего на путь истинный Создателя, благосклонному расположению шахрияра и благодаря неустанным усилиям сардара, неоднократно присутствовал на меджлисах шаха Аббаса, внимая многочисленным речам. На специально устроенном меджлисе с участием высшей знати и простого народа, шах Аббас обратился непосредственно к Вели-аге [со словами]: (144-а) «Я такой же раб падишаха ислама, как и прочие его рабы. Вследствие того, что раньше по искушению зловредного сатаны и под влиянием своего окружения я следовал по пути неповиновения, все мои вилайеты за небольшим остатком, сохранившимся в моих руках, были завоеваны [его] всепокоряющими войсками, имущество разорено, мужчины, женщины и дети ввергнуты в стоны. Раскаиваясь в действиях, совершенных до настоящего момента, я решил отправить с вами сына своего брата Султана Хайдара во дворец обители справедливости с просьбой о помиловании и милости. Так же, как вы являетесь послем августейшего падишаха ислама, состоя у него на службе, прошу, чтобы вы стали и моим полномочным представителем и проявили усердие и старание с тем, чтобы вызволить из рук яростного войска. Отныне признаю себя, как и прочие рабом [его] двора – убежища справедливости, так что, иншаллах, (144-б) впредь не будет никаких действий неугодных высокой воле». Выступивший вслед за

этим обращением вышеупомянутый Вели-ага, сказал: «Счастливым шах, мой величественный и великодушный падишах, да увековечит Всевышний Аллах его величие, обладает глубоким чувством милосердия и сострадания. Иншаллах, все Ваши просьбы и мольбы будут приняты – реайа и берайа Вашей стороны обретут покой под сенью справедливости и Вам воздастся в обоих мирах». В ответ на эти слова было высказано еще несколько остроумных изречений, [а затем] преподнесены в качестве даров халаты, пояса и сабли. Как только решение по вопросу отправки [шахзаде] во дворец – обитель справедливости было принято, [делегация], башбугом которого был назначен доверенный и преданный шаху Мехдигулу хан – нынешний хан Ардебилья, в составе Шахгулу Халифе, который был вместо атабека мирзы [шахзаде], и Алигулу Султана, и прочего Мехдигулу Султана, и шестисот (145-а) знатных горчив и компетентных лиц, выступила из Казвина и прибыла в Ардебиль. [Отсюда] один из чавушей Высокого порога, сопровождающих Вели-агу, – Байрам чавуш, эшикагасы^{civ} шаха Аббаса Алихан-бей были отправлены вперед с тем, чтобы оповестить озабоченного сардара о предстоящем прибытии шахзаде. Прибыв в благополучный час, они были облагодетельствованы и осыпаны неисчислимыми дарами. В то время как с нетерпением ожидалось прибытие [делегации], некоторые злоумышленники из числа тех, кто подобно жертвам птицы анка^{cv}, стали добычей соколов священной войны, но спаслись, получив аман, [теперь], возомнив, что находятся в преимущественном положении, возмутились, не сочтя нужным ни явиться к злополучному шаху, ни искупиться, поцеловав подол славного султана, ни изыскать себе место, чтобы дать успокоение своим обессиленным крыльям. (145-б) Когда прошелся слух о том, что «шах, намерен лично начать наступление на Гянджу и Барду», Келб Али-хан, из грязной души которого не исчезла зловредность, хоть он и принял ислам, подумал, что это «шанс и его нельзя упус-

кать». Под предлогом выступления в сторону Гянджи Келбакур^{сви} собрал своих людей и внезапно ночью напав на Казак-хана, схватив его по воле Всевышнего. Оба они [Келб Али-хан и Казак-хан], надев на шею ярмо повиновения и облагодетельствованные царственным покровительством и милостью, были [назначены] мирмиранами в своих ульке. Как только до слуха ревностного сардара дошла весть о том, что в подтверждение славного изречения «все возвращается к своей сути» [Келб Али хан] примкнул к кучке врагов, [он] незамедлительно выступил из Эрзрума. (146-а) По прибытии в крепость Хасанкале был отдан приказ о срочном прибытии всех располагающих такой возможностью беглярбеков, в кратчайший срок собралось многочисленное войско. [Весть] о том, что беспутный шах прибыл лично, не оправдалась, но распространились слухи о том, что свора собак, услышав о выступлении привычного к разбою войска, рассеялась. Но, тем не менее, [сардар] отправил против них [войска], назначив сардаром эрзрумского беглярбека Хасанпашу. В этот момент поступила радостная весть о прибытии шахзаде Хайдара в местечко Кагызман. Следуя славному изречению «окажи почет гостю, пусть даже он и не неверный», занялись необходимыми приготовлениями к приему почетного гостя. 4-го зульхиджа 997 г. хиджры, что приходился на субботу, в день, когда состоялось прибытие гостей, расстроенные ряды врагов незапятнанных асхабов были встречены величественными и славными воинами, [закалёнными] в битвах, (146-б) и препровождены к шатру сардара. Славный сардар появился из-под навеса и подобно орлу-ягнятнику, на лету настигающему свою добычу, он схватил с коня шахзаде, который прилетел прямо ему в руки, запутавшись в сетях проведенных [сардаром] умных мер и [польстившись] на зерна его мудрых мыслей. Облобызав и обняв, [сардар] проявил ему тысячи почестей и усадил его на свободное место рядом с собой. От имени его величества падишаха всевозможными блюдами в фарфоровых чашах,

на серебряных подносах было накрыто 60 серебряных постаментов.

**...Глава 9. Является [описанием] банкета,
устроенного от имени падишаха [в честь] шахзаде
отступившейся страны – Хайдара**

Были приготовлены различного рода блюда и разложены перед шахзаде. После трапезы были преподнесены многочисленные дары, великолепная сабля, пояс и кинжал, усыпанные драгоценными камнями, а также подарки ханам и султанам, и нукерам в количестве 300 человек. (147-а) Было проявлено высокое почтение и благосклонность, которые выше всякого описания. На 10-ый день вышеупомянутого месяца, что был праздником ид ал-адха^{cvi}, сардар приложив всевозможные усилия ради защиты чести Хусрев джихана со своей стороны устроил щедрый банкет, накрыв 40 столов, а после трапезы преподнес дары и выказал благосклонное расположение. Подобное обращение соответствовало тем условиям, которые надлежит проявить при приеме гостя с такой миссией, и вызвало удовлетворение и у них [гостей]. По воле Всевышнего в тот благословенный день совпали 5 радостных событий: первое – праздник по случаю окончания хаджа, второе – шах Аджема и шахрия Тюрк-и Дейлема, признав себя рабом при покровительствуемом Аллахом падишахе отправил родного сына своего брата шаха – Хамзы для прислуживания при султানে сахибгране, третье – благодаря установившемуся миру реайаты и берайаты обеих сторон (147-б) обрели покой и занялись вознесением молитв во имя продления царствования могущественного шахрияра, четвертое – пришло известие о том, что презренные [войска], овладевшие Гянджой и Карабахом, были оставлены без помощи, пятое – завистники, утверждавшие, что заверения сардара об отправке шахзаде не осуществляются, по милости Всевышнего, оказались опровергнутыми. Хвала и

благодарение Аллаху за благосклонность, благословение и приветствие пророку Мухаммеду и его асхабам. Хотя все произошедшее стало возможным по милости Всевышнего, но исходило от его величества падишаха – убежища мира...

**...Хатиме, [в котором повествуется о том],
как добродушный сардар вместе с шахзаде Хайдаром
целовали высокий престол**

(148-а) Когда озаряющее своими лучами мир солнце, своим восходом оттеснило мрак ночи, как ветерок зефира, что своим освежающим дуновением приносит очищение и спокойствие, прибыл гонец подобно Мессии, который своим дыханием вносит покой, а благородные души приобретают вечное бессмертие. Его сообщение о прибытии в счастливый час шахзаде Хайдара вместе с сардаром, (148-б) [рожденным] под счастливой звездой, вызвало радость у его величества худавендигяра. Подобно тому, как с рассветом тают предрассветные сумерки, так завистливая и коварная жестокость разрушилась, устыдившись перед снисходительным прощением, проявленным к вероломным врагам. Как только была направлена сопряженная со счастьем августейшая грамота, [предписывающая], «невзирая на сильные холода и стужу прибыть как можно скорее «на поклон моему высокому престолу и, вступив на счастливое услужение мне пользоваться моей безграничной милостью», [сардар], который еще до получения высокого повеления намеревался выступить в путь, получив это радостное августейшее послание и обнадеженный милостью хагана, [равного] по достоинству Сулейману, незамедлительно начал путь.

(149-а) 8 раби-уль аввала 998 года (14 января 1590 года), что приходился на понедельник, когда было назначено [их прибытие] в великие врата халифата, помимо великих везиров для встречи собрались государственные чины и знать в парадных одеждах и был оказан такой прием, что ни

один удачливый сардар не удостоивался такого внимания и почитания. Затем 12 числа упомянутого месяца (18 января), что приходился на четверг, когда было назначено прибытие шахзаде Хайдара, в Ускюдаре вблизи Фенербахче его встречал уволенный из эялета Шам, [ныне] покойный Мехмед Пашазаде Хасан-паша и узенги агалары^{cviii} и бёлюк агалары и чавуш баши^{cx} и джебеджи баши^{cx} [во главе] своих войск в полном боевом обмундировании. Янычары и капыкулу выстроились на пристани. Внушительная величественность султана мира и благоговейная почтительность рядового состава была столь очевидна, что даже те, кто прожил жизнь Нуха, не видывали такого великолепия, а тем, кто изучал жизнеописания Дара и Джемшида не встречалось подобное. (149-б) Стояло такое столпотворение, словно наступил день воскресенья. Тысячи людей – мужчины и женщины – стояли как единое целое. Народу было так много, что каждый словно утопая в море пота, пытался достичь до спасительного берега. Из-за такого ажиотажа невозможно пройти по дорогам было невозможно – доставить [шахзаде] в отведенную для него квартиру удалось только к вечерней молитве. К тому времени была накрыта скатерть с таким разнообразием блюд и сладостей, что описание этого излишне. 18 числа упомянутого месяца, в среду хан Ардебиля Мехдигулу-хан, встретившись с великим везирем Синанпашой и прочими почтенными везирами, преподнес им подарки и послания. И он [великий везир] тоже с приличествующим своему счастливому посту великого везира (150-а) поклонившись, чествовал его. 22 числа упомянутого месяца (28 января), в воскресенье, когда было назначено [их] прибытие в августейший диван для поклонения престолу убежища справедливости, завершив приготовления к устройству грандиозного банкета, саг улuffedжи баши^{cx} и чавуш баши, верхом на лошадях торжественно выступили в направлении резиденции пребывания шахзаде. Они [т.е. свита шахзаде] на лошадях в том порядке, как того требует

их церемониал, направились в сторону Баб-и хумаюн^{схii}. Как только до слуха благонравного [султана] дошла весть о проявлении покорности шахом зимы, он по долгу своей миссии, сочтя обязательным выказать великодушие [к шахзаде] в период его нахождения на услужении августейшего Хусрева эпохи, в сопровождении войска лично встретил шахзаде. Растворив двери неиссякаемой казны, рассыпал над головами собравшейся толпы столько дирхемов, что даже нищие, [до того не имеющие] монеты, заполнили ими подошвы своей одежды.

(150-б)...Как только шахзаде с тысячами почестей вошел в августейший Диван, почтенные везиры поднялись со своих мест и, сделав [навстречу] 5-10 шагов приветствовали, а затем усадили между великим везирем и главнокомандующим. Мехдигулу-хан и его [шахзаде] лала^{схiii} Шахымгулу Халифе и другой Мехдигулу-хан расселись на скамье напротив почтенных везиров. Мехдигулу-хан, уполномоченный шахом, почтительно произнес приветственную речь. (151-а) Затем был устроен пышный банкет, после которого, усадив шахзаде у Баб-и саадат^{схiv}, надели на него три халата, один из которых был из соболиной шкуры. Остальные расселись перед зданием государственного казначейства. Хану преподнесли два халата, а султанам и прочим 15-и подданным из числа обязательной [свиты] – по одному халату. Мехдигулу-хан, удостоенный чести поцеловать престол – место устремления мира, передал послание шаха в руки великого везира, а он, положив его на край престола султаната, обратился к вышеупомянутому хану со словами: «если желаете, можете обратиться устно». Мехдигулу-хан начал свою речь: «преданный [Вам] шах Аббас, покорнейше обращаясь к великодушному падишаху с просьбой о милости и прощении, [заявляет], что наши наследственные владения, до настоящего момента захваченные могущественной силой повелителя, вошли в состав великого халифата с благословения Всевышнего. (151-б) Да и про-

чие наши земли принадлежат достигающему цели победоносному султану. Если будет признана приемлемой наша служба для августейшего, то мы искренне готовы выбрать для этого лучших [представителей] из числа презренных рабов с наших прочих наследственных земель, если же нет, то мы готовы незамедлительно передать [управление] захваченными землями назначенным [султаном] куллара́м. А сам я, следуя примеру своих предков, привычных к отшельничеству, буду довольствоваться тем, что, уединившись в углу, стану возносить молитвы во имя упрочения правления [султана]». Этими словами он закончил свою речь. Далее перечисляются дары, высланные шахом [в знак] покорности:

- три кыта^{схv} «Келам-е Кадим»^{схvi}, из которых одна маленькая, переписанная мастером^{схvii}, в переплете, инкрустированном драгоценными камнями, а две другие (152-а) – большие, переписанные мастером, в позолоченном переплете;
- книга «Шахнаме» Фирдовси, [украшенная] позолотой и миниатюрами;
- книга «Хамсе» Низами, [украшенная] позолотой и миниатюрами;
- сборник стихов Хагани;
- книга «Юсуф ве Зулейха», [украшенная] позолотой и миниатюрами;
- «Диван» Хафиза, переписанный мастером, [и украшенный] позолотой и миниатюрами;
- книга «Китаб-е Махзен-уль эсрар», [украшенная] позолотой и миниатюрами;
- книга «Хафт манзар» Хатифи, [украшенная] позолотой;
- сборник «Рубаи» Хайама, [украшенный] позолотой;
- книга «Китаб-е шевахид-ун небюввет», [украшенная] позолотой и гравировкой;
- книга «Джемшид ве Хуршид», [украшенная] позолотой;

- сборник стихов Ахли, [украшенный] позолотой;
- книга «Китаб-е Хуласат-уль ахйар», [украшенная] позолотой;
- сборник [стихов] Шейха Саади, [украшенный] позолотой и гравировкой;
- «Китаб-е муракка»^{схviii}, с позолотой и миниатюрами;
- расшитая золотом скатерть;
- хаканская чалма;
- девять аба, сплошь расшитых золотом;
- четыре аджемских ковра: из которых один – бархатный, расшитый золотом, второй – шелковый, расшитый золотом, третий – сплошь расшитый золотом, четвертый – хорасанский войлочный, расшитый золотом;
- (152-б) - еще два [комплекта] аджемских ковров по два в каждом;
- отрез шелка;
- два комплекта бархата семи цветов;
- четыре клубка ниток золотисто-лазоревого цвета;
- отрез шелка, расшитого золотисто-лазоревыми нитками;
- шатер с атласными вставками и шелковыми веревками;
- материя, украшенная золотыми и драгоценными [изделиями];
- коробка с панзехром^{схix};
- мумия^{схx} в запечатанном мешке...

(153-а)...Помимо даров, преподнесенных шахзаде Хайдару, послам и прочим подданным на повседневные расходы было потрачено по одному йюк акче^{схxi} на день. Их просьбы, выраженные в доставленных ими письмах, достигли трона убежища справедливости и были встречены милостью падишаха. Благородные везиры по отдельности в знак полного почтения также устраивали грандиозные банкеты... Было решено разместить шахзаде Хайдара^{схxii} во дворце убежища правосудия, с тем, чтобы он обрел покой

под сенью распространяющего справедливость августейше-
го султана...

Указатели к переводу

1. Собственные имена

- Аббас I 181,182,184,185,190
Абдулла-хан 129
Абдурахман-бек 121,125
Адам 139
Адиль Гирей-хан 123,126-129,
131,132
Александр-хан, Искендер-хан
109-110,124
Али Султан, правитель Барды
180
Алигулу Султан 185
Алихан-бек 185
Амир-хан Туркман 110,117,
128, 162
Амир Шамхал 119,120,124,126
Ануширван 107,133
Арас-хан 112,121-123,126,127
Ахли 191
Ахмед, кетхуда 133
Ахмед-паша, беглярбек Мара-
ша 104,105,118,126
Ахмед-бек 126,143
Баба Халифа, правитель Тура
127
Байрам-чавуш 185
Бахрам-паша, беглярбек Эр-
зума 102,104,105,118,
142,143,145
Бекр 132
Будаг-бек, бек Амасьи
118,126,127
Вахтанг 108
Вели-ага 184,185
Гази Гирей-хан 127,139,141
Гейтас-ага 129
Гейтас-паша 118,121,122,
125-127,132
Дара 189
Давуд-хан 107
Деде-хан 127
Дервиш-паша, беглярбек Дияр-
бекра 103,105,115,116
Джафар Гарар 175,177,179
Джафар-паша, беглярбек Ана-
долу 144,145
Джемшид 189
Донбал Хаджи-бек 111,112
Заим Гасым-бек 118
Зиядоглу Мухаммед Каджар
176,177,180
Ибрахим-бек, беглярбек Рухи
117,123,127,130,133
Имамгулу-хан Каджар, прави-
тель Гянджи 103,126,127
Иса Султан 127
Искендер Зульгарнейн 132,
133,124,182
Искендер-паша 117,118,142
Искендер-хан 180
Исмаил I 105,139
Исмаил-хан 177
Казак-хан, беглярбек Акчекале
173,186
Кваркаре, мелик 104,106
Кейхосров, атабек 104,106
Келб Али-хан 185,186
Кисра 108
Копек-хан 128
Лала Мустафа-паша 102,111,
113,117,121,137,165

Левенд-хан 108,127,167,168,180
Максуд-хан 149,171
Махмуд-паша, беглярбек Сиваса 102,145
Мевляна Валехи Эфенди 108,115
Менучехр, мелик 104,106
Мехдигулу-хан 141
Мехдигулу-хан Султан, хан Ардебиля 185,189,190
Мехмед-паша, мирмиран Диярбекра 155,161
Мехмед Пашазаде Хасан паша 141,143,144,168,173, 180,186,189
Мирза Али, бек Капана 111,112
Мирза Али Султан 127
Мурад Гирей-хан 140,141
Мурад-паша, мирмиран Карамана 161,163
Мурад Султан, правитель Мугана 110
Мурад III 102,149,161
Мухаммед, пророк 115,188
Мухаммед-бек 117
Мухаммед-бек, бек Азака 123,126,138
Мухаммед-паша, беглярбек Тифлиса 108,143
Мухаммед-паша, беглярбек Карамана 145
Мухаммед-паша, беглярбек Халеба 118
Мухаммед-паша беглярбек Эрзрума 117,119
Мухаммед Худабенде 128
Мухаммед Челеби 133
Низами 191
Нух 134,145,189
Омар-бек, бек Садара 126
Осман-паша Оздемироглу 104,105,115,117,118,120-123,126,128,129,132,133,135, 137, 138,140,152,154,156,162, 168,169
Парвана-ага 128
Пехливан Хамза 139,140
Пияла-бек 126,127,132
Порталоглу Ахмед, султан Шекинской касабы 121
Порталоглу Мустафа-паша 180
Порталоглу Пиргули 126
Путур Али-паша 168
Пуча Лав 120
Ризван-паша 143,144
Саадат Гирей 127
Саади 192
Салман-хан, везир шаха 141
Самандар-паша 168
Сейид Мир Султан, правитель Гиляна 127
Синан-паша 102,156-158, 162 163,165,166,189
Симон 167,168,173,180
Солак Фархад-паша, беглярбек Багдада 108,143
Сулейман 148,174,188
Султан Хасан (Аккоюнлу) 150
Султан Хайдар, шахзаде 181,183,184,186-189,192
Тахмасиб I 108,139
Токмак-хан Устаджлу 103,105, 107,111,145,146,162,176,179
Узун Хызр 132
Фархад-паша 165,168,170, 172,175

Фирдовси 191
Хагани 191
Хадим Хасан-паша, беглярбек
Анадолу 179
Хайам 191
Хаджи-бек 143
Халваджи Мустафа-паша
117,123,130
Халил-хан 128
Халифа Ансар, правитель Ка-
раджадага 111
Хамид ага 125
Хамза, шахзаде 126,181,183,187
Хосров, кетхуда 122
Хосров-паша, беглярбек Вана
103
Хосров-паша, беглярбек Эр-
зрума 147
Хуррам ага 122,126,133
Хусейн, имам 132
Хусейн-хан Султан 127
Хусрев 187,190
Хызр 104
Хызр-паша 173
Чингиз-хан 168
Челеберди 132
Черкес Хайдар-паша 176
Чыраг Халифа 119, 134
Шейх Валехи Эфенди 108,115
Шейх Наджди 142
Эрдогду-хан 121,123,124,126
Ядигяр-бек 126

2. Географические названия

- Аджем 168,181,187
Аджемский вилайет 165
Агдаш 126
Аджису 149,153
Азак 123,138
Азербайджан 152,166,169,171,
172,177
Акчекале 173
Алтункале 104
Амасья 118
Анадолу 144,145,147,173,179
Анадолуйский эялет 179
Арас 174,176,178
Ардахан 103,113
Ардебиль 185
Ареш 114,115,118,119,121,
122,125,137
Арешская равнина 114
Ахты 120
Багдад 108
Баку 119
Барда 180
Басмали 102
Буд 107
Ван 103
Габырры 108,111
Гилян 127
Гори 173,174
Гюлистан 129
Гюрджистан 102,104,105,117,
123,126,165,166,170
Гюрджистанский вилайет 173
Гюрджю богазы 144
Гянджа 103, 127,138,165,
172-177,180,185-187,197
Гянджинская крепость 172,175
Гянджинский вилайет 121
Дагестан 126,134
Демиркапы, Дербент 118,119,
128,133,134,136,137,
138,140,141
Дешт-и Кыпчак 119
Диярбекр 103,116,117,
127,142,143,155,161,166
Зардав 122,134
Индия 128
Ирак 128
Иран 106,128,166
Ирем 169,182
Кабала 119,137
Кагызман 186
Казвин 185
Кайтаг 138
Канык 110,112
Капан 111,112
Караамид 158,163
Карабах 138,180,187
Караджадаг 111,179
Караман 145,147,161,173,177
Карс 117,145,147
Кастамону 108
Кастантиния 168
Кербела 124
Коюн кечиди 111,117
Кум 138
Кура, Кюр сую 107, 111,
121,127,141,173,174, 180
Кухистан 123
Кыршехир 177
Кюр Кюре богазы 138

Лору 166-168
Маниса 118
Мараш 104,118,141,147
Махмудабад 119,137
Муш 147
Нахчыван 110,166,170,177
Олту 102
Пашачуг 102
Пасин овасы 102
Пешт 107
Реван 145-147,165-167,
170, 177
Реванский вилейет 145
Рум 118,161
Румели 147,173
Руха 117,123,127
Садар 126
Сальян 118,121,127
Санджар 118,126
Сарыкамыш 180
Сивас 102,145,147
Синд 128
Султанджик 119
Табасаран 138
Тебриз 149,152,154,155,
158,159,168-172
Тифлис 102,106,110,
119, 141,143-145
Тифлисская крепость 107
Туманис 166-168
Туна 107
Тур 127
Туран 106,128,166
Тюрк-и Дейлем 165,169,
181,187
Ускюдар 189
Фенербахче 189
Халеб 118,173,180
Халебская крепость 107
Хамна 171
Хасанкале 102,125,186
Хиджаз 128
Хорасан 106,128,169
Чалдыран 111
Чылдыр 117
Чылдырская равнина 103
Шабран 119,120
Шам 141,143,163,189
Шарабхана 145
Шеки 119
Шекинская касаба 121
Шемаха 115,119,122,123,
125,132,133,137
Шираз 170
Ширван 106,107,109,110,113,
116-121,125,128,129,134,137-
139,141,166-168,177
Ширванский вилайет 111,113-
115,120,175,179
Эльборз 119,120,139,140,174
Энкрус 107,140
Эрзрум 102,104,110,113,116,
118,120,121,125,130,132,145,
147,166,168,170,173,181,
183,186

Список использованной литературы

Источники

1. Feridün bey, Münşeat-üs selatin, İstanbul, h. 1274.
2. Osmanlı devleti ile Azərbaycan Türk hanlıkları arasındakı münasebetlere dair arşiv belgeleri, c. 1, Ankara, 1992.
- 2.1. Mühimme nr.32, hükum 456.
3. Osmanlı devleti ile Azərbaycan Türk hanlıkları arasındakı münasebetlere dair arşiv belgeleri (1575-1918) c. 2, Ankara, 1993.
- 3.1. Mühimme nr.44, hükum 191.
4. Peçevi İbrahim Efendi, Peçevi Tarihi, cild II, Hazırlayan Prof.Dr. Bekir Sıtkı Baykal, Ankara, 1999.
5. Rahimizade İbrahim, Zafername-i Hazret Sultan Murad Han, AMEA Əlyazmalar İnstitutu, Fs -649, v. 1b-53b.
6. Rahimizade İbrahim, Gönce-i Bağ-e Murad, varak 54a-97b.
7. Rahimizade İbrahim, Gencine-i Feth-i Gence, varak 98a-160b.
8. Selaniki Mustafa Efendi, Tarix-i Selaniki, 1563-1600. /Azərbaycan və qonşu ölkələrin tarixinə dair iqtibaslar/. Osmanlı Türk dilindən tərcümə edən Z.M. Bünyadov. Bakı, "Elm", 1992.
9. Solak-zadə Mehmed. Tarix (Azərbaycan tarixinə dair iqtibaslar). Türk dilindən tərcümə edən Z.M. Bünyadov. Bakı, "Elm", 1992.
10. Ибрахим Печеви. История. Перевод с турецкого языка и примечания ак. З.М.Бунятова, Изд. Элм, Баку, 1988.
11. Книга Орудж-бека Байата-Дон Жуана Персидского. Перевод с англ., введение, комментарии и указатели д.и.н. О.Эфендиева и к.и.н. А.Фарзалиева, Баку, 1988.
12. Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси, Шарафнаме. Перевод, предисловие, примечания и приложение Е.И. Васильевой, Москва, т. II, 1976.

Исследования
на азербайджанском языке

13. Azərbaycan tarixi, Yeddi cildə, 3-cü cild, (XIII-XVIII əsrlər), məsul redaktor Oqtay Əfəndiyev, Bakı, 1999.
14. Ağayev R.Ə., Azərbaycan və Mərkəzi Asiya dövlətlərinin qarşılıqlı münasibətləri (XV-XVI əsrlər), Bakı, 2004.
15. Əfəndiyev O.Ə., Fərzəliyev Ş.F., «Fəxrəddin Kırzioğlunun «Osmanlıların Qafqaz ellərini fəth etməsi (1451-1590)» kitabı haqqında bəzi qeydlər. «ASSR EA Xəbərləri, Tarix, fəlsəfə və hüquq seriyası», 1984, № 2.
16. Fərzəlibəyli Ş.F., Azərbaycan və Osmanlı imperiyası, Bakı, 1999.
17. Fərzəlibəyli Ş.F., XVI əsrin son rübündə osmanlıların Şirvana hücumu və bunun əsas səbəbi, N.Tusi adına ADPU-nin Şamaxı filialının və Azərbaycan Tarix Qurumunun Azərbaycan Cumhuriyyətinin yaranmasınının 79-cu ildönümünə həsr olunmuş birgə elmi konfransın materialları, Bakı, 1997.
18. Fərzəliyev Ş.F., Azərbaycan XV-XVI əsrlərdə (Həsən bəy Rumulun «Əhsənüt-təvarix» əsəri üzrə), «Elm» nəşriyyatı, Bakı, 1983.
19. Fərzəliyev Ş.F., 1585-1588-ci illər Azərbaycan tarixinə aid bir nadir türk əlyazması haqqında, ASSR EA Məruzələri, Bakı, 1978, N1.
20. Gəncə-Qarabağ əyalətinin müfəssəl dəftəri. Ön söz, tərcümə, qeyd və şərhlərin müəllifi Hüsəməddin Məmmədov (Qaramanlı), Bakı, 2000.
21. Mahmudov Y., Səyyahlar Azərbaycana gəlir, Bakı, 1977.
22. Məmmədova Ş.K., «Xülasət ət-təvarix» Azərbaycan tarixinin mənbəyi kimi, Bakı, 1991.
23. Kərim Kərimov, Sultan Məhəmməd və onun məktəbi, Bakı, 1993.
24. Nəcəfli T.H., Səfəvi-Osmanlı siyasi münasibətləri müasir türk tarixşünaslığında, BBS-95 toplusu, Bakı, 1997.

25. Onullahi S.M., XIII-XVII əsrlərdə Təbriz şəhərinin tarixi, Bakı, 1982.
26. Rəhimov Ə.H., Şah Təhmasibin Türkiyəyə hədiyyə göndərdiyi kitablar, ASSR EA Məruzələri, Bakı, 1971, № 11-12.

на русском языке

27. Альтман М.М., Из истории торгово-дипломатических связей Москвы и Ширвана, Труды Института Истории имени А. Бакиханова, т. I, Баку, 1947.
28. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Перевод с английского Ю.В. Готье, Ленинград, 1937.
29. Арапов Д.Ю., Из истории взаимоотношений Средней Азии и Ирана в конце XVI века - Вестники МГУ, сер. 9, История, 1969, N1.
30. Ашурбейли С.Б., История города Баку. Период средневековья, Баку, 1992.
31. Ашурбейли С.Б., Государство Ширваншахов (VI- XVI вв.), Баку, 1983.
32. Бакиханов А.А., Гюлистан-и Ирам. Редакция, комментарии, примечания и указатели академика АН АССР З.М.Буниятова, Баку, 1991.
33. Бартольд В.В., Краткий обзор истории Азербайджана, Сочинения, т. II, ч. I, Москва, 1963.
34. Бартольд В.В., Мусульманский мир после XV века, Сочинения, т. VI, Москва, 1966.
35. Беленицкий А.Н., О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV-XVI вв., Труды Таджикского филиала АН СССР, 1945, N15.
36. Босфорт К.Э., Мусульманские династии, Москва, 1971.
37. Будагов А.З., Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, Санкт-Петербург, Типография Императорской Академии Наук, 1869.

38. Бушев П.П., История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586-1612 гг. (по русским архивам), Москва 1976.
39. Гордлевский В.А., Внутреннее состояние Турции во второй половине XVI века. Труды Московского Института Востоковедения, Сб. N2, М., 1940.
40. Гусейн Ф.А., Mühimme defterleri о причинах османосефевидской войны 1578-1590-х гг., Respublika Elmi konfransinin materialları, Bakı, 2003.
41. Заходер Б.Н., Государство Сефевидов. В книге “Всемирная история”, т. IV, Москва, 1959.
42. Иванов М.С., Очерки истории Ирана, Москва, 1952.
43. Казиев А.Ю., Художественное оформление азербайджанской рукописной книги XIII-XVII веков, Москва, 1977.
44. Камбайзаде Х.А., Взаимоотношения государства Сефевидов с западноевропейскими странами (конец XVI-первая треть XVII вв.). Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук, Баку, 1991.
45. Коран, перевод и комментарии Крачковского И.Ю., Баку, 1990.
46. Краткая история литератур Ирана, Афганистана и Турции, Ленинград, 1971.
47. Крымский А.Е., История Турции и ее литературы от расцвета до начала упадка, Москва, 1910.
48. Кушева Е.Н., Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века, Москва, 1963.
49. Мамедов С.А., Азербайджан по источникам XV- первой половины XVIII вв., Баку, 1993.
50. Махмудов Я.М., Взаимоотношения государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами /II половина XV- начало XVII века/, Баку, 1991.
51. Махмудов Я.М., К вопросу о взаимоотношениях государств Аккоюнлу и Сефевидов с европейскими стра-

- нами /II половина XV-начало XVII века/ - (статья первая), Известия АН АССР, серия истории, философии и права, Баку, 1987, N3.
52. Махмудов Я.М., К вопросу о взаимоотношениях государств Аккоюнлу и Сефевидов с европейскими странами /II половина XV-начало XVII века/ - (статья Вторая), Известия АН АССР, серия истории, философии и права, Баку, 1987, N 4.
 53. Миклухо-Маклай Н.Д., К истории политических взаимоотношений Ирана со Средней Азией в XVI веке, Краткие сообщения ИВ АН СССР, т. IV, 1952.
 54. Миклухо-Маклай Н.Д., Шиизм и его социальное лицо в Иране на рубеже XV-XVI вв., Изд. ЛГУ, 1956.
 55. Минорский В.М., История Ширвана и Дербенда X-XI веков, Москва, 1963.
 56. Мустафаев Ш.М., Восточная Анатолия от Ак-коюнлу к Османской империи, Москва, 1994.
 57. Новичев А.Д., История Турции, том I, Эпоха феодализма (XI-XVIII века), Ленинград, 1963.
 58. Орешкова С.Ф., Из истории посреднической торговли в Османской империи, в кн.: Товарно-денежные отношения на Ближнем Востоке в эпоху средневековья, Москва, 1978, с. 185-195.
 59. Османская империя и страны центральной, восточной и юго-восточной Европы в XV-XVI вв., Изд. «Наука», Москва, 1984.
 60. Петрушевский И.П., Азербайджан в XVI - XVII вв., Сб. статей по истории Азербайджана, вып. 1, Баку, 1949.
 61. Петрушевский И.П., Государства Азербайджана в XV в., Сб. статей по истории Азербайджана, вып. 1, Баку, 1949.
 62. Петрушевский И.П., Из истории Ширвана, Исторический журнал, М., 1944, N1.
 63. Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий Л.М., История Ирана с

- древнейших времен до конца XVIII века, Ленинград, 1958.
64. Рахмани А.А., Азербайджан в конце XVI и в XVII в. (1590 - 1700 годы), Баку, 1981.
 65. Рахмани А.А., «Тарих-и алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана, Баку, 1960.
 66. Садиков П.А., Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г., Исторические записки, N 22, 1947.
 67. Смирнов Н.А., Россия и Турция в XVI-XVII вв., (в двух томах), т. 1, Ученые записки, выпуск 94, Москва, 1946.
 68. Смирнов Н.А., Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв., Москва, 1959.
 69. Тверитинова А.С., Восстание Кара Языджи – Дели Хасана в Турции, Изд. АН СССР, М., Л., 1946.
 70. Тихомиров М.Н., Россия в XVI столетии, Москва, 1962.
 71. Фарзалиев А.М., "Нусрет-наме" Али эфенди как источник по истории османско-сефевидских отношений конца XVI века, В сокровищнице рукописей, Труды Республиканского Рукописного Фонда АН АССР, Баку, 1985, т. VII.
 72. Фарзалиев А.М., Обзор турецких источников по истории Азербайджана конца XVI - нач. XVIII вв., Известия АН АССР, серия истории, философии и права, Баку, 1983, N 4.
 73. Фарзалиев А.М., Труды Мустафы Али эфенди как источник по истории Азербайджана конца XVI века, Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Тбилиси, 1985.
 74. Фарзалиев А.М. Южный Кавказ в конце XVI века. Османско-сефевидское соперничество, С.-Петербург, 2002.
 75. Фарзалиев Ш.Ф., Об османско-закавказских политических отношениях в 1578-1579 гг., История и филология Турции. Тезисы докладов и сообщений, Москва, 1976.
 76. Фарзалиев Ш.Ф., Османский хронист Ибрахим Рахими-заде о Дагестане (70-е годы XVI в.), сб. Восточные ис-

- точники по истории Дагестана, Дагестанский филиал АН СССР, Институт истории, языка и литературы им. Г.Цадасы, Махачкала, 1980.
77. Цыбульский В.В., Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии с переводом на даты европейского календаря, Москва, 1987.
 78. Энциклопедический словарь "Ислам", Москва, 1991.
 79. Эфендиев О.А., Азербайджанское государство Сефевидов в XVI веке, Баку, 1981.
 80. Эфендиев О.А., "Дон Хуан Персидский или Орудж-бек Байат?", Изв. АН АССР, серия истории, философии и права, Баку, 1966, N 2.
 81. Эфендиев О.А., Минадои и его "История войн между турками и персами", Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права, 1967, N 1.
 82. Эфендиев О.А., Некоторые сведения о последних Ширваншахах Дербентской династии /1500 - 1538/, Ближний и Средний Восток /сб. статей/, М., 1961.
 83. Эфендиев О.А., Новый труд по истории Сефевидского государства, Изв. АН АССР, серия истории, философии и права, 1979, N 4.
 84. Эфендиев О.А., Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI века, Баку, 1961.
 85. Эфендиев О.А., Территория и границы азербайджанских государств в XV-XVI вв. В кн.: Историческая география Азербайджана, Баку, 1997.
 86. Эфендиев О.А., Фарзалиев Ш.Ф., К источниковедческой характеристике трудов османского хрониста XVI века Ибрахима Рахимизаде, В сб. Советское Востоковедение, (по материалам II Всесоюзной конференции востоковедов в Баку 1983 г.), Москва, 1988.

на иностранных языках

87. Babinger F., Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke von Franz Babinger, Lpz., 1927.

88. Babinger F., Osmanlı Tarih Yazarları ve Eserleri, Çeviren Coşkun Üçok, Ankara, 2000.
89. Barkan, «Timar», İslam Ansiklopedisi, cilt XII,1.
90. Brockelman C., İslam milletleri ve devletleri tarihi, I, Çeviren Prof.Dr. Neş'et Çağatay, Ankara, 1964.
91. Cemal Gökçe, Kafkasya ve Osmanlı İmparatorluğu'nun Kafkasya Siyaseti, İstanbul, 1976.
92. «Dirlik», Türk Ansiklopedisi, cilt XIII, Ankara, 1966, s.335-336
93. Faruk Sümer, Safevi devletinin kuruluşu ve gelişmesinde Anadolu türklerinin rolü, Ankara, 1976.
94. Faruk Sümer, Azerbaycanın türkleşmesi tarihine ümumi bir bakış, Türk Tarih Kurumu, Belleten, cilt XXI, sayı 83, s.429-447, Ankara, 1957.
95. Faruk Sümer, XV asırdan itibaren Anadolu'dan İrana vukubulan göçler, Türk Yurdu, sayı 1, Ankara, 1954.
96. Halaçoğlu Y., XIV-XVII yüzyıllarda Osmanlılarda devlet teşkilatı ve sosyal yapı, Türk Tarih Kurumu basımevi, Ankara, 1991.
97. Hammer J., Osmanlı tarihi, cilt 2. Türkçeye çevireni Mehmet Ata, İstanbul, 1990.
98. «Harimi, İbrahim bey», Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi, cilt 4, İstanbul 1981 yıl, s.120
99. İncik H., Osmanlı-Rus rekabetinin menşei ve Don-Volga kanal teşebbüsü (1569) – Belleten, sayı 46, Ankara,1948.
100. İncik H., "The Ottoman Economic Mind and Aspects of the Ottoman Economy" in Studies in the Economic History of the Middle East, ed.by M.A.Cook.London, 1970, 207-218, coursesa.matrix.msu.edu/~fisher/hst373/readings/inalcik8.html
101. Karatay F.E., Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi Türkçe Yazmalar Katalogu, cilt 1. Din, Tarih bilimleri, İstanbul, 1961, N 1

102. «Kars», Türk Ansiklopedisi, cilt XXI, Ankara, 1971, s.356-361
103. Kırzioğlu M.F., Osmanlıların Kafkas ellerini'i fethi (1451-1590), Ankara, 1993.
104. Kütükoğlu B.S., Osmanlı-İran Siyasi Münasebetleri 1578-1590, İstanbul, 1962.
105. Kütükoğlu B.S., Şah Tahmasb'ın III Murad'a Cülus Tebriki, Tarih derqisi, sayı XI, İstanbul, 1960.
106. «Maktel», Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi, cilt.6, İstanbul 1986 yıl, s.126
107. Mehmet İpşirli, «Osmanlı Tarih Yazıcılığı», Osmanlı, cilt 8 (Osmanlı Bilim Tarihine genel bakış), Ankara 1999, c. 247- .
108. Mehmet Saray, Türk-İran munasebetlerinde şiiiliğin rolü, Ankara, 1990.
109. Minorsky V., Shaykh Bali-Efendi on the Safavids, Cambridge, 1957. Reprinted from BSOAS, 1957, XX.
110. Ocak A.Y., Osmanlı kaynaklarında Osmanlı-Safevi münasebetleri, Belleten cild LXVI, № 246, Türk Tarih Kurumu, Ankara, 2002.
111. Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Lüğat, Ferit Develioğlu, Ankara, 1962.
112. Pakalın M.Z., Osmanlı tarih deęimleri ve terimleri sözlüğü, İstanbul :
112. 1. cilt 1, 1951;
112. 2.cilt 2, 1951-1953;
112. 3.cilt 3, 1954-1956.
113. Savory M. Roger, Iran under the Safavids, Cambridge, London, 1980.
114. Savory M. Roger, "A Curiose Episode of Safavid History", Edinburgh University Press, 1971. В сборнике: Studies on the history of Safavid Iran, London 1987.
115. Savory M. Roger, "The Emergence of the Modern Persian State under the Safavids", Tehran University, II, no 2. В

сборнике: Studies on the history of Safavid Iran, London, 1987.

116. Reşat Ekrem, Osmanlı muahedeleri ve kapitülasyonlar ve Lozan muahedesi 1300-1920, İstanbul, 1934.
117. The Cambridge History of Iran, ed. by Peter Jackson, v.6, The Timurid and Safavid periods, Cambridge, 1986.
118. Toğan Z.V., Azerbaycan, c. 2, İstanbul, 1979, s.144.
119. Uzunçarşılı İ.H., Osmanlı tarihi, cilt 3, Ankara, 1988.
120. Vernon J. Parry, Osmanlı İmparatorluğu 1566-1617, Tarih İncelemeleri Dergisi, 4 Burahılış, İzmir, 1989.
121. Yılmaz Öztuna, Başlangıçtan zamanımıza kadar Türkiye tarihi, İstanbul, 7 cild, 1964.
122. Yücel Yaşar, Sevim Ali, Türkiye Tarihi, cilt 3, Osmanlı dönemi (1566-1730), Ankara, 1991.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. О личности и трудах Ибрахима Рахимизаде	10
Глава II. Причины осmano-сефевидской войны 1578-1590-х гг.	22
Глава III. Осmano-сефевидская война 1578-1590-х гг.	32
1. Предвоенная ситуация и начало Восточного похода Лала Мустафа-паши.....	32
2. Борьба за Ширван в 1578-1580-х гг.	43
3. Поход Фархад-паши в Реван в 1583 г.	73
4. Поход Осман-паши в Тебриз в 1585 г.	77
5. Завоевание Гянджи и Карабаха Фархад-пашой в 1588 г.	86
Заключение	94
Извлечения из трудов Ибрахима Рахимизаде	102
«Зафарнаме-йи Хазрат Султан Мурад хан»	102
«Гонче-йи баг-и Мурад»	149
«Гянджине-йи фатх-и Гянджа»	165
Примечания к переводу.....	193
Указатели к переводу	199
Список использованной литературы.....	204

Fərəh Adil qızı Hüseyn. 1578-1590-cı illər Osmanlı-Səfəvi müharibəsi. Bakı, Nurlan, 2005, 216 s.

Фарах Адиль гызы Гусейн. Осmano-сефевидская война 1578-1590 гг. Баку, «Нурлан», 2005, 216 стр.

Компьютерный дизайн: **Эльмар Магеррамов**

Подписано в печать: 09.12.2005
Формат 60x84 ¹/₁₆
Объем: 13,5 п.л.
Заказ № 731
Тираж: 500

Издательство «Нурлан»
Директор: **проф. Н. Мамедли**
Тел: 497-16-32, 050-311-41-89
Адрес: Баку, Ичеришехер,
3-й Магомаевский переулок, 8/4

Примечания к переводу

- ⁱ Хасанкале – крепость восточнее Эрзрума.
- ⁱⁱ Пасин овасы (равнина) находится в Чылдырском эялете.
- ⁱⁱⁱ Кетхуда – помощник или заместитель везира. Войсковой кетхуда – должность в системе корпуса янычар.
- ^{iv} Пашачуг (Башиачыг) – турецкое название Имеретии.
- ^v Речь идет об удачной для османских войск ночной вылазке, в результате которой кетхуда ванского беглярбека Хасан-паша разгромил кызылбашский отряд и, прибыв на стоянку османской армии в Ардахане, доставил 500-600 нанизанных на шести головах кызылбашских бойцов. В ставке это было истолковано, как пишет Печеви, «как доказательство удачливости сардара и гибели врагов» (10, с. 31-32).
- ^{vi} Конач – расстояние между стоянками, равное одному дневному переходу.
- ^{vii} Рахимизаде не называет крепость. По всей вероятности, это крепость Еникале.
- ^{viii} В действительности главнокомандующим сефевидских войск был назначен Токмак-хан Устаджлу.
- ^{ix} Рахимизаде часто называет Токмак-хана “Токмак ак“, что в переводе с арабского означает “непокорный, проклятый”.
- ^x Оджак-бек – начальник янычарского корпуса.
- ^{xi} Тимар – ленное пожалование с годовым доходом до 19.999 акче; зеамет – ленное пожалование с доходом от 20 до 100.000 тысяч акче.
- ^{xii} Анушираван – Хосров I Ануширван, шах Ирана из династии Сасанидов, правил в 531-579 гг.
- ^{xiii} Давуд хан – брат Симона, царя Картли.
- ^{xiv} Туна – река Дунай.
- ^{xv} Рахимизаде сравнивает Тифлис с Будапештом в Венгрии.
- ^{xvi} Вакуф – имущество, пожертвованное государством или отдельными лицами на религиозные или благотворительные цели.
- ^{xvii} Дамат – зять султана, а также титул.
- ^{xviii} Улемы – высшее сословие богословов и законовеедов в мусульманских странах.
- ^{xix} Бёлюк халкы – придворные сипахии в Османской империи, они делились на 6 бёлюков, и в каждом из них насчитывалось по 20-30 всадников.
- ^{xx} Река Габырры – местное название реки Иори.
- ^{xxi} Александр – принц Кахетии.

-
- ^{xxii} Тахмас ибн хуннас («хуннас» – отступающий при упоминании Аллаха, «аль хуннас» – дьявол) значит «сын дьявола».
- ^{xxiii} Тадж – кызылбашский головной убор, введенный шейхом Хейдаром и символизирующий приверженность к шиитской секте 12 имамов. Очевидно, имеется в виду, что, отказавшись надеть его, Александр тем самым не принял кызылбашское учение.
- ^{xxiv} Берат – грамота на право условного владения земельным пожалованием или на право занятия какой-либо должности.
- ^{xxv} Ахднаме – официальный документ, выдававшийся по заключению договоренности по политическим, экономическим вопросам.
- ^{xxvi} Река Канык – река Алазань.
- ^{xxvii} Донбал Хаджи бек также бежал из Османской империи. Ему был пожалован Хойский округ, а затем дополнительно доходы с земельного налога некоторых местностей Нахчыванского края.
- ^{xxviii} Чалдыран – равнина в Южном Азербайджане к югу от города Маку.
- ^{xxix} Капан находится в восточной части Нахчывана на правом берегу реки Бергушад.
- ^{xxx} Имеется в виду поражение кызылбашских войск во главе с правителем Чухурсаада Токмак-ханом в Чылдырском сражении.
- ^{xxxi} Коюн-кечиди – средневековая переправа на Куре.
- ^{xxxii} Акче – турецкая серебряная монета весом от 0.33 до 1.2 г.
- ^{xxxiii} Капыкуллары – общее название всех воинов, входивших в регулярные войска, которые состояли на жалованье у султана.
- ^{xxxiv} Коран, сура 71 (25).
- ^{xxxv} Чарйар – дословно четверо друзей. Так именовали четырех первых, т.н. праведных халифов – Абубекра, Османа, Омара и Али.
- ^{xxxvi} Чархчи – воинский отряд, который выводился на поле боя первым, т.н. «застрельщики».
- ^{xxxvii} Имеется в виду суннит.
- ^{xxxviii} Тугра – монограмма султана, состоящая из его имени и титулов.
- ^{xxxix} Мирахур – главный конюший султанского двора.
- ^{xl} Санджакбек – административный глава санджака (военно-административной единицы) и начальник вооруженных сил.
- ^{xli} Убудият-наме – повинная грамота.
- ^{xlii} Махмудабад – город на берегу реки Куры, севернее Сальян (ныне не существует).
- ^{xliiii} Кулкарындаши, кулкардеши – воины, набиравшиеся в янычарский корпус из местного населения завоеванных стран после прохождения определенной службы в крепостях и на границах. Этот вид войска возник в конце XVI века и был вызван возросшей потребностью в войсках.

-
- ^{xliv} Султанджик – ныне село Султаннуха в Гуткашенском районе.
- ^{xlv} Шафииты – последователи мазхаба, основанного на рубеже VII–IX вв. имамом Мухаммедом аш-Шафи^и (78, с. 295).
- ^{xlvi} Лива или санджак – военно-административная единица, подчиненная эялету.
- ^{xlvii} Сол улuffedжи-баши – начальник одного из 6-и подразделений (бёлюк) придворной кавалерии в османской армии, обязанностью которого являлось обеспечение охраны везира и государственных лиц, в отличие от подразделения саг улuffedжи, отвечавшем за сохранность санджака (знамени).
- ^{xlviii} Рахимизаде иронично называет крымского хана Девлет Гирея «Гарят Гиреем» (грабитель Гирей), по всей видимости, в память о нашествии на Москву летом 1571 года. Ворвавшись в город после сорокадневной осады, Девлет Гирей хан не только захватил государственную казну с огромной наличностью, но и обязал русское правительство выплачивать ежегодную джизью в казну крымского хана.
- ^{xlix} Азак – современный город Азов.
- ^l Чавуш – нижний чин в войске или слуга для особых поручений.
- ^{li} Зарбзан – один из видов пушек, применявшихся в средние века в Османской империи и подразделявшихся на крупные, называемые шахи-зарбзаны, или шахане, средние – миане и маленькие – кючюк.
- ^{lii} Текбир – произнесение формулы «Аллаху акбар» («Аллах велик»).
- ^{liiii} Тахлилль – произнесение слов «ля иляха илля лах» («нет божества, кроме Аллаха»).
- ^{liv} Зикр – моления, заключающиеся, главным образом, в непрерывном произнесении хором имени Аллаха.
- ^{lv} Аталык – дядька-воспитатель у ногайцев, крымских татар и некоторых других тюркских народов.
- ^{lvi} Ал-аба – пять святых в мусульманской религии: Мухаммед, Фатима, Али, Хасан, Хусейн.
- ^{lvii} Сообщение о пленении и казни Имамгулу-хана не соответствует действительности.
- ^{lviii} Имеется в виду шах Мухаммед Худабенде.
- ^{lix} Нефир-и ам – сбор для погашения расходов по организации ополчения в средние века.
- ^{lx} Имеется в виду Осман-паша.
- ^{lxi} Имеется в виду принц Хамза Мирза.
- ^{lxii} Горчибаши – начальник горчиев (шахской гвардии), состоявших на службе при шахской особе в Сефевидском государстве.

-
- lxxiii Юзбаша – военный чин в отрядах тимарных сипахиев, соответствующий сотнику.
- lxxiv Шаб-и ахья – ночь месяца Рамазана, которую проводят до утра в молитве.
- lxxv Таухид – произнесение слов «нет божества кроме Аллаха» («ля иляха илля лах»).
- lxxvi Имам Хусейн – третий шиитский имам, возглавлявший восстание против халифа Йазид и трагически погибший в Кербела.
- lxxvii Дефтердар – чиновник, ведавший финансовыми делами, управлявший финансами эялета.
- lxxviii Рахимизаде имеет в виду праздник Курбан-байрам. Эта дата представляется явно ошибочной. Скорей всего, Осман-паша выступил из Шемахи в праздник Рамазана, т.е. 1 шевваля 986 г.х./ 1 декабря 1578 г.
- lxxix Дефтердар – казначей.
- lxxx Рейс-и куттаб – начальник канцелярии.
- lxxxi Автор под исламом подразумевает суннитский толк.
- lxxxii Диздар – начальник, комендант крепости.
- lxxxiii Киле – мера сыпучих тел, равная 40 литрам, или 25.656 кг.
- lxxxiv Имеется в виду крымский хан Мухаммед Гирей.
- lxxxv Имеется в виду восстановление крепости Карс, которое велось под руководством Мустафа-паши.
- lxxxvi Яя баши – начальник пехотинских войск в османской армии.
- lxxxvii Сарвар – эпитет пророка Мухаммеда, означающий «глава всего сущего».
- lxxxviii Шахи зарбзаны – см. примечание 51.
- lxxxix Фарсах – мера длины, равная приблизительно 7 км.
- lxxxx Джизья – подушная подать, которую платили в мусульманских странах иноверцы.
- lxxxxi Харадж – в османское время налог с покоренного немусульманского населения. Бадж – торговая, базарная пошлина, взимаемая со всех видов товара. Размер баджа колебался от двух ачке до 1/5 стоимости товара.
- lxxxxii Имеется в виду сардар Лала Мустафа-паша.
- lxxxxiii Дини-Тохмак-ак – взбунтовавшийся против религии Токмак.
- lxxxxiv Дирлик – средства к жизни, проживание. Так называлось земельное пожалование, предоставлявшееся сановникам, находившимся на государственной службе.
- lxxxxv Узнав о наступлении османской армии, кызылбашское население Ревана покинуло город, как об этом и сообщает Рахимизаде. В городе, надеясь на право неприкосновенности, которое предоставляла ос-

манская сторона во время предыдущих походов, осталось, главным образом, христианское население.

^{lxxxv i} Мехтар – корпус музыкантов у янычаров.

^{lxxxv ii} Гурза – палица, булава.

^{lxxxv iii} Шешпар – булава с шестью ребрами, шестопер.

^{lxxxix} Геран – соединение двух светил в одном зодиаке, астрологическое предзнаменование.

^{xc} Имеется в виду султан Мурад III.

^{xc i} Сахибгран – властитель времени, века.

^{xc ii} Под потомком Чингиз-хана подразумевается крымский хан Мухаммед Гирей II (1577-1584) (как известно, крымские ханы были прямыми потомками Чингиз-хана и вели свою родословную от его сына Джучи), который по настоянию султана предпринял поход на Ширван, но вскоре, поссорившись с Осман-пашой, самовольно вернулся обратно на родину. Узнав об этом, султан лишил его власти, но Мехмет Гирей-хан, не смирившись с решением султана, оказал сопротивление. После 7-и дневной осады со стороны Осман-паши Мехмет Гирею удалось сбежать. Однако его настигли и убили. Согласно Узунчаршылы Х., он был задушен своим же братом Алп Арсланом (119, с. 3).

^{xc iii} Так арабы называли Стамбул. Это название было перенято турками и встречается в средневековых письменных источниках наряду с «Istanbul»ом.

^{xc iv} Это событие приходится на 993 г.х. 6 зилькааде 993 г.х. соответствует 20 октября 1585 г.

^{xc v} Магсуд-хан Зулькадар, изменив Сефевидам, перешел на османскую сторону и был назначен правителем Халеба.

^{xc vi} Темджит – восхваление Аллаха словами «вечная слава ему!» (аль мажду ль халид ляху!»).

^{xc vii} Зира (в переводе с арабского «локоть») – мера длины, равная 0,66 м.

^{xc viii} Белюк агасы – начальники придворных сипахиев – бёлюков.

^{xc ix} Имеется в виду Зиядоглу Мухаммед-хан, кызылбашский правитель Гянджи.

^c Речь идет об албанских меликах, не принявших ислам.

^{ci} Кочкапан шах Хамза – прозвище сына шаха Мухаммеда Худабенде шахзаде Хамза Мирзы, полученное за то, что он на скаку схватил и поднял на седло барана.

^{cii} Автор хочет сказать, что сефевидский двор, сокрушаясь по поводу потерянного трона, отсрочивал отправку делегации в надежде его вернуть.

-
- ^{ciii} Чашнигир – придворный слуга, обязанный накрывать и подавать на стол.
- ^{civ} Эшикагасы – церемониймейстер двора.
- ^{cv} Птица анка – баснословная птица, жившая на горе Каф.
- ^{cvi} Рахимизаде перефразировал имя Келб Али в «Келб акур» («злой пес»).
- ^{cvii} Праздник ид ал-адха, другое название Курбан байрам, праздник жертвоприношения, отмечающийся 10-го зульхиджа.
- ^{cviii} Узенги-агалары – стремянные. Так назывались дворцовые служащие, обязанностью которых являлось поддержание стремени султана.
- ^{cix} Чавуш-баши – офицерский чин при дворе.
- ^{cx} Джебеджи-баши – начальник корпуса джебеджи (оружейников). Этот корпус занимался изготовлением, ремонтом, поддержанием в боевой сохранности оружия, военного снаряжения и боеприпасов.
- ^{cxii} Саг улuffedжи-баши – см. примечание 47.
- ^{cxiii} Баб-и хумаюн – так назывались первые ворота султанского дворца в Стамбуле, располагавшиеся напротив мечети Ая Софья.
- ^{cxiv} Лала – воспитатель принцев.
- ^{cxv} Баб-и саадат – вторые, внутренние ворота султанского дворца в Стамбуле.
- ^{cxvi} Кыта – буквально «отрывок». Произведение особого жанра каллиграфического искусства, представляющее собой художественно оформленные на отдельных листах небольшие поэтические или прозаические отрывки.
- ^{cxvii} Под «Келам-и Кадим» имеется в виду священная книга Коран.
- ^{cxviii} В средние века переписывание книг осуществлялось мастерами-каллиграфистами. Самые искусные мастера каллиграфического письма пользовались славой и их называли устадами. К сожалению, в данном случае Рахимизаде не называет имени мастера.
- ^{cxix} Китаб-е муракка – альбом, включающий отдельные миниатюры.
- ^{cx} Панзехр (искаженное от «падзехр») – камень, образующийся в желудке некоторых животных и употребляющийся как противоядие.
- ^{cxxi} Мумия как ценное лечебное зелье, заживляющее раны, считалось достоянием и предметом гордости правителей Ирана. По сообщению османского автора XVII века Катиба Челеби, с месторождения на горе Дарабджерд, что в 50 фарсах от Шираза, в год добывалось не более 20 мискалей этого вещества.
- ^{cxvii} Один юк акче составляет 100 тысяч акче.
- ^{cxviii} О дальнейшей судьбе шахзаде Хайдара сообщает Печеви. Он пишет, что шахзаде Хайдар заболел чумой и умер. Его похоронили близ гробницы Аййуба Ансари – знаменосца пророка Мухаммеда, погиб-

шего и похороненного у стен Константинополя в 672 году. Над могилой шахзаде соорудили высокую гробницу. Однако некоторые фанатики вскрыли могилу и увезли его останки в свою страну.